

Том 18, номер 3, 2025
Vol. 18, No 3, 2025

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Место внешних факторов
в развитии стран БРИКС*

External Factors as BRICS' Drivers

ТОМ 18 • НОМЕР 3 • 2025

Контуры глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 18 • NUMBER 3 • 2025

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ

Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ

Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ

Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ

Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ

Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ

Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ

Володин А.Г., ИНИОН РАН, Москва, РФ

Ефременко Д.В., НИУ ВШЭ, Москва, РФ

Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия

Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция

Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия

Канаев Е.А., НИУ ВШЭ, Москва, РФ

Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ

Кривопалов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ

Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия

Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ

Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ

Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ

Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ

Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания

Сибаль К., Университет им. Дж. Неру, Нью-Дели, Индия

Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ

Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция

Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ

Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ

Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ

Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ

Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ

Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ

Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ

Порфириев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ

Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ

Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>

© ИНИОН РАН, 2025

Периодичность: 6 раз в год

Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.00

Содержание

Социальные трансформации

- МИХАЛЕВ М.С.** Буддийский ренессанс в Индии:
опыт «присвоения» религии меньшинства 6–19

Особенности современного экономического развития

- КАЛАШНИКОВ Д.Б.** Интернационализация экономики Китая:
контуры нового ИКТ-индустриального центра мирового хозяйства 20–43

Китайский глобальный проект для Евразии

- СЕМЁНОВА Н.К.** Динамика экономических показателей
и тренды дальнейшего развития морских портов Китая 44–62

Российский опыт

- КИРЕЕВ А.А.** Воздействие антироссийских санкций на динамику
иностранных инвестиций в Дальневосточном федеральном округе 63–83

- ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ В.Д.** Нефтяной фактор в российско-саудовских
отношениях на современном этапе 84–97

Панорама Африки и Ближнего Востока

- ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В.** От торговли к геополитике:
трансформация роли ОАЭ в Африке южнее Сахары 98–114

- ЗАМЕСИНА С.Н., САПУНЦОВ А.Л.** Институты распределения
и использования официальной помощи развитию в Эфиопии 115–130

В национальном разрезе

- СИМОНОВА Л.Н.** Экономическая и финансовая политика
правительства Лулы да Силвы в 2023–2024 гг. 131–149

- БАСКАКОВ И.Д.** Развитие индустрий редкоземельных металлов и лития
в Иране как фактор национальной энергетической
и технологической безопасности 150–165

Цифровые трансформации

- КАБАНОВ Д.А.** Открытые цифровые технологии как новое
направление сотрудничества стран БРИКС 166–185

Вокруг книг

- БЕЛИНСКИЙ А.В.** Почему Запад не сумел предотвратить
вторую холодную войну 186–195

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Dmitry V. Efremenko, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey

Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary

Evgeny A. Kanaev, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany

Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Kanwal Sibal, Jawaharlal Nehru University, New Dehli, India

Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Andrey G. Volodin, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil

Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation

Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viacheslav A. Nikonorov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>

Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies

Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.00

Contents

Social Transformations

- MIKHALEV M.S.** Buddhist Renaissance in India:
The Experience of Appropriating a Minority Religion 6–19

Specifics of Modern Economic Development

- KALASHNIKOV D.B.** Internationalization of China's Economy:
Outlines of a New ICT-industrial Core of the World System 20–43

The Chinese Global Project for Eurasia

- SEMENOVA N.K.** Dynamics of Economic Indicators and Trends
of Further Development of China's Seaports 44–62

Russian Experience

- KIREEV A.A.** Impact of Anti-Russian Sanctions on the Dynamics
of Foreign Investments in the Far Eastern Federal District 63–83

- OSTANIN-GOLOVNYA V.D.** The Oil Factor in Russian-Saudi Relations
at the Present Stage 84–97

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

- DENISOVA T.S., KOSTELYANETS S.V.** From Trade to Geopolitics:
The Transformation of the UAE's Role in Sub-Saharan Africa 98–114

- ZAMESINA S.N., SAPUNTSOV A.L.** Institutes of Distributing
and Absorbing Official Development Assistance in Ethiopia 115–130

National Peculiarities

- SIMONOVA L.N.** Economic and Financial Policies of the Lula da Silva's
Government in 2023–2024 131–149

- BASKAKOV I.D.** Development of Rare Earth Metals and Lithium Industries
in Iran as a Factor of National Energy and Technological Security 150–165

Digital Transformations

- KABANOV D.A.** Open Digital Technologies as a New Area
of Cooperation Among BRICS Countries 166–185

Spotlight on New Academic Arrivals

- BELINSKY A.V.** Why the West Failed to Prevent the Second Cold War 186–195

Социальные трансформации

УДК 322+323(1*IN)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.01

Буддийский ренессанс в Индии: опыт «присвоения» религии меньшинства

Максим Сергеевич МИХАЛЕВ

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт Китая и современной Азии РАН
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: maxmikhalev@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-5695-6915

ЦИТИРОВАНИЕ: Михалев М.С. Буддийский ренессанс в Индии: опыт
«присвоения» религии меньшинства // Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 6–19.
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.01

Статья поступила в редакцию 21.04.2025.
Исправленный текст представлен 09.05.2025.

АННОТАЦИЯ. В последнее десятилетие на исторической родине буддизма, в Индии, современный ренессанс этой религиозной системы, начавшийся еще в 50-е годы прошлого столетия, получил безоговорочную поддержку со стороны высшего руководства страны. Получают новый импульс для развития старые и создаются новые международные буддийские организации, проводятся крупномасштабные мероприятия, призванные сделать Индию площадкой для международного религиозного диалога. Тем временем традиционные места буддийского паломничества превращаются в крупные центры туризма, и даже древний центр буддийской учености, Университет Наланда, был недавно воссоздан. В статье показывается, что, активно содействуя процессам возрождения буддизма, давно сошедшего в Индии с исторической арены, правительство

страны решает собственные внешнеполитические задачи, позиционируя себя в качестве духовного центра мирового значения. При этом администрация Нарендры Моди, представляющая интересы индусских националистов, осуществляет попытку, используя интерес к буддизму в мире, донести до глобальной аудитории идеи и лозунги радикального индуизма. Делается вывод о том, что, несмотря на возрождение своей веры, буддисты Индии оказываются в незавидном положении религиозного меньшинства, чья вера не преследуется и не подавляется, но при этом успешно присваивается государством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, буддизм, индуизм, возрождение, религиозные меньшинства, Нарен德拉 Моди, Далай-лама, международные организации.

Буддийский фактор в индийской политике

Общеизвестно, что буддизм возник на территории древней Индии и лишь потом распространился оттуда по всей Азии. Несмотря на то что в настоящее время буддисты составляют лишь незначительную часть населения Республики Индия, меньше одного процента¹, роль и место этой религиозной системы в истории и культуре страны, а также ее значение для современного индийского общества намного превышают этот показатель. Взять хотя бы тот факт, что в основании единого государства огромного конгломерата народов, языков и культур, проживающих на полуострове Индостан, находится именно буддизм. Главные государственные символы современной Индии, такие как Дхармачакра, изображенная на флаге страны, а также «Львиная капитель», являющаяся ее гербом, отсылают к наследию империи Маурьев, а точнее, к наследию ее самого известного правителя, Ашоки. Он внес огромный вклад в объединение страны, приняв буддизм и способствуя его распространению в Южной Азии и за ее пределами [Ерохин, 2019, с. 83–84].

Не стоит забывать и о том, что современное индийское государство функционирует на основе Конституции, разработанной под руководством Б.Р. Амбедкара, в 1956 г. вместе с сотнями тысяч своих последователей принял бодхисаттву буддизма. Вдохновленный принципами эгалитарности, отличающими буддизм от индуизма, в основании которого лежит жесткая стратификация населения в зависимости от происхождения, он создал собственное учение – Наваяну, или «Новую колесницу», которое, по мысли Б.Р. Ам-

бедкара, призвано объединить народ Индии и противостоять неравенству в обществе [Амоголонова, 2018, с. 2]. Адаптированное к современным ему реалиям, оно снискalo популярность по большей части среди обездоленной части населения страны. Сам же его создатель вплоть до настоящего времени является одним из наиболее уважаемых и почитаемых общественных, религиозных и политических деятелей Индии: день его рождения является государственным праздником. Вклад Б.Р. Амбедкара в строительство современного индийского государства признается практически всеми, вне зависимости от политической, конфессиональной или этнической принадлежности, и, как правило, оценивается сугубо положительно. Примечательно, что факт принятия им буддизма при этом не просто не замалчивается, но и всячески подчеркивается.

Не лишним будет напомнить и о том, что буддизм является религией некоторых народов страны, немногочисленных по индийским меркам, но при этом чрезвычайно важных с точки зрения обеспечения национальной безопасности и играющих в настоящее время существенную роль в системе международных отношений. В их числе ладакхи, населяющие Ладакх, чувствительный горный регион, ныне являющийся союзной территорией, расположенный на северо-западе страны, возле границ с Китаем и Пакистаном; лепча и ботия, проживающие в Сиккиме на границе с Бутаном и Непалом; некоторые малочисленные народности в штате Аруначал-Прадеш, граничащем с КНР, а также чакма, живущие в штате Мизорам на границе с Бангладеш. Несмотря на невысокую численность, роль этих народов в обеспечении без-

¹ Religious composition of India // Pew Research Center. – 2021. – September 9. – URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/09/21/population-growth-and-religious-composition/> (дата обращения: 01.04.2025).

опасности приграничных регионов страны, а также в ее международных контактах сложно переоценить.

Наконец, следует упомянуть и о том, что с 50–60-х годов прошлого столетия, когда Индия стала вторым домом для многочисленных тибетских беженцев, буддизм Ваджраяны превратился в важную часть ее религиозного ландшафта. Их духовный лидер Далай-лама XIV избрал местом своего постоянного пребывания штат Химачал-Прадеш, где вплоть до настоящего времени в Дхарамсале функционирует тибетское правительство в изгнании. В то же время в некоторых других регионах страны, в частности в штатах Уттар-Прадеш и Карнатака, были созданы буддийские образовательные заведения, вокруг которых также сформировались значительные общины тибетцев и иностранцев, интересующихся тибетской культурой и религией. Параллельно с этим, во многом благодаря процессам, протекающим далеко за пределами Индии, в частности в странах Европы и в США, куда также перебрались многие тибетские беженцы, буддизм стал значимым фактором международной политики. В результате Индии как месту, где он когда-то зародился, и как стране, где в наши дни проживает значительная по размеру и при этом политически активная тибетская диаспора, под покровительством которой находится самый влиятельный буддистский лидер современности, Далай-лама XIV, стала отводиться новая и при этом весьма существенная роль.

Несмотря на исторические, этнические и политические предпосылки, возросший интерес к буддизму и то значение, которое он стал играть в системе международных отношений, вплоть до недавнего времени эта религия, однако, не играла сколь-нибудь значительной роли во внутренней

и внешней политике Индии, что можно объяснить ее культурными и социальными особенностями. Упадок буддизма на территории Индостана отмечался китайскими путешественниками уже в V в. [Joshi, 2002, p. 298–299], и ко времени мусульманских завоеваний он во многом превратился в историческийrudiment, хотя и сохранил определенное влияние благодаря книжной учености буддистов и покровительству со стороны отдельных правителей. Уничтожение в ходе этих завоеваний крупнейших центров буддийской науки и образования, а также большей части книжных памятников означало, однако, что и в этом аспекте роль буддизма была сведена к минимуму. В течение последующих веков эта религиозная система, в свое время зародившаяся в Индии и оттуда начавшая свое распространение по всему миру, практически прекратила здесь свое существование.

Следующий всплеск интереса к буддизму в Южной Азии был связан с деятельностью английских колонизаторов, помимо прочего интересовавшихся архитектурными и религиозными памятниками подконтрольного им региона. Во многом под их влиянием буддистское прошлое страны заинтересовало и некоторую часть индийской интеллигенции XIX в. В связи с этим можно вспомнить деятельность общества «Махабодхи», созданного на Цейлоне в 1891 г. и внесшего значительный вклад в популяризацию буддизма в Индии и за ее пределами. Однако колониальный характер правления англичан, а после 1947 г. светский характер независимого индийского государства наряду с упомянутыми выше социальными и культурными особенностями страны способствовали тому, что тот еще очень долго оставался на периферии ее внутриполитических и внешнеполитических процессов.

Всю вторую половину XX в. Индия проводила довольно взвешенную внутреннюю и внешнюю политику, основанную на принципах демократии, конституционализма и секуляризма. В этих условиях буддизм как религия, причем религия меньшинства, едва ли мог стать существенной политической силой, а его внешнеполитический потенциал почти не принимался во внимание. В ситуации, когда на международной арене требовалась особая осторожность, даже фактор нахождения на территории страны Далай-ламы XIV использовался индийским руководством очень ограниченно. С одной стороны, тибетский вопрос являлся раздражающим фактором и без того в непростых отношениях Индии и Китая, и его использование требовало высочайшего уровня деликатности. С другой – Индия являлась одним из лидеров Движения неприсоединения, и в качестве таковой старалась поддерживать сбалансированные отношения и со странами Запада, и с СССР. В результате своей первый визит в США лидер школы Гелуг совершил лишь после того, как побывал в Советском Союзе. Несмотря на то что оба визита были санкционированы на самом высоком уровне, серьезного влияния на внешнюю политику Индии они в тот момент не оказали.

Парадоксально, но, несмотря на то что определенные подвижки в этом направлении начались еще в начале XXI в., ситуация стала меняться лишь с приходом к власти Бхаратия Джаната Парти (БДП). Общеизвестно, что БДП стоит на националистических позициях и представляет интересы консервативно мыслящей части населения страны, ориентированной на идеологию Хиндуизма. Как оказалось, однако, в эту повестку удачно вписывается и буддизм, а вековые разногласия между ним и индуизмом меркнут в том случае,

когда речь идет о противопоставлении религиозности и секуляризма. Ускорение процессов «возрождения» буддизма с 2014 г., то есть с момента прихода к власти правительства Моди, внушает в его зарубежных последователей острожный оптимизм, одновременно с этим вызывая сомнения в искренности намерений БДП у многих буддистов уже в самой Индии. Понимание подоплеки этих процессов и того, что стоит за нынешней стадией «буддистского ренессанса» на его исторической родине спустя несколько столетий забвения, приобретает в связи с этим особую актуальность.

«Мягкая сила» правительства Моди

Возможно, самым заметным трендом последнего десятилетия стала возросшая роль Индии в создании, воссоздании и обеспечении функционирования международных буддийских организаций. Пользуясь вниманием и поддержкой со стороны властей страны, индийские буддисты стали постепенно претендовать в них на ведущие позиции, при этом всё больше крупных мероприятий, связанных с буддизмом, проходят именно на территории Индии. Одним из примеров такой активности можно назвать реанимацию Азиатской буддийской конференции за мир (*Asian Buddhist Conference for Peace – ABCP*), которую создали в 1970 г. в самый разгар холодной войны, лидер ЦДУБ СССР Хамбо-лама Ж.Д. Гомбоев и Хамбо-лама Монголии С. Гомбожав [Ленхобоева, Доржи-гушаева, 2004, с. 71]. Еще одним основателем этой организации стал принц Ладакха, влиятельный общественный и религиозный деятель, депутат парламента Индии Кушок Бакула Ринпоче.

Несмотря на то что фактически главным спонсором *ABCP* являлся Со-

ветский Союз, она довольно успешно позиционировала себя на мировой арене как аполитичное, неаффилированное общественное движение, в основе деятельности которого лежат буддийские принципы гармоничного развития и мирного сосуществования, что хорошо сочеталось с провозглашенными СССР задачами борьбы за мир во всем мире. ABCP в результате удалось объединить в своих рядах столь разноплановые государства, как Япония и СССР, или МНР и Таиланд. Штаб-квартира организации размещалась в Монголии, в г. Улан-Батор, что также следует признать удачным геополитическим ходом. Расположенная в самом центре континента, эта традиционно буддийская страна поддерживала тесные связи с СССР по политической линии, в религиозном плане оставаясь неотъемлемой частью обширной буддийской цивилизации Азии.

С распадом СССР в 1991 г. ABCP резко снизила свою активность, функционируя лишь на бумаге. В то время как сам Кушок Бакула Ринпоче занял должность полномочного посла Индии в Монголии, казалось, что созданная при его участии влиятельная международная буддийская организация вскоре канет в историческое небытие. Однако в 2017 г. в ходе мероприятий, организованных в Индии в связи с подготовкой празднования 100-летия со дня рождения Кушок Бакула Ринпоче, индийской стороной было предложено ее возродить². Эта инициатива нашла тогда поддержку у высшего руководства страны. Уже в следующем, 2018-м, году мероприятия в честь основателя ABCP, проходившие на его родине в Ладакхе, почтил своим присутствием

сам премьер-министр Нарендра Моди. Несмотря на то что руководящие органы ABCP и сейчас находятся в Монголии, благодаря той заботе, которой ныне окружает ее руководство Индии, организация постепенно превращается в инструмент именно индийской религиозной дипломатии.

Ярким доказательством тому может служить 12-я по счету Генеральная Ассамблея ABCP, которая прошла в Нью-Дели 17–18 января 2024 г. Приветственное слово участникам собрания тогда снова направил сам Нарендра Моди, который особо подчеркнул, что именно Индия дала миру слово «Будда»³. Основными докладчиками на пленарном заседании выступили вице-президент страны Джагдип Дхангхар (*Jagdeep Dhankhar*) и министр наук о земле, министр пищевой промышленности Кирен Риджиджу (*Kiren Rijiju*). Их выступления также удачно резонировали с идеями главы государства. В частности, было заявлено, что Индия должна стать настоящим центром буддийского мира⁴.

Может создаться ощущение, что действия высшего руководства Индии, поддержавшего организацию, обладающую заслуженным международным авторитетом, но при этом находящуюся в продолжительном внутреннем кризисе, является единичной, случайной акцией или же данью памяти Кушок Бакула Ринпоче. Однако некоторые другие шаги, предпринятые практически в те же сроки, позволяют предположить, что имеет место продуманная стратегия использования всемирной популярности буддизма в целях продвижения «мягкой силы» Индии на международной арене. В свя-

2 ABCP India National Center // Asian Buddhist Conference for Peace. – URL: <https://abcp.mn/abcp-national-centres/new-delhi-india/>(дата обращения: 01.04.2025).

3 Prime Minister Message // Dhammaduta. – 2024. – March. – P. 13.

4 Rijiju K. ABCP is a time-tested organization // Dhammaduta. – 2024. – March. – P. 32.

зи с этим можно вспомнить, к примеру, создание в 2012 г. там же, в Нью-Дели, Международной буддийской конфедерации (*IBC*). На первый взгляд, кажется, что эта полностью новая организация с амбициозными планами в чем-то дублирует *ABCP*, ведь цели и задачи у обеих международных буддийских структур действительно схожие, и даже состав их руководящих органов часто совпадает. Несмотря на то что в результате у *ABCP* с *IBC* действительно сложились дружественные отношения, будет излишним упрощением полагать, что они являются простыми копиями друг друга. Скорее, можно говорить о взаимном дополнении этих двух организаций, нацеленных на разные аудитории.

Как уже было отмечено выше, Азиатская буддийская конференция за мир в ее нынешнем виде является правопреемницей структуры, созданной странами бывшего социалистического лагеря, и потому до сих пор обладает влиянием именно на территории государств, когда-то в него входящих. *IBC* же – это, скорее, адаптированная к возрастающей роли Индии в международных делах версия буддийской организации «Всемирное братство буддистов», также созданной в середине XX в. Действительно, вдохновителем создания Международной буддийской конфедерации является не кто иной, как преподобный лама Лобсан, видный деятель именно этой международной структуры. Как известно, в настоящее время штаб-квартира Всемирного братства буддистов находится в Таиланде, однако почти все ее генеральные конференции проходят либо в Японии,

либо в Южной Корее, либо на Тайване – иными словами, там, где популярность буддийского учения значительно уступает популярности западных ценностей и образа жизни⁵. При этом очень большое число региональных центров Всемирного братства буддистов находится там же, на Западе: в США, Австралии и странах Европы⁶.

В отличие от *ABCP*, практически прекратившей свое существование после распада мирового социалистического лагеря, Всемирное братство буддистов, в свое время конкурировавшее с ней на geopolитическом поле, до сих пор довольно активно и при этом пользуется поддержкой со стороны влиятельных благотворительных фондов. По этой причине индийскому правительству, по-видимому, стремящемуся к тому, чтобы продвигать «мягкую силу» максимально широко, не ограничивая себя каким-либо одним политическим или идеологическим блоком, бывшим или нынешним, и понадобилось создание своей собственной, независимой от него структуры. Структуры, ориентированной, в отличие от *ABCP*, на «глобальную повестку», а точнее, на западный мир, его ценности и запросы. Не случайно новая Международная буддийская конфедерация, как заявляется, «выступает за прозрачность, инклюзивность и сбалансированное представительство различных традиций, разного пола (курсив мой – М. М.), развивающихся буддийских общин в Африке, Карибском бассейне и Южной Америке»⁷. Используемая терминология напрямую отсылает нас к формулировкам, популярным

5 General Conference // The World Fellowship of Buddhists. – URL: <https://wfbhq.org/general-conference.php> (дата обращения: 01.04.2025).

6 Regional Centers // The World Fellowship of Buddhists. – URL: <https://wfbhq.org/regional-centres.php> (дата обращения: 01.04.2025).

7 Филимоненко А. Правительство Моди поддержало великое возрождение буддизма в Индии // Российская газета. – 2022. – 11 октября.

в глобалистских, по преимуществу западных кругах. В стремлении же IBC «сделать буддийские ценности частью глобального взаимодействия» и вовсе без труда прослеживаются направление и стиль работы новой организации, созданной для осуществления деятельности именно на этом направлении.

Как известно, политика Индии в XX в. базировалась на идеях неприсоединения и принципе равноудаленности от основных мировых центров силы, при этом ее руководителями постоянно делался акцент на секулярности. Начиная же с нулевых годов нынешнего столетия становится возможным говорить о постоянно возрастающей роли религиозного фактора, что стало особенно заметным с приходом к власти Бхаратия Джаната Парти. В попытках капитализировать растущую экономическую мощь Индии ее лидеры предпочитают выстраивать равные, взаимовыгодные отношения с каждым из центров силы. При этом они не просто стараются избежать их влияния, как это было принято прежде, но и пытаются навязывать им в ответ свое собственное видение будущего и культурные модели. В этом смысле инициатива по воссозданию «буддийской организации социалистического лагеря», какой по сути являлась ABCP, и одновременное с этим «клонирование» буддийской организации, ориентированное на ценности западного мира, способно сделать Индию значимой площадкой для глобального международного диалога и конвергенции идеологий на базе универсальных религиозных смыслов. В конечном счете это призвано способствовать ее окончательному превращению во влиятельного игрока в мировой политике.

Как логическое продолжение этих усилий можно рассматривать проведе-

ние на территории Индии значительного числа крупных международных конференций, форумов и саммитов по буддийской проблематике, состав участников и уровень организации которых должны продемонстрировать, что страна всерьез намерена позиционировать себя в качестве одного из глобальных политических и религиозных центров. К примеру, 20–21 апреля 2023 г. в Нью-Дели в гостинице *Ashok* прошел Первый Глобальный буддийский саммит, на который прибыло более 170 делегатов из более чем 30 стран и где с небольшим промежутком с одной и той же трибуны выступили Нарендра Моди и Далай-лама XIV [Китинов, 2023, с. 275]. Там же, в столице Индии, 5–6 ноября 2024 г. прошел еще и Азиатский буддийский саммит, на котором были представлены делегаты из разных уголков мира, включая столь отдаленные от традиционного ареала распространения буддизма регионы, как Бразилия, Турция и Австралия. Не вызывает сомнения, что деятельность IBC в этом направлении будет продолжена и дальше, при этом роль государства в становлении Индии в качестве нового (или хорошо забытого старого) буддийского центра мирового значения будет лишь усиливаться.

Доказательством этого может служить и желание властей страны позиционировать ее в качестве хранителя и распорядителя древней буддийской мудрости. Так, после столетий забвения при непосредственном участии первых лиц государства снова открыл свои двери Университет Наланда – крупнейшее образовательное учреждение прошлого, интеллектуальное влияние которого простиралось далеко за пределы Индостана. «Наланда – это не просто прошлое Индии, она связана с наследием многих стран мира, особенно в Азии...

Моя миссия состоит в том, чтобы Индия стала центром образования и знания для всего мира, <...> и я верю в то, что Наланда станет важным центром мирового значения», – заявил на торжественном открытии университета Нарендра Моди⁸.

В настоящее время, впрочем, открытие университета выглядит больше как символический акт, ведь о реальном возрождении былого величия речь пока не идет. При этом, однако, обращает на себя внимание его позиционирование как глобального центра знаний. Утверждается, что «менторская группа, правление, профессорско-преподавательский состав и студенты университета будут многонациональными» [Рамачандран, 2014]. Иными словами, как и в случае с проведением на территории Индии крупных буддийских саммитов, состав участников которых характеризует обширная география, ключевым моментом здесь является ориентация проекта на широкую международную аудиторию, что, в свою очередь, выглядит логичным в контексте часто озвучиваемых властями Индии претензий на мировое духовное и интеллектуальное лидерство.

Стоит упомянуть и о повышенном интересе индийского правительства к крупнейшим центрам паломничества буддистов, таким как Бодх-Гая, Сарнатх и Кушинагар. Если столетие назад основатель общества «Махабодхи» Анагарика Дхармапала видел главной задачей своей борьбы возврат буддийских святынь сангхе и обеспечение свободного доступа туда паломников, то в настоящее время эта проблема на повестке дня уже не стоит. Все значимые для буддистов места на территории Индии рассматриваются центральными и региональными властями

как важнейший источник дохода, и их буддийское прошлое неизменно акцентируется для того, чтобы привлечь туда максимальное число паломников со всего мира. Тот же Нарен德拉 Моди в 2021 г. принял личное участие в открытии международного аэропорта в Кушинагаре, а железные дороги Индии запустили специальный поезд *Buddha Purnima Express*, связывающий крупные буддийские центры паломничества.

С одной стороны, это позволяет пополнить местный бюджет, с другой же – благодаря практике строительства в основных паломнических центрах Индии храмов – представительств буддийских общин зарубежных стран возрастает ее роль как площадки для международного диалога. В каком-то смысле деятельность подобных учреждений дополняет буддийские саммиты в столице страны, с той лишь разницей, что общение представителей разных школ и направлений буддизма происходит в этом случае на территории Индии не эпизодически, а регулярно. При этом участвуют в нем не только представители высшего духовенства или истеблишмент соответствующих стран, но и простые паломники. И если в прошлом строительство подобных представительств часто приводило к росту иностранного влияния (особенно в этом преуспели японские религиозные организации), то в настоящее время, скорее, можно говорить о том, что существенные финансовые и организационные вложения из-за рубежа работают на политические и экономические интересы самой Индии.

Наконец, наметились изменения и в том, что касается использования во внешнеполитических целях факта

⁸ Quotes of Hon'ble Prime Minister's Speech // Nalanda University. – URL: <https://nalandauniv.edu.in/quotes-of-honble-prime-ministers-speech/> (дата обращения: 01.04.2025).

пребывания на территории страны главы школы Гелуг тибетского буддизма Далай-ламы XIV. После того как премьер-министр Моди, до того избегавший с ним личных встреч, в конце 2023 г. принял участие в вышеупомянутом Первом Глобальном буддийском саммите, на котором тот также присутствовал, стало понятно, что осторожность в данном вопросе, вызванная нежеланием индийского правительства портить отношения с КНР, частично отброшена. Как следствие, уже в апреле 2024 г., в ходе 12-й Генеральной Ассамблеи ABCP в Нью-Дели, секретарь Индийского национального центра этой организации С.В. Шакспо предложил объявить Далай-ламу XIV Всеобщим верховным лидером буддистского мира (*Universal Supreme Leader of the Buddhist World*)⁹, а его предложение было принято делегатами единогласно. Вслед за этим (в каком-то смысле беспрецедентным) решением международный авторитет Индии, на территории которой постоянно проживает обладатель столь претенциозного и при этом не имеющего аналогов в мировой истории титула, должен достичь небывалого в ее современной истории уровня. Можно сказать, что усилия правительства страны в этом направлении увенчались успехом, хотя, как и в случае с Наландой, успех этот пока чисто символический.

Присвоение

В попытках объяснить повышенное внимание к буддизму со стороны высшего политического руководства Индии, стоящего на националистиче-

ских, подчеркнуто индуистских позициях, как правило, обращают внимание на geopolитическое соперничество с Китаем и необходимость конкурировать с соседней страной в том числе и в сфере религиозной дипломатии и в области «мягкой силы» [Рамачандран, 2014]. Действительно, атеистическое государство, каковым в теории является КНР, в течение уже многих лет пытается использовать для продвижения своих внешнеполитических интересов тот факт, что самая большая буддистская община в мире проживает именно на его территории. При этом буддийские структуры, тесно связанные с китайским государством, по сути, транслируют за рубеж официальную повестку правительства КНР, лишь для приличия облачая ее в привычные для буддистов формы. Многочисленные же буддийские мероприятия, которые организуются в Китае с международным участием, давно стали привычным явлением¹⁰. При этом можно говорить о том, что заинтересованность в противоборстве двух крупнейших стран Азии за лидерство в буддийском мире имеется и у антикитайских сил. Их серьезно беспокоит рост глобального влияния КНР, и по этой причине они заинтересованы в том, чтобы использовать в целях его сдерживания в том числе и Индию.

Другим легко напрашивающимся объяснением служит то, что в отличие от индуизма, который остается сугубо локальным явлением по причине своей внутренней сложности и непролетарийского характера, буддизм с его пафосом универсальных, общечело-

9 Shakspo S.W. Universal Day of Compassion // Dhammaduta. – 2024. – March. – P. 62.

10 К примеру, в конце 2024 г. в Китае прошел Шестой всемирный буддийский форум. Chowdhury S.B. The Sixth World Buddhist Forum: A Gathering of Harmony, a Promise of Coexistence // Buddhistdoor Global. – 2024. – November 1. – URL: <https://www.buddhistdoor.net/features/the-sixth-world-buddhist-forum-a-gathering-of-harmony-a-promise-of-coexistence/> (дата обращения: 01.04.2025).

веческих ценностей обладает несравненно большей привлекательностью для глобальной аудитории, на которую ориентированы многие действия нынешнего индийского правительства. Резко возросшая, благодаря влиятельным адептам из США и стран Европы, популярность этой религии за пределами традиционных ареалов ее распространения, помноженная на высокую адаптивность, если не сказать релятивизм ее последователей, представляет в руки сил, способных претендовать на статус выразителей интересов буддистов на мировой арене, практически безграничные возможности для усиления своего глобального влияния. Учитывая специфический и мало кому понятный дипломатический язык, который использует в своей внешней политике КНР, а также недоверие ко всему, что связано с Китаем, в странах Запада, возможность использовать в своих целях буддийскую повестку действительно должна заинтересовать Индию, стремящуюся стать одним из глобальных игроков на рынке идей и ценностей.

Наконец, не стоит забывать о том, что Индия является страной с одной из самых больших мусульманских общин в мире. Последователей ислама на ее территории проживает чуть больше 200 млн чел., но при этом они всё равно являются здесь религиозным меньшинством. На протяжении столетий служивший альтернативой индуистской кастовой системе, ислам и в настоящее время видится главной угрозой для националистов из БДП и связанных с ней партий. В этих условиях буддизм, настолько же эгалитарный и в том же статусе мировой религии, что и ислам, но при этом абсолютно «безвредный» ввиду особенностей самого вероучения и немногочисленности его последователей в Индии, представляется отличной

альтернативой для продвижения образа страны как мировой державы, твердо приверженной принципам уважения прав религиозных меньшинств. Другими словами, поддержка буддизма позволяет правительству Моди позиционировать себя на мировой арене как сторонника религиозной толерантности, одновременно с этим безнаказанно притесняя мусульманское меньшинство.

Всё вышеперечисленное действительно имеет место, однако иностранный наблюдатель зачастую не замечает того, что под видом буддизма ему иногда предлагается Хиндутива, индуистский национализм. А. Сингх, исследователь буддизма из Делийского университета, рассказывает о том, что буддийское архитектурное и культурное наследие в Индии «перекрашивается», перестраивается и «перелицовывается», превращаясь в результат в наследие индуистское, и что процессы эти в последнее время не просто не приостановились, но и интенсифицировались [Singh, 2024]. Где-то Будда становится божеством местного пантеона, где-то в буддийских храмах поклоняются Шиве, где-то старые надписи замазываются краской или скрываются. На самом деле схожие процессы подмены протекают и в мире форумов, идей и лозунгов, когда базовые концепции и положения индуизма маскируются под наследие буддийской мысли. В этом качестве они затем транслируются на международную аудиторию, которая оказывается не способной разглядеть подмену за витиеватыми, с виду дружелюбными формулировками и лукавым тождествованием и несколько наивно полагает, что речь в данном случае идет лишь об «инклюзивности» [Сафронова, 2013, с. 60].

Будда в результате становится великим индийским учителем, буддизм объявляется ответвлением индуизма,

его жесткая оппозиция кастовой системе игнорируется или замалчивается, а интеллектуальное и культурное наследие приватизируется политической элитой страны, представляющей интересы индуистских партий. В итоге на ведущие роли в международных буддийских организациях, создаваемых или воссоздаваемых по инициативе Индии, проникают индусские националисты, иногда довольно радикальные. Пользуясь возможностями, предоставляемыми им широкими международными связями данных организаций и высоким авторитетом буддизма, они транслируют на глобальную аудиторию ценности, образы и постулаты индуизма, одной из форм которой они его и считают. В результате под разговоры о «единстве Дхармы» идет незаметная пропаганда Хиндутвы, в рамках которой буддизму отводится роль одного из доказательств превосходства индийского образа жизни, системы обмена знаниями и кодекса ценностей и еще одного яркого отражения интеллектуального торжества индуизма. Доходит до того, что делегацию буддистов Индии к буддистам Бурятии возглавляет радикальный индуистский националист, один из лидеров военизированной организации «Раштрия сваямсевак сангх» (RSS) Пандид Шри Суреш Сони¹¹.

Всемирная популярность и авторитет буддизма при этом используется не только для того, чтобы продвигать на глобальном уровне идеи индуистского превосходства. Они также становятся важным источником дохода в процессе эксплуатации индийской туристической индустрией потенциала мест традиционного паломничества буддистов, расположенных на территории страны. В результате

складывается парадоксальная ситуация. Немногочисленное буддистское меньшинство, не имеющее собственных политических ресурсов для того, чтобы обеспечить реальную защиту своих интересов, предпочитает голосовать за индуистские партии, встраиваясь таким образом в политическое поле страны. В результате оно лишается своего культурного и духовного наследия, которое от него отчуждается и оказывается в распоряжении индуистского большинства. Узурпируя право представлять буддизм на международной арене, последнее использует его в своих собственных экономических и политических интересах, в то время как буддисты Индии, по мере роста популярности их религии, маргинализируются. Их вклад в историю страны признается и ценится, их деятельность не преследуется и даже поощряется, однако их право на распоряжение этим вкладом не гарантируется по причине того, что им отказывается в отдельной идентичности.

Лишенные объектов паломничества, превращенных ныне в аттракционы для иностранных туристов, выдавливаемые из организационных структур, призванных отстаивать их интересы, но вместо этого используемых правительством для решения своих geopolитических задач, они остаются на обочине общественной и экономической жизни. Остаются как раз тогда, когда от их имени и под маской их учения индуистские националисты успешно продвигают за рубежом собственные концепции, символы и образы. В результате может сложиться ситуация, когда буддизм в Индии, по меткому выражению российского исследователя С.Ю. Лепехова, рискует «раствориться в дружественных

11 Делегация из Индии посетила Бурятию // Вести. Бурятия. – 2021. – 30 сентября. – URL: <https://bgtrk.ru/news/society/207967/?ysclid=m92hvz6e6299999298> (дата обращения: 01.04.2025).

объятьях индуизма» [Лепехов, 2017, с. 30]. Не совсем корректно, но напрашивается сравнение с головой Будды, превращенной индуистами в лингам Шивы, о чем также упоминает в своих исследованиях А. Сингх, которая, в отличие от многих нынешних радетелей буддизма, родом из Индии, сама исповедует эту религию, но которая недавно стала *бывшим* преподавателем Делийского университета. Во многом именно по этой причине.

Вместо заключения

В настоящее время в Индии можно наблюдать необычную ситуацию, когда культура одного из конфессиональных меньшинств страны активно инкорпорируется в общегосударственную политику и становится частью ее международного образа, однако делается это без участия самого этого меньшинства. Обычно в фокус внимания исследователей, правозащитников и общественных деятелей попадают случаи притеснения тех или иных меньшинств, а также прямые или частичные запреты тех или иных верований. При условии того, что им удается привлечь внимание мирового сообщества к той или иной проблеме, ее острота, как правило, снижается. В ситуации с буддийским возрождением под патронажем индийского правительства, однако, всё происходящее выглядит со стороны лишь как забота государства о сохранении и развитии религии меньшинства, а потому повода для тревоги не возникает. Как показывает данное исследование, такого рода забота, результатом которой является постепенная утрата культурной специфики, которую под предлогом охраны попросту присваивает себе большинство, иногда оказывается опаснее. Не в последней степени потому, что эта ситуация обычно не при-

влекает внимания экспертов или общественности. Хочется надеяться, что в данном конкретном случае с фактическим присвоением националистическим правительством Индии права представлять буддизм на мировой арене и выступать от имени буддистов этого всё же удастся избежать.

Список литературы

Амоголонова Д.Д. Буддизм и политизация религии в Индии: Наваяна Бхимрао Амбедкара // Oriental Studies. – 2018. – Т. 38, № 4. – С. 2–10. – DOI: 10.22162/2619-0990-2018-38-4-2-10.

Ерохин Б.Р. История буддизма в Индии: становление, расцвет, борьба с брахманизмом, закат // Magistra Vitae. – 2019. – № 1. – С. 80–96.

Китинов Б.У. Буддийский вектор Индии // Вестник Института востоковедения РАН. – 2023. – № 3. – С. 270–278. – DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-270-278.

Ленхобоева Т.Р., Доржибушаева О.В. Азиатская буддийская конференция за мир: история, деятельность, перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 69–82. – DOI: 10.24833/2541-8831-2024-2-30-69-82.

Лепехов С.Ю. Современный тибетский буддизм: тенденции преобразований и возможные последствия // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 1: Тибетология и буддология на стыке науки и религии. – 2017. – С. 23–36.

Рамачандран С. Буддизм как средство налаживания международных связей: опыт Китая и Индии // Российский совет по международным делам. – 2014. – 23 июля. – URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/buddizm-kak-sredstvo-nalazhivaniya-mezhdunarodnykh-svyazey-o/> (дата обращения: 01.04.2025).

Сафонова А.Л. Историко-культурное наследие в формировании

индийской идентичности: буддизм как общенациональное достояние // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. – 2013. – № 4. – С. 54–69.

Joshi L.M. Studies in the Buddhistic culture of India during the seventh and eight

centuries A.D. – Delhi : Motilal BanarsiDas, 1977. – 497 p.

Singh A. Modern issues in the study and preservation of Buddhist heritage // Буддологические исследования. – 2024. – № 2(9). – С. 74–81. DOI: 10.30792/2949-5768-2024-9-74-81.

Social Transformations

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.01

Buddhist Renaissance in India: The Experience of Appropriating a Minority Religion

Maxim S. MIKHALEV

Dr. Sc. (History), Chief Researcher

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 119997

E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-5695-6915

CITATION: Mikhalev M.S. (2025). Buddhist Renaissance in India: The Experience of Appropriating a Minority Religion. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 6–19 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.01

Received: 21.04.2025.

Revised: 09.05.2025.

ABSTRACT. Since the 1950s, India, the birthplace of Buddhism, has been witnessing a revival of this ancient religious system; recently, this process has received full support from the Indian state, including its top leaders. As a result, some old international Buddhist organizations have been revived on Indian soil, while new ones have been created from scratch, and large events with international participation are being held, aimed at promoting India as a dialogue playground on a global scale.

Meanwhile, traditional places of Buddhist pilgrimage are being turned into busy international tourism hotspots and even the ancient hub of Buddhist learning, the University of Nalanda has opened its doors to students after several centuries of oblivion. This paper shows that by doing this, the government tries to solve its own problems as it positions itself as a spiritual center of global importance. The Modi administration, which represents Hindu nationalists, is trying to deliver to the global audience the

ideas and slogans of radical Hinduism, thus leveraging Buddhism's popularity. It also observes, that despite the revival, ordinary Buddhists in India find themselves in the unfortunate position of a religious minority whose faith is not persecuted or suppressed, but rather appropriated.

KEYWORDS: *India, Buddhism, Hinduism, revival, religious minority, Narendra Modi, Dalai Lama, international organizations.*

References

- Amogolonova D.D. (2018). Buddhism and Politization of Religion in India: Bhimrao Ambedkar's Navayana. *Oriental Studies*. Vol. 38, no. 4, pp. 2–10 (in Russian). DOI: 10.22162/2619-0990-2018-38-4-2-10.
- Erohin B.R. (2019). History of Buddhism in India: formation, golden age, struggle with Brahmanism, decline. *Magistra Vitae*. No. 1, pp. 80–96 (in Russian).
- Joshi L.M. (1977). *Studies in the Buddhist Culture of India During the Seventh and Eight Centuries A.D.* Delhi: Motilal BanarsiDass, 497 pp.
- Kitinov B.U. (2023). India's Buddhist vector. *Bulletin of Oriental Studies Institute*. No. 3, pp. 270–278 (in Russian). DOI: 10.31696/2618-7302-2023-3-270-278.
- Lenhoboeva T.R., Dorzhigushaeva O.V. (2024). Asian Buddhist Conference for Peace: history, activities, development perspectives. *Concept: philosophy, religion, culture*. Vol. 8, no. 2, pp. 69–82 (in Russian). DOI: 10.24833/2541-8831-2024-2-30-69-82.
- Lepehov S.Ju. (2017). Contemporary Tibetan Buddhism: Trends of Transformation and Possible Consequences. *Trudy of Oriental Studies Institute*. Vol. 1: Tibetology and Buddhology at the cross-road of science and religion. Pp. 23–36 (in Russian).
- Ramachandran C. (2014). Buddhism as a tool for establishing international contacts: China and India's experience. *Russian International Affairs Council*. 23 July (in Russian). Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/buddizm-kak-sredstvo-nalazhivaniya-mezhdunarodnykh-svyazey-o/>, accessed 01.04.2025.
- Safranova A.L. (2013). Historical-cultural heritage in Indian identity formation: Buddhism as national property. *Moscow University Buletin. Series 13: Oriental Studies*. No. 4, pp. 54–69 (in Russian).
- Singh A. (2024). Modern issues in the study and preservation of Buddhist heritage. *Buddhology Studies*. No. 2(9), pp. 74–81. DOI 10.30792/2949-5768-2024-9-74-81.

Особенности современного экономического развития

УДК 339.9+338.2(1*CN)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Интернационализация экономики Китая: контуры нового ИКТ-индустриального центра мирового хозяйства

Денис Борисович КАЛАШНИКОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики

МГИМО МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1120-0054

ЦИТИРОВАНИЕ: Калашников Д.Б. Интернационализация экономики Китая: контуры нового ИКТ-индустриального центра мирового хозяйства // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 20–43.

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Статья поступила в редакцию 11.08.2025.

Исправленный текст представлен 27.08.2025.

АННОТАЦИЯ. Цель статьи – раскрыть, как новый этап реформирования экономики Китая отразится на его месте в иерархии мирового хозяйства и на самой архитектуре экономического миропорядка. Для этого проанализированы особенности реализации современных китайских стратегий развития «производительных сил нового качества», «двойной циркуляции», «искусственного интеллекта +» (ИИ), «индустриализации нового типа», а также трендов глобализации, транснационализации компаний Китая, развития международных производственных цепочек. Показано, что в Китае ИИ становится важнейшим фактором производства и конкурентоспособности, который при этом недоступен иностранному бизнесу ни

для организации производства, ни для продаж на внутреннем рынке. Кроме того, китайские компании создают за рубежом невидимую в статистике прямых инвестиций производственную сеть всемирного масштаба, контроль над которой основан на технологической зависимости от разработки продукции в Китае. Западные транснациональные корпорации (ТНК) выносят производство из Китая, но при этом попадают в еще большую зависимость от него, так как только Китай может обеспечить поставку всех необходимых материалов и оборудования, которое совместимо лишь с китайскими НИОКР и ИИ. Таким образом, пока западные ТНК конкурируют друг с другом товарами, Китай получает монопольную власть за предоставление всем им

самой возможности быстро, дешево и качественно разрабатывать и производить эти товары. США – пока что мировой лидер в сфере ИИ и его инфраструктуры, но в отличие от Китая, имеющего 6 млн фабрик, американский ИИ ограничен в применении. Таким образом, уже происходит трансформация мир-системы, в которой над постиндустриальным Центром уже проявляются контуры более передового ядра. Страны, которые в него войдут, будут считаться развитыми. Предлагается назвать этот новый, четвертый, ярус мирового хозяйства ИКТ-индустриальным, так как в его основе находится ИКТ-инфраструктура, но она создает синергетический эффект только в условиях промышленного суверенитета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, глобальная экономика, инновационное развитие, производительные силы нового качества, транснациональные корпорации, глобальные цепочки стоимости, мир-система.

Руководители и ученые КНР декларируют, что с 2021 г. Китай перешел на качественно новую модель экономического развития. При этом подчеркивается, что для ее успешного функционирования и достижения «всестороннего» глобального лидерства Китай должен возглавить современный этап глобализации, который видится как неизбежный объективный и прогрессивный процесс развития человечества. Научная проблема и главная цель статьи – раскрыть, как новый этап реформирования экономики Китая отразится на его месте в иерархии мирового хозяйства и на самой архитектуре экономического миропорядка. Гипотеза исследования предполагает, что Китай уже активно внедряет принципиально новый формат производственных отношений в национальной

экономике, где искусственный интеллект становится самостоятельным и всё более важным фактором производства. Соединение ИИ с 6 млн заводов всех известных отраслей промышленности и национальной инновационной системой ставит в зависимость от Китая способность многих стран мира разрабатывать и производить конкурентоспособную продукцию. Китай не пытается догнать развитые страны устаревшего постиндустриального Центра, а опережает их в строительстве новой модели экономического мироустройства. Для вхождения в Центр нового, четвертого, яруса мир-системы недостаточно иметь суверенный ИИ, который многократно повышает эффективность НИОКР, логистики и потребления ресурсов, – намного важнее иметь производственные цепочки, которыми этот ИИ мог бы управлять.

Исследование опирается на теории развития, стадий роста, международного разделения труда, движения капитала, транснационализации, международной конкурентоспособности, глобальных цепочек стоимости. Также использованы труды китайских экономистов, разрабатывающих теоретическое обрамление реализуемых в Китае современных стратегий развития, таких как «производительные силы нового качества» (ПСНК), «двойная циркуляция», «индустриализация нового типа». Трансформация экономического мироустройства и места Китая в нем является, по Иммануилу Валлерстайну [Wallerstein, 1989], развитием мир-системного подхода, в рамках которого переход стран-лидеров к качественно новым производительным силам и производственным отношениям неизбежно приведет к созданию функционально нового Центра мирового хозяйства, а его постиндустриальный ярус трансформируется еще в одну Полуперифиерию, как в свое время произо-

шло с промышленным Центром [Вальтерстайн, 2001].

Методика исследования отталкивается от анализа официальных программ развития КНР с особым акцентом на развитие отраслей новейшего технологического уклада и их реализацию на практике. Главными акторами глобальной экономики традиционно являлись ТНК, поэтому исследуются деятельность китайских ТНК в сопоставлении с ТНК развитых и развивающихся стран, место КНР в международном движении капитала. Далее анализируются стратегии иностранных ТНК по переносу производства из Китая («Китай+1») и маскировки продукции китайского происхождения для обхода импортных пошлин. В связи с этим проводится анализ изменения факторов конкурентоспособности современного Китая, при этом, как уже принято в китайской экономической школе, в качестве самостоятельного фактора производства рассматривается суверенный ИИ. Завершает работу структурно-логический анализ и авторская интерпретация новых трендов зарубежной деятельности китайских компаний и их значения для трансформации структуры и иерархии глобальной экономики.

В мировой и отечественной литературе идет активная дискуссия о будущем экономическом мироустройстве, о влиянии подъема Китая на глобальную экономику. Гипотеза и выводы, полученные в заключительных разделах статьи, в которых обсуждаются результаты исследования, весьма дискуссионны, во многом субъективны, так как основаны не только на академической литературе и официальной интерпретации программ развития КНР, но и на личном опыте общения автора

с представителями деловых кругов Китая, а также на информации, собранной во время визитов на заводы.

Переход Китая к новой модели развития

Руководство КНР заявляет, что современные темпы роста экономики около 5% в год нормальны, так как главное не скорость, а качество роста. Возможно, в краткосрочной перспективе, во время переходного периода к новой модели развития, это справедливо. Но уже в среднесрочной перспективе такие темпы роста не соответствуют декларируемым конечным целям реформ, прежде всего цели достижения высочайшего уровня благосостояния населения. Это означает, что Китаю в ближайшие десятилетия необходимо как минимум утроить ВВП. Даже по паритету покупательной способности в 2024 г. в Китае ВВП на д.н. составил 27,1 тыс. долл. по сравнению с 85,8 тыс. долл. в США, а по номинальному ВВП отставание от США превышало 6 раз¹.

Соответствующих двухзначных темпов роста ВВП невозможно достичь в рамках прежней модели развития, обеспечивавшей на протяжении 30 лет (1982–2011) среднегодовые темпы роста 10%, вследствие изменения мировой конъюнктуры (трендов деглобализации) и исчерпания эффекта отсталости (завершения строительства транспортной инфраструктуры в стране) [Lin, Fu, 2024], а также начавшегося в 2012 г. и ускоряющегося сокращения численности трудовых ресурсов страны. Кратное увеличение доходов населения (и, соответственно, роста внутреннего потребления) возможно лишь при качественном пре-

1 World bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDPPCAPPP.CD> (дата обращения: 10.08.2025).

образовании отраслевой структуры национального хозяйства и занятости [The Product Space..., 2007], для чего требуется воздействие на отраслевые структуры хозяйства других стран, их подчинение потребностям модернизации экономики Китая [Yifu, Wang, 2021]. Подобный путь развитые страны Запада прошли с помощью своих ТНК через создание специфической специализации в международном разделении труда, обеспечив свои финансииализацию и постиндустриализацию эксплуатацией китайской «мировой фабрики». Сначала Китай собирался повторить этот опыт выноса операций с низкой добавленной стоимостью в менее развитые страны в рамках инициативы «Один пояс – один путь», но отказался от него, увидев последствия деиндустриализации и критической зависимости от чужих цепочек поставок, которые завели в тупик современные развитые страны.

В условиях *Интернета вещей*, когда весь процесс разработки и производства продукта осуществляется преимущественно ИИ без участия человека, ключом к достижению цели китайских реформ является глобальное технологическое лидерство. Оно должно создать возможности получать монопольную максимальную добавленную стоимость на мировых рынках результатов, особенно факторов производства, за счет отсутствия такой возможности у большинства стран мира [Digital economy-driven..., 2025]. Поэтому китайское руководство не сомневается, что страна должна быть в авангарде либерализации мировой торговли и глобализации, хотя еще не определилось с ее окончательным обликом [Roberts, Lamp, 2025].

Преодоление «ловушки средних технологий» является критической проблемой при переходе к экономике с высоким уровнем дохода. Китай

еще зависит от зарубежных технологий, по этой причине ему также необходима политика открытости и глобальной интеграции, а не изоляции [Zheng, 2024]. Да, перед Китаем стоит важная задача ускоренного повышения роли внутреннего спроса в дополнение к внешнему, тем более что в развитых странах основой опережающего развития, как правило, служил внутренний рынок. Но в КНР вследствие низких (среднемирового уровня) подушевых доходов он еще неспособен генерировать инновационный платежеспособный спрос, и конечное потребление, несмотря на усилия правительства, всё еще составляет лишь 56% ВВП.

В 2023 г. руководитель КНР Си Цзиньпин впервые представил концепцию «производительные силы нового качества», которая с июля 2024 г. стала лейтмотивом экономической теории и практики. При этом широко известные инициатива «Один пояс – один путь» и стратегия «двойной циркуляции» органично вписываются в новую концепцию [Calabrese, Jenkins, Lombardozzi, 2024]. ПСНК – это модель роста, основанная на инновациях, в которой прорывные технологии служат преобразованию традиционных и порождают новый массив отраслей и социальных структур посредством цифровизации и интеллектуализации. ПСНК – не только очередной этап реформ, а действительно новая модель развития Китая [Авдоцшин, Жуй, 2025].

Теоретическое развитие ПСНК ведется как с позиций неомарксизма, так и в рамках теорий развития и стадий роста. Китайские ученые отмечают, что передовые страны прошли три стадии развития производительных сил: аграрную, индустриальную и информационную (не постиндустриальную!) [Производительные силы...,

2024]. Реализация ПСНК должна вывести Китай и передовое человечество на совершенно новый уровень развития, общепринятого научного названия для которого еще нет. Суммируя заявленные в ПСНК цели и методы их достижения, можно предложить назвать следующую стадию роста как *ИКТ-индустриальная*. Основой экономики и технологического прогресса китайское руководство видит обрабатывающую промышленность; соответственно ускоренное развитие ИИ, больших данных, облачных технологий, квантовых вычислений, высокоскоростного Интернета и прочей «инфраструктуры нового типа» [Wen, Zhan, 2023] осуществляется прежде всего для модернизации (реконструкции) всех отраслей промышленного производства. Этот процесс в синологической литературе также обозначается термином *индустриализация нового типа*: в условиях изменившейся демографической ситуации (население Китая всё быстрее будет стареть и сокращаться, а стоимость труда увеличиваться) многие рабочие места как физического, так и умственного труда должны быть заменены на роботов с ИИ [Потенциал роста..., 2024]. Несмотря на домinantное значение технологий ИИ, для его работы необходимы современная связь, хранилища данных, вычислительные мощности и т.п., поэтому автор предлагает использовать термин не *ИИ-индустриальный*, а *ИКТ-индустриальный*, тем более что сам ИИ является частью ИКТ-технологий.

В 2010-е годы, особенно после активизации деятельности китайских ТНК и объявления первоначальных планов инициативы «Один пояс – один путь», можно было сделать вывод, что Китай во многом готовится перейти к следующей, постиндустриальной, стадии роста, которую в свое

время прошли страны Запада, естественно, с учетом ошибок деиндустриализации и социализма с китайской спецификой [Калашников, 2023]. В 2010-е годы в Китае произошли сдвиги, характерные для перехода к постиндустриальному обществу по типу западных стран, при этом китайские ученые отмечают негативные последствия этого перехода, например культ потребления, падение престижа рабочих профессий, нежелание молодежи вступать в брак.

Однако после пандемии коронавируса китайское правительство переоценило значение промышленного суверенитета и пересмотрело планы снижения доли промышленности в ВВП: даже в долгосрочной перспективе она снизится только до 35%, а не до 25%, как считалось ранее (за 2011–2024 гг. доля вторичного сектора ВВП снизилась с 45,8 до 36,5%). Считается, что промышленность – локомотив развития национальной науки, и до 90% современной сферы услуг обслуживаются промышленное производство. Промышленная политика является ключевым элементом экономического развития, включает в себя действия правительства по улучшению деловой среды или изменению структуры экономической деятельности для содействия росту и повышению благосостояния [Navigating..., 2025]. Многие развитые страны также признали, что обрабатывающая промышленность остается решающим фактором экономического роста и благосостояния населения, поэтому активно возрождают промышленную политику [Промышленная политика..., 2023]. В целом во всём вышеизложенном нет противоречий, лишь подтверждается закономерность, что невозможно перейти к следующей стадии роста, не пройдя последовательно все предыдущие.

Искусственный интеллект + производство

На начало 2025 г. ПСНК являются не «политическим лозунгом Коммунистической партии Китая» (такое определение концепции дает ассистент Алиса на Яндексе), а уже повсеместно приняли осозаемые формы. Число обученных в Китае превысило 7,5 млн чел., что больше, чем во всех вместе взятых странах Запада; расходы на НИОКР в 2024 г. составили 498 млрд долл., или 2,7% ВВП, и в 2020-е годы Китай действительно перешел от имитационного догоняющего развития к инновационному опережающему. Так, темпы роста капиталовложений до 2013 г. вдвое превышали темпы роста ВВП, снижалась капиталоотдача: 1 юань инвестиций создавал примерно 5 юаней ВВП в 1980 г., 3 юаня – в 2000 г. и менее 2 юаней – в 2010-е годы. Но с 2017 г. темпы роста ВВП превышают темпы роста инвестиций, и к 2023 г. произошел рост капиталоотдачи до 2,5 юаней.

ИИ, работающий вместе с высокоскоростным 5G-интернетом и вычислительными мощностями обработки больших данных (БД), охватил практически все старые отрасли хозяйства [Cook, Rani, 2025]. Не появился четвертичный сектор экономики, а проявились контуры новой стадии роста, произошло качественное перерождение аграрного, промышленного и сервисного секторов [Fang, Iqbal, 2025]. Можно разработать дизайн и сделать вазу или платье вручную кустарным способом, можно на традиционной фабрике, а теперь можно и на современном производстве. «Водораздел» между старым и инновационным проходит не по номенклатуре товаров и услуг, а по степени участия ИИ в производстве самых привычных товаров: ламп и светильников, одежды и игрушек, мебели и посуды и т. п.

Цифровая трансформация промышленности значительно повышает экономическую жизнеспособность компаний за счет снижения транзакционных издержек, повышения совокупной производительности факторов производства [Can digital..., 2024] и смягчения финансовых ограничений [Does digital transformation..., 2025]. Кроме того, предприятия вовлекаются в цифровую торговлю, которая создает дополнительный потребительский спрос [Tang, Lan, 2024]. Поэтому правительство реализует масштабный план действий «ИИ+» для ускорения развития ПСНК, включающий информационно-технологические системы следующего поколения, сбор БД, повышение вычислительной мощности [The impact..., 2025].

Сотни тысяч фабрик в Китае за последние годы уже стали безлюдными [Yang, Zhang, 2025]. Более трети мирового парка умных устройств, или около 5 млрд ед., находится в Китае. Типичный пример: на заводе, где в 2019 г. работали 2000 рабочих и 30 инженеров, в 2024 г. заняты 200 рабочих и 300 инженеров, при этом они как минимум удвоили производство продукции той же товарной группы. На бесконечных сборочных конвейерных лентах фабрик вместо рабочих теперь «сидят» круглосуточно готовые к работе роботы, которые своими руками делают абсолютно все операции, раньше выполняемые людьми, вплоть до упаковки: укладывают изделие в пакетик, его – в коробочку, а ее – в ящик, на который наносят маркировку и относят на склад. Традиционно в Китае заводы располагались в одно- или малоэтажных зданиях, так как перемещение комплектующих и продукции между цехами и складами осуществлялось преимущественно мускульной силой. Теперь заводы массово переезжают в многоэтажные здания, все эти операции также осуществля-

ются роботами, объединенными искусственным интеллектом в единую сеть, причем не в рамках конкретного частного предприятия, а всего Китая.

На заводах практически исчезли отделы закупок и снабжения, транспорта и логистики, сократились бухгалтерия и планово-экономические отделы, отделы упаковки и дизайна. Все эти интеллектуальные процессы организации производства и разработки новой продукции, как и запланировано, проходят под управление ИИ, связанного с роботами в цехах [Реиндустриализация в Китае, 2024].

Китайские заводы располагаются в узкоспециализированных кластерах, в каждом из которых собраны от нескольких сотен до нескольких тысяч примерно одинаковых предприятий, способных производить однотипную продукцию одной микроотраслевой ниши. По мере того, как разработка промышленного дизайна всё больше переходит к ИИ, происходит разделение функций производства и владения брендами. Появляются фирмы, которые специализируются на применении ИИ для сбора и обработки БД о предпочтениях потребителей, производственных возможностях во всём Китае, имеют возможности разработки и продвижения продукции на цифровых платформах. У таких компаний нет собственных фабрик. ИИ размещает их заказы на комплектующие и их последующую сборку в автоматическом режиме на любых заводах соответствующих кластеров, где в данный момент времени есть свободные производственные мощности. Таким образом, можно констатировать, что главной задачей владельцев заводов в Китае становится поддержание роботов в исправном состоянии, а суть их бизнеса трансформируется в сдачу производственных мощностей в аренду ИИ.

Наиболее ярким примером, где Китай за несколько лет стал мировым лидером, является *индустрия ультрабыстрой моды*. За счет использования данных о потребителях в режиме реального времени, гибких цепочек поставок и цифрового маркетинга компании с помощью ИИ разрабатывают и выпускают тысячи новых стилей еженедельно, мгновенно реагируя на меняющиеся тенденции. Так, китайская компания *Shein* за 2019–2024 гг. увеличила продажи в 20 раз (с 2,5 млрд до 48 млрд долл.) и стала мировым лидером отрасли, оторвавшись по выручке от старых чемпионов *Zara* и *H&M* в 7 и 8 раз соответственно. *Shein* работает по модели прямого взаимодействия с потребителем, минуя посредников и продавая исключительно онлайн, в первую очередь ориентируясь на зарубежные рынки. Одним из наиболее значимых факторов успеха индустрии сверхбыстрой моды в Китае является рост онлайн-коммерции в прямом эфире, который изменил взаимодействие брендов с потребителями применением интерактивных сессий вопросов и ответов, мгновенных вариантов покупки, прямых трансляций для стимулирования импульсивных покупок и повышения вовлеченности клиентов.

Такая модель бизнеса, основанная на ИКТ-взаимодействии участников производства, получила название *метакапитализм*. В ИИ-экономике границы между спросом и предложением стираются, человек одновременно является *просьюмером*. Покупатель с помощью ИИ и цифровых платформ производителя становится инициатором производства и соразработчиком большинства видов товаров и услуг, оптимизированных именно под его предпочтения. В Китае на основе глубокой интеграции Интернета и промышленности возникла новая

парадигма продаж – C2M (*Customer to Manufactory*). Например, потребитель входит на платформу C2M через смартфон и размещает заказ, при этом выбирает ткань, фасон, технологию изготовления и прочие параметры одежды. ИИ осуществляет моделирование, после чего обработанная информация автоматически превращается в производственные данные и в виде заказов передается поставщикам материалов и в пошивочный цех.

Функционирование современной ИКТ-промышленности невозможно без цифровой логистики, и Китай с помощью ИИ уже стал лидером в управлении глобальными цепочками поставок. Автоматизированные управляемые транспортные средства (AGV) и колаборативные роботы произвели революцию во внутренних цепочках поставок. Блокчейн обеспечивает безопасные, защищенные от несанкционированного доступа транзакции по всей цепочке поставок, от поиска сырья до доставки продукции. Прозрачность блокчайна также снижает потребность в посредниках, ускоряя транзакции и улучшая координацию. Благодаря сбору данных IoT в режиме реального времени, компании лучше прогнозируют спрос, снижают затраты на запасы и оптимизируют логистические операции [Industrial Policy..., 2025].

Китай занимает около половины мирового рынка автомобилей, оборудованных беспилотными системами вождения, число таких автомобилей достигнет более 50 млн к 2030 г. Возникло понятие цифрового транспорта, соединившего транспорт, промышленность и ИКТ в виде интеллектуальных, динамических и интерактивных автомобильных операционных систем беспилотников и межавтомобильной связи. Китай является лидером по развитию низковысотной экономики (до 300 м), с марта 2018 г. массово

внедряется экспресс-доставка беспилотными дронами, современные экземпляры которых по сути являются летающими грузовыми электромобилями вертикального взлета и посадки.

Видимая транснационализация китайского бизнеса

В соответствии с большинством теорий транснационализации, по мере внедрения инноваций на внутреннем рынке, роста избыточной обеспеченности фактором производства (ИИ), приобретения новых конкурентных преимуществ (науки и технологий) китайские компании должны ускоренными темпами создавать зарубежные филиалы. С одной стороны, статистические данные показывают огромные величины потоков и накопленных прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) Китая (таблица 1), с конца 2010-х годов Китай занимает по этим показателям 2-е и 3-е места в мире соответственно. Так, накопленные ПЗИ в 2024 г. превысили 3 трлн долл., а средние потоки ПЗИ в 2022–2024 гг. составили 168 млрд долл. в год. Наблюдается снижение темпов прироста потоков и накопленных ПЗИ, но это нормально на фоне стагнации роста мировых прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

С другой стороны, следует помнить, что в статистике КНР Гонконг считается иностранной экономикой, и на протяжении 2010–2024 гг. около 60% ПИИ в КНР и ПЗИ из КНР приходится на Гонконг; аналогично материковая КНР является крупнейшим инвестиционным партнером Гонконга, между ними осуществляется круговое движение капитала. Большинство китайских компаний, которые формально можно отнести к ТНК, имеют свой единственный «зарубежный» филиал в офшорном Гонконге для того, чтобы прийти обратно в Китай как фили-

Таблица 1. КНР в мировых прямых инвестициях, млрд долл.**Table 1.** China in global direct investment, billion dollars

Показатели	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Накопленные ПЗИ	317	1098	2581	2755	3118
<i>Накопленные ПЗИ, доля в мировых ПЗИ, %</i>	<i>1,5%</i>	<i>4,2%</i>	<i>6,4%</i>	<i>7,0%</i>	<i>7,2%</i>
Доходы от ПЗИ Китая	128,8	189,9	227,9	245,7	279,8
Поток ПЗИ за год	68,8	145,7	153,7	163,1	162,8
Накопленные ПИИ	587	1220	1919	3496	3650
<i>Накопленные ПИИ, доля в мировых ПИИ, %</i>	<i>2,9%</i>	<i>4,6%</i>	<i>4,6%</i>	<i>8,0%</i>	<i>7,2%</i>
Доходы от ПИИ в Китай	166,9	270,1	348,3	405,8	423,1
Поток ПИИ за год	108,8	126,3	149,3	189,1	116,2

Источник: *World Investment Report 2025 // UNCTAD.* – 2025. – URL: <https://unctad.org/publication/world-investment-report-2025> (дата обращения: 10.08.2025); *Balance of Payments // State Administration of Foreign Exchange* (Управление валютного контроля КНР). – URL: <http://www.safe.gov.cn/en/BalanceofPayments/index.html> (дата обращения: 10.08.2025).

Таблица 2. Развитие сети зарубежных предприятий ТНК Китая**Table 2.** Development of the network of overseas enterprises of Chinese TNCs

Предприятия	2007 г.	2009 г.	2013 г.	2018 г.	2023 г.
ТНК, тыс.	7,0	12,1	15,3	25,5	31,0
Зарубеж. предприятия, тыс.	10,0	13,0	25,4	39,2	48,0
Предприятий на 1 ТНК, ед.	1,4	1,1	1,7	1,5	1,5

Источники: 中国对外直接投资统计公报 = Статистический ежегодник ПЗИ КНР // Министерство коммерции КНР. – Выпуски за 2008–2024 гг. – URL: <http://www.mofcom.gov.cn> (дата обращения: 10.08.2025).

ал иностранной ТНК. Это позволяет им применять все присущие ТНК непрозрачные инструменты ценообразования и налогообложения, то есть скрытого субсидирования, для производства и защиты внутреннего рынка от конкурентов из развитых стран, что не нарушает рыночных правил ВТО [Rodionova, Kalashnikov, 2024]. Поэтому среднее число филиалов на одну ТНК остается 15 лет неизменным на уровне 1,5 ед. (таблица 2). Также низким, около 15%, остается и средний уровень индекса транснационализации 100 крупнейших по величине зарубежных активов ТНК Китая, что мало даже

для компаний из стран с большим внутренним рынком. Для сравнения: для крупнейших ТНК развитых стран значение индекса составляет 63%, а развивающихся – 46%.

На 100 крупнейших ТНК Китая в 2018–2024 гг. приходится две трети накопленных ПЗИ КНР, и на остальные 30,9 тыс. компаний – только треть. Зарубежная выручка 100 крупнейших ТНК Китая в 2024 г. снизилась на 5,4% (до 1,4 трлн долл.).

В целом снижение темпов роста мировых прямых инвестиций можно объяснить не столько трендами деглобализации, сколько развитием

глобальных цепочек стоимости (ГЦС), в рамках которых ТНК берут под контроль за рубежом предприятия и цепные отрасли, не инвестировав в них ни цента. Предприятия могут принадлежать местному бизнесу или правительству, но они находятся в полной зависимости от ТНК – владельцев ГЦС либо привязкой к обслуживанию иностранного оборудования, обновления программного обеспечения (ПО), разработки дизайна продукции, либо зарубежным управлением продажами производимой продукции. То есть ТНК не обязательно оформлять права собственности на предприятия, которые находятся на средних (с точки зрения процесса создания продукта), как правило, производственных, участках их ГЦС.

Западные ТНК сделали ставку на престиж своих известных брендов, протекционизм и контроль над сбытом, а начальные (но с довольно высокой добавленной стоимостью) звенья ГЦС тоже перенесли в Китай, который подготовил значительное количество высококвалифицированных инженеров и ученых. В условиях приоритетного развития НИОКР и комплексной государственной промышленной политики Китай добился того, что продукция западных брендов стала производиться в КНР на китайском оборудовании, китайском ПО, мало того, дизайн продукции стал разрабатываться в китайских исследовательских центрах с приоритетом китайских комплектующих, материалов, производственных стандартов и технологий. Упомянутые выше работы, оборудование для ИИ, вычислений больших данных, Интернета, также разработаны и произведены в Китае.

Китайские ТНК с самого начала отличались от ТНК других стран, были как бы «ТНК-наоборот»: если все выносили производство в Китай

для сбыта в третьих странах, то китайские ТНК производят в Китае для сбыта за границей. Поэтому для многих китайских ТНК значения компонентов их индекса транснационализации по зарубежным активам (в среднем 16,5%) и занятым (10%) ниже, чем по зарубежным продажам (19%). С развитием интернет-продаж на китайских платформах в третьих странах местные производители не испытывают большой потребности в физическом присутствии за рубежом.

Судя по тону современных научных публикаций и программных выступлений, китайские власти отошли от нарратива «выхода за рубеж» и развития собственных торговых марок любой ценой. Наоборот, всемерно поощряется присутствие иностранных компаний и брендов на внутреннем рынке, но при условии, что они производятся на территории КНР. В августе 2023 г. Госсовет КНР опубликовал новый беспрецедентный пакет мер по стимулированию ПИИ, предоставлению им новых налоговых льгот. Также решено провести серию мероприятий в рамках «Года инвестиций в Китай», создания бренда «Инвестиции в Китай», создания сервисных центров для помощи иностранным инвесторам.

На многие потребительские товары (бытовую технику, мебель, автомобили) розничным покупателям государство компенсирует 20% их стоимости – но только на продукцию, произведенную на территории КНР, даже иностранными компаниями. Также при участии в госзакупках цены на товары иностранных брендов, произведенные на территории КНР, учитываются, как и на национальные товары, с понижающим коэффициентом 0,8. В Китае уверены, что независимо от того, чей бренд, максимальная часть добавленной стоимости уже достается национальным компаниям.

Уходят ли западные производители из Китая?

Ответ на этот вопрос позволит лучше разобраться в конкурентных преимуществах Китая для китайских компаний. Если современное производство осуществляется роботами, подключенными к ИИ, то очевидно, что старение и потенциальное сокращение трудовых ресурсов Китая не должны оказывать критического влияния на себестоимость продукции. Наоборот, рост зарплат и благосостояния должны повышать привлекательность внутреннего рынка для иностранных компаний, в этом же направлении должна работать и развитая ИКТ-инфраструктура.

Статистические данные свидетельствуют о том, что накопленные ПИИ в Китай продолжали увеличиваться даже в период геополитической нестабильности 2022–2024 гг., достигнув величины 3,65 трлн долл. (см. таблицу 1). Продолжают увеличиваться и доходы иностранных ТНК от ПИИ в Китай (423 млрд долл. в 2024 г.), в то время как доходы китайских компаний от увеличившихся до 3,12 трлн долл. ПЗИ за рубеж находятся на одном уровне (163 млрд долл.). При этом число филиалов иностранных ТНК в Китае за 2013–2023 гг. увеличилось с 446 тыс. до 696 тыс., но среди них число иностранных предприятий обрабатывающей промышленности снизилось со 166 тыс. до 118 тыс. Доля ПИИ в обрабатывающую промышленность снизилась с 61 до 11% в 2023 г. Число филиалов иностранных ТНК в Китае, занимающихся НИОКР, превысило 70 тыс., которые поглотили 22% ПИИ в Китай. То есть иностранные ТНК осуществляют ПИИ уже не ради производства на экспорт или освоения китайского рынка, а для использования местного развитого человеческого

капитала. И такая динамика наблюдается в условиях, когда инвесторы ограничены запретами своих стран на ПИИ в высокотехнологичные сектора КНР: полупроводники и микроэлектронику, ИИ, квантовые информационные технологии и др.

Получается, что в Китае иностранные ТНК пока еще могут использовать китайский человеческий капитал, но не могут воспользоваться новым фактором производства (ИИ) и растущим внутренним рынком. Это легко объясняется: Интернет в Китае отрезан от мирового. Онлайн-каталоги, сервисы заказа и оплаты большинства иностранных компаний (в том числе российских) в Китае не работают. А большую часть розничных покупок китайцы совершают в смартфоне. Оптовые продажи и снабжение промышленных предприятий также осуществляется через сервисы и платежные системы, работающие в китайском Интернете. Многие китайские индивидуальные предприниматели и владельцы малого бизнеса не знают, где физически находятся налоговая инспекция и таможня, и подчеркивают, что они за 10 секунд, без каких-либо документов, в режиме онлайн решают финансовые вопросы своего бизнеса, при этом некоторые из них уверены, что берут кредиты «у смартфона».

Таким образом, иностранные производители в Китае, даже если установят роботов, обработают БД с помощью своего ИИ, физически не могут оперативно разрабатывать и внедрять продукцию, координировать доставку материалов в сборочный цех с помощью беспилотников, продавать продукцию на китайских площадках электронной коммерции и т.д. Не могут вовлечь в процесс создания продукта просьюмеров, использовать скорость и преимущества метакапитализма. Это заставляет иностранных производите-

лей уходить из Китая². Фрагментация Интернета пришла на смену информационной глобализации, и ИКТ-технологии стали предметом борьбы за лидерство великих держав, а также инструментом международной конкуренции [Зиновьев, 2024].

Еще после мирового кризиса 2008–2009 гг. развитые страны увидели в Китае конкурента и осознали опасность зависимости от одной страны. Для нивелирования этой угрозы была теоретически обоснована и реализована на практике стратегия «Китай + 1», в рамках которой ГЦС не должна целиком находиться в Китае, а должна быть распределена между Китаем и странами Юго-Восточной и Южной Азии. Фактически многие западные ТНК так и сделали [De-globalization..., 2023]. Но стратегия провалилась: после переноса сборочных производств в другие страны зависимость от Китая не уменьшилась.

Китайские ученые считают, что главный фактор конкурентоспособности страны – «полная комплексность» (大全) [Примеры..., 2024]. Комиссия по реформам и развитию КНР связала все отрасли в единый механизм, обеспечивает их всеми материалами, компонентами, оборудованием, кадрами. Для всех видов продукции созданы полные, вертикально интегрированные производственные цепочки, в которых операции разделены между государственными и частными предприятиями, между крупным и малым бизнесом, и они в Китае не конкурируют, а помогают друг другу. Нет ни одной другой страны в мире, которая обладала бы такой «полной комплексностью». В любой стране мира западные ТНК сталкиваются с потребностью в материалах, комплектующих и других ресурсах, ко-

торые можно заказать только в Китае. По этой же причине инициатива «Один пояс – один путь» в первоначальном виде тоже не оправдала ожиданий: китайским ТНК быстрее и дешевле произвести продукцию для домашнего рынка в Китае.

Невидимая сеть международных производственных цепочек Китая

Страны Запада вводят санкции и пошлины, явные и скрытые барьеры, призванные сдержать подъем Китая. Во многих странах введен тотальный контроль над притоком ПИИ из Китая, все проекты тщательно рассматриваются через призму национальных интересов и стратегической зависимости. Чтобы не раздражать развитые страны своими брендами и предприятиями, китайские компании осуществляют новую стратегию зарубежной экспансии. Они активно развивают зарубежное производство, но без официального создания своих филиалов, а через вовлечение местного бизнеса принимающих стран в китайские производственные цепочки. Измерить масштаб этого явления доступными статистическими показателями невозможно, однако, по наблюдениям автора, в такую деятельность вовлечены многие предприятия Китая, производящие экспортную продукцию. Об этом также косвенно свидетельствуют рост числа китайских специалистов, работающих за рубежом (не в филиалах ТНК), и рост роялти – поступления платежей за использование китайских ПО и технологий за рубежом.

Как правило, китайские предприятия предлагают своим старым

2 UBS Evidence Lab, China 360. – URL: <https://www.ubs.com/global/en/investment-bank/insights-and-data/global-research/china-360.html> (дата обращения: 10.08.2025).

партнерам из развивающихся стран установить высокотехнологичные производственные линии, обучить персонал, поставлять им запчасти, ключевые компоненты и новейшие материалы, разработанные в Китае. А главное – передавать в электронном виде разработанный китайскими инженерами и ИИ дизайн продукции, соответствующий передовым требованиям качества (инженеры развивающихся стран не могут самостоятельно разработать, протестировать и сертифицировать такую продукцию). Этим зарубежным партнерам предлагается использовать их собственные торговые марки для вывода продукции на рынки США и стран Евросоюза (ЕС), причем зачастую клиентов также находит Китайская Сторона. Как высший этап развития этой стратегии китайские предприятия предлагают своим старым американским и европейским партнерам осуществлять OEM-производство продукции под их известными брендами не в Китае, как раньше, а на этих зарубежных предприятиях в третьих странах, гарантируя качество, соответствие стандартам, оперативность разработки и внедрения новой продукции.

Таким образом, большая часть добавленной стоимости, включенной в платежи за поставленное оборудование, компоненты и дизайн продукции, достается китайским компаниям. Практически это филиалы китайских ТНК, замаскированные под местный бизнес принимающих стран. Есть исследования, которые доказали, что сокращение импорта в США и ЕС из Китая хотя бы частично компенсируется ростом экспорта из Китая в страны Юго-Восточной Азии и ростом импорта в США и страны Евросоюза из Юго-Восточной Азии [Exports in Disguise?..., 2025]. В подобных исследованиях обычно предполагается, что это скрытый реэкспорт, и произ-

водство в третьих странах осуществляется лишь на бумаге [Jiang, Xing, 2025]. Но достоверно известны случаи полноценного производства по описанной выше схеме не только в Юго-Восточной Азии и Южной Азии, но и в Центральной Азии, Турции, Мексике.

Это не маскировка китайского экспорта под продукцию других стран, и даже не маскировка своих квазифилиалов. Это создание подконтрольной китайскому правительству международной производственной суперсети, управляемой искусственным интеллектом и невидимой с точки зрения прав собственности. По сути, это транснационализация китайского бизнеса, хотя формально – нет.

Китай захватывает и берет под контроль производственные цепочки западных ТНК, при этом оставаясь в тени предприятий третьих стран. При такой схеме западные ТНК везут на домашний и чужие рынки продукцию не со своих зарубежных филиалов, а с иностранных предприятий, технологически подконтрольных Китаю. Чтобы произвести продукцию быстро, дешево и качественно, надо использовать эти предприятия с китайским оборудованием и ПО, для совместимости с которыми разработка дизайна и НИОКР должны осуществляться исключительно в сотрудническими с китайскими инженерами.

Американцы и европейцы гордятся своими брендами, думают, что выносят свои производства из Китая. А на самом деле в Китае они производили свою продукцию на сборочных фабриках, а теперь не в Китае покупают под своими брендами именно разработанную в Китае продукцию [Xing, 2017].

Если раньше ТНК конкурировали продукцией, то теперь китайские компании сосредоточились на создании производственных цепочек и предоставлении их в аренду чужим

ТНК. В этой концепции иностранные ТНК борются друг с другом своими товарами из-за нескольких процентов прибыли, а китайские компании со всех них получают монопольную прибыль за предоставление самой возможности произвести современный товар.

Будущий ИКТ-индустриальный Центр мирового хозяйства

Мир-система с постиндустриальным Центром и экономический миропорядок, сложившийся после отвязки валют от золотого содержания и перехода на фиатные деньги, находятся в глубоком кризисе и не устраивают даже создавшие их развитые страны [Новые тренды..., 2023]. Триггером разрушения старого и формирования нового миропорядка стали подъем Китая и развитие ИКТ-технологий [Morris, 2025]. Китай стал первой экономикой мира по паритету покупательной способности, но, как справедливо отмечают эксперты, место в Центре системы определяется не количественными показателями, и, анализируя проблемы старой модели развития Китая, предполагают, что после доминирования США настанет период без абсолютных лидеров [Гринин, Гринин, Коротаев, 2024]. Однако и естественные, и социокультурные системы, к которым относят экономические, иерархичны, не могут находиться в устойчивом состоянии без четко распределенных ролей и субординации. Поэтому прежде, чем мир перейдет к очередной фазе усиления глобализации, на которой все сотрудничают со всеми, покорно принимая свою роль в мировом хозяйстве, должно произойти перераспределение стран или их объединений по уровням развития. Это должно быть объективное и очевидное ран-

живование. Как правило, наиболее развитые страны верхнего яруса занимают свое место за счет более высокой производительности факторов производства и рационального потребления ресурсов. Войти на каждом новом этапе эволюции мирового хозяйства в его качественно новый Центр удавалось только тем, кто предлагал принципиально новую модель экономического миропорядка, и тем старым лидерам, которые быстро адаптировались к новым условиям.

Максимально эффективно генерировать и внедрять инновации, то есть обеспечить высокие темпы роста экономики и благосостояния граждан, смогут только те страны, которые имеют суверенные ИИ, Интернет и производство. В условиях выравнивания себестоимости собственно производства, продукцию для домашнего рынка для минимизации расходов на логистику будет выгоднее производить в странах базирования. При этом роль ТНК в мировой экономике останется важной, только акцент их деятельности сместится в сторону предоставления ИКТ-услуг для местных производителей в принимающих странах. Достаточно оказывать услуги по доступу в Интернет, сбору, хранению и обработке данных с ИИ, чтобы лишить принимающую страну экономического суверенитета. Китай уже является финансово развитой страной, создает путем кредитной эмиссии треть всех новых денег мира, не опасаясь инфляции или падения курса национальной валюты. Однако в будущем мироустройстве более ценным станет новый фактор – ИИ, с помощью которого можно управлять цепочками поставок современных товаров с максимальной эффективностью.

Как отмечается в отчете ЮНКТАД, по состоянию на 2024 г. 118 стран мира

вообще никак не развивали ИИ, даже не имели таких планов³. Среди стран – членов ОЭСР наблюдается серьезное расслоение по степени развития ИИ. Лидером развития технологий ИИ практически все называют США. Что касается Китая, встречаются пессимистические взгляды, когда хоть и признаются их технологические достижения, но в то же время выражается сомнение в его способности построить передовую инновационную систему [Данилин, 2024]. Подавляющее большинство экспертов сходятся во мнении, что по состоянию на 2025 г. современными ИКТ-технологиями обладают лишь два государства – Китай и США [Shi, Wei, 2025].

При этом США и Китай осознали свое преимущество обладания новым фактором производства, поэтому США пытаются продемонстрировать свое технологическое превосходство над ЕС и Японией, а Китай – над Россией, Индией, Бразилией. И ищут способы материализовать это преимущество, получить ренту. С точки зрения развития технологий ИИ и ИКТ-инфраструктуры, качественного и количественного уровня развития промышленности в глобальной экономике можно заметить формирование двух конкурирующих блоков: 1) «США+» в виде G7 или даже всего коллективного Запада и 2) «Китай+» в виде расширяющегося БРИКС. Китаю, как и США, стратегически невыгодно делиться передовыми технологиями с партнерами по блоку.

Как отмечают эксперты, уже через несколько лет вычислительная мощность будет подобна сегодняшней электроэнергии, и все предприятия

и домохозяйства будут покупать и использовать ее. Данные – это ресурс цифровой экономики, в киберпространстве работа промышленности и сферы услуг невозможна без сбора и обработки данных. Поэтому эпоха «тоящих» технологических гигантов, не имеющих ничего, кроме офисов, заканчивается, они трансформируются в инфраструктурные компании наподобие металлургических монстров прошлого⁴. Расходы на инфраструктуру ИИ в процентах от ВВП уже превысили расходы на телекоммуникационную и интернет-инфраструктуру, возникшие в период бума доткомов. *Facebook*, *Microsoft* и их конкуренты теперь вертикально интегрируются и владеют всё большим количеством ресурсов, необходимых для ведения бизнеса. Так, *Microsoft* в 2026 г. закончит строительство первой очереди центра обработки данных стоимостью 3,3 млрд долл. в штате Висконсин, а в целом создается «ИИ-инфраструктура планетарного масштаба».

Суть стратегии США в области ИИ заключалась в поддержании монополии на массовое производство передовых чипов. На это направлен ряд санкций, введенных с октября 2022 г., которые должны были лишить Китай доступа к чипам, обеспечивающим революцию ИИ, и подорвать его способность производить альтернативные чипы внутри страны. До тех пор, пока США сохраняют монополию на высокопроизводительные чипы, у них есть рычаги для глобального распределения передовых вычислений, для создания и эксплуатации центров обработки БД на третьих рынках на своих услови-

3 Technology and Innovation Report 2025 // UNCTAD. – 2025. – URL: <https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2025> (дата обращения: 10.08.2025).

4 Mims C. Silicon Valley's New Strategy: Move Slow and Build Things // The Wall Street Journal. – 2025. – August 1. – URL: https://www.wsj.com/tech/ai/silicon-valley-ai-infrastructure-capex-cffe0431?st=oLCAcg&reflink=desktopwebshare_permalink (дата обращения: 10.08.2025).

ях. Китайские исходящие ПИИ в дата-центры станут индикатором того, смогут ли китайские гиперскейлеры (*Alibaba*, *Tencent*, *Huawei*, *Baidu*) конкурировать с американскими поставщиками облачных услуг за рубежом. И уже известно, что *Huawei* активно строит зарубежные центры обработки данных, особенно на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Технологическое разделение разрушает связи между китайской и американской экосистемами ИИ – Китай становится самодостаточным. Китайские власти реализуют инфраструктурный мегапроект, который привел к более эффективному использованию ограниченных вычислительных ресурсов Китая для обучения моделей ИИ, мобилизую государственные лаборатории и ведущие частные компании, которые разработали альтернативы американским ИИ-чипам, например передовые графические процессоры (*GPU Nvidia*⁵). Одним из ключевых элементов является запущенная в 2021 г. Национальная интегрированная вычислительная сеть (全国一体化算力网络) для оптимизации и интеграции вычислительных ресурсов по всей стране с обработкой и хранением БД в Западном Китае, где земля и электричество дешевле. А ее ядром является Китайская вычислительная сеть (中国算力网), управляемая лабораторией *Peng Cheng Lab* в сотрудничестве с *Huawei*. Правительство отобрало компании *Baidu*, *Huawei*, *Qihoo 360*, *China Mobile*, *iFlytek* и *Alibaba* для создания экосистем ИИ в конкретных областях и разработки национальных стандартов ИИ под контролем Управления киберпространства Китая (国家互联网信息办公室).

Для работы подключенных к ИИ устройств Китай внедрил сверхбыструю и высокопроизводительную телекоммуникационную инфраструктуру поколения 5GA, разработанную корпорацией *Huawei*; она обеспечивает скорость передачи данных до 10 раз выше, чем 5G, в то время как в развитых странах всё еще используют связь поколения 4G.

Сегодня Китай – единственный, кто создал контуры принципиально новой модели организации производства, но пока что на своей территории. С распространением этой модели за пределы страны он сможет подняться на качественно новое место в устройстве мирового хозяйства. США с точки зрения готовности к новому мироустройству уже отстают от Китая, но осознали проблему деиндустриализации и варианты ее последствий для своего доминирования в глобальной экономике и пытаются защищаться пошлинами, но одновременно принимают меры по возвращению многих отраслей промышленности и их перестройке с учетом китайских новаций. При этом на данный момент США – единственная страна, которая способна в среднесрочной перспективе составить конкуренцию Китаю и потенциально войти вместе с ним в состав нового Центра четвертого, ИКТ-индустриального, яруса мирового хозяйства.

Пока что американскому передовому ИИ в прямом смысле нет работы; в отличие от китайского, ему нечем управлять: не достает 6 млн фабрик с их зарубежным продолжением. ИИ без «полной комплексности» будет предлагать вместо создания нового продукта купить то, что могут произвести китайские ГЦС. В 2024 г. гражданам

⁵ Kyng J. Streets ahead: China is winning the technology war with the US // The Observer. – 2025. – May 2. – URL: <https://observer.co.uk/news/science-technology/article/elon-musk-used-to-laugh-at-chinas-technology-hes-not-laughing-now> (дата обращения: 10.08.2025).

США из Китая ежедневно приходило 4 млн посылок стоимостью ниже установленного беспошлинного лимита 800 долл., но со 2 мая 2025 г. все посылки облагаются пошлинами.

Во время Третьей промышленной революции японцы первыми разработали и внедрили революционные принципы организации и размещения производства, которые получили название *тойотизма* (постфордизма), на которых основана конкурентоспособная промышленность последних десятилетий. Поначалу США пытались защищить свой рынок от японских товаров импортными пошлинами, что только ухудшило положение американских производителей, так как в ответ японцы создали систему предприятий-трансплантов («отверточной сборки»), аутсорсинга и крупноузловых поставок, то есть разработанные японскими компаниями комплектующие ввозились для окончательной сборки из «дружественных стран», не подпадая под пошлины. К чести США, они отказались от протекционизма и практически полностью разрушили многие отрасли промышленности, воссоздали их в виде системы современных предприятий, размещенных в узкоспециализированных кластерах.

То, что происходит между Китаем и США, не просто торговая война, не перенос производства в третьи страны для обхода пошлин, а создание нового яруса глобальной экономики, борьба за центральное место в новом экономическом миропорядке [Kim, Rho, 2024]. В отличие от соперничества между США и СССР времен холодной войны, она разворачивается не только в естественных пространствах (на суше, в море, воздухе и космическом пространстве), но и в новом,

созданном человеком, киберпространстве, преимущество в котором имеет решающее значение для успеха страны в стратегическом соперничестве [Yan, Qi, 2025].

Пошлины президента США Д. Трампа – это перестройка существовавшей системы американских ТНК, которые утратили возможность контролировать современное производство в Китае из-за отсутствия доступа к Интернету и, как следствие, к ИИ, из-за чего их ПИИ в Китае превращаются в мусорные активы. Это также ответ Китаю, который два года назад тихо ввел 20%-е пошлины на продукцию всех стран (субсидии покупателей и льготы на госзакупках для продукции, произведенной на территории КНР). Кстати, американцы отмечают, что Д. Трамп легитимизирует политику Китая, который неоднократно использовал пошлины и санкции в отношении Японии, Австралии, Норвегии и др.⁶ Перенос промышленности в США – довольно сложный и затратный процесс, который ставит многие (особенно малые) компании на грань выживания [D'Amбросио, Lavoratori, 2025].

Заключение

Делать экономические прогнозы на будущее сложно, особенно в условиях современной геополитической напряженности, доминирования интересов национальной безопасности над вопросами прибыли и эффективности. Тем не менее, суммируя новые тренды глобализации и транснационализации, развития ИИ и его инфраструктуры, проявляется картина одного из вариантов трансформации мир-системы с возникновением над постиндустриальным Центром бо-

⁶ Trump's Bullying of India Is Straight From Xi's Playbook // Bloomberg. – 2025. – August 7. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2025-08-08/india-s-bullying-by-trump-over-tariffs-mirrors-xi-s-playbook> (дата обращения: 10.08.2025).

лее передового ИКТ-индустриального ядра. Страны, которые в него войдут, будут считаться развитыми. В настоящее время обозначились два первых претендента – США и Китай, при этом у них одна и та же цель, но разные задачи. Китаю необходимо преодолеть технологическое отставание в производстве чипов и системах обучения ИИ, в то время как США необходимо устранить последствия деиндустриализации, развернуть на своей территории многие отрасли обрабатывающей промышленности. Всем остальным странам надо решать обе задачи одновременно, так как для современной промышленности требуется ИИ, а он может привести к качественно новому уровню развития только при наличии промышленного суверенитета.

Список литературы

Авдокушин Е.Ф., Жүй В. Разработка концепции производительных сил нового качества и практика ее реализации в Китае // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т.11, №2. – С.5–23. – DOI: 10.21686/2410-7395-2025-2-5-23.

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – Санкт-Петербург : Университетская книга, 2001. – 416 с.

Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 61–81. – DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04.

Данилин И.В. «Национальные чемпионы» и технологические «маленькие гиганты»: китайская промышленная политика между модернизацией и традицией // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 139–154. – DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154.

Зиновьева Е.С. Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции // Вестник МГИМО-Университета. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 27–47. – DOI: 10.24833/2071-8160-2022-ol5.

Калашников Д.Б., Митрофанова И.Б. Региональное развитие Китая на этапе подготовки перехода к постиндустриализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 128–146. – DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07.

Новые тренды в экономической глобализации / под ред. А.С. Булатова, Н.В. Галищевой, М.А. Максаковой. – Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2023. – 505 с.

Промышленная политика в условиях трансформации глобальных стоимостных цепочек / под ред. В.Б. Кондратьева. – Москва : ИМЭМО РАН, 2023. – 190 с. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0618-2.

Calabrese L., Jenkins R., Lombardozzi L. The Belt and Road Initiative and Dynamics of Structural Transformation // The European Journal of Development Research. – 2024. – Vol. 36, N 3. – P. 515–547. – DOI: 10.1057/s41287-024-00644-x.

Can digital infrastructure enhance economic efficiency? Evidence from China / Guo Q., Geng C., Yao N., Zhao L. // Quality and Quantity. – 2024. – Vol. 58, N 2. – P. 1729–1752. – DOI: 10.1007/s11135-023-01710-y.

Cook S., Rani U. Platform Work in Developing Economies: Can Digitalisation Drive Structural Transformation? // The Indian Journal of Labour Economics. – 2025. – Vol. 68, N 2. – P. 395–416. – DOI: 10.1007/s41027-024-00541-1.

D'Ambrosio A., Lavoratori K. Reshoring to survive? The other side of de-globalization // Journal of Industrial and Business Economics. – 2025. – March. – DOI: 10.1007/s40812-025-00342-7.

De-globalization, International Trade Protectionism, and the Reconfigurations of Global Value Chains / Zahoor N., Wu J., Khan H., Khan Z. // Management International Review. – 2023. – Vol. 63, N 5. – P. 823–859. – DOI: 10.1007/s11575-023-00522-4.

Digital economy-driven export sophistication: mechanisms of market integration and human capital restructuring / Liu J., Guan Y., Guan M., Yu J. // Digital Economy and Sustainable Development – 2025. – Vol. 3, N 16. – DOI: 10.1007/s44265-025-00061-w.

Does digital transformation enhance the economic vitality of Chinese enterprises? Evidence from A-share listed companies / Liu Y., Li R., Duan R., Liu P. // Future Business Journal. – 2025. – Vol. 11, N 168. – DOI: 10.1186/s43093-025-00594-8.

Exports in Disguise? Trade Rerouting during the US-China Trade War / Iyoha E., Malesky E., Wen J., Wu S. – Harvard : Harvard Business School, 2025. – Working Paper 24-072. – 46 p.

Fang H., Iqbal K. Information and communication technology, upgrading of industrial structure and spatial spillover effect // Scientific Reports. – 2025. – Vol. 15, N 18340. – DOI: 10.1038/s41598-025-02957-1.

Industrial policy, digital transformation and firms' GVC position: Dual mechanism of industry structural upgrading and firm bargaining power enhancement / Gao X., Dong S., Zhang Y., Huang J. // Journal of Economics and Finance. – 2025. – Vol. 49, N 3. – P. 768–794. – DOI: 10.1007/s12197-025-09724-y.

Jiang C., Xing L. Is China decoupling from the global value chain? A quantitative analysis framework based on the global production network // Humanities and Social Sciences Communications. – 2025. – Vol. 12, N 1. – Article 796. – DOI: 10.1057/s41599-025-05183-2.

Kim Y., Rho S. The US-China Chip War, Economy-Security Nexus, and Asia //

Journal of Chinese Political Science. – 2024. – Vol. 29. – P. 433–460. – DOI: 10.1007/s11366-024-09881-7.

Lin J.Y., Fu C. China in the Global Economic Structural Transformation and Upgrading. In: Demystifying the World Economic Development. – Singapore : Springer, 2024. – P. 505–593. – DOI: 10.1007/978-981-97-5632-2_9.

Morris D. A New Era of Risk. Why We Need a New, Sustainable Internationalism to Manage the Rise of China. – Cambridge : Ethics International Press Ltd, 2025. – 280 p.

Navigating industrial policy and global value chains in an era of disruptions / Gereffi G., Pananond P., Tell F., Fang T. // Journal of International Business Policy. – 2025. – Vol. 8, N 3. – P. 207–223. – DOI: 10.1057/s42214-025-00223-9.

Roberts A., Lamp N. Navigating complexity: globalization narratives in China and the West // China International Strategy Review. – 2022. – Vol. 4. – P. 351–366. – DOI: 10.1007/s42533-022-00113-2.

Rodionova I.A., Kalashnikov D.B. China in the Rankings of the World's Largest Corporations: Shifts in Participation in the International Division of Labor // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – Vol. 94, N 5. – P. 260–268. – DOI: 10.1134/S1019331625600325.

Shi Y., Wei F. Comparative Analysis of Digital Economy-Driven Innovation Development in China: An International Perspective // Journal of the Knowledge Economy. – 2025. – Vol. 16, N 1. – P. 4422–4464. – DOI: 10.1007/s13132-024-02128-z.

Tang W., Lan Q. Does digital trade promote China's manufacturing industry upgrading? – based on structure rationalization perspective // Economic Change and Restructuring. – 2024. – Vol. 57, N 3. – Article 128. – DOI: 10.1007/s10644-024-09714-w.

The impact of artificial intelligence on the new quality productive forces of en-

terprises / Chen X., Liu L., Li D., Han Y., Liu X. // Journal of Digital Management. – 2025. – Vol. 1, N 3. – DOI: 10.1007/s44362-024-00002-1.

The Product Space Conditions the Development of Nations / Hidalgo C.A., Klinger B., Barabási A.-L., Hausmann R. // Science. – 2007. – N 317 (5837). – P. 482–487. – DOI: 10.1126/science.1144581.

Wallerstein I. The modern world system III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s. – San Diego : Academic Press, 1989. – 390 p.

Wen H., Zhan J. New-type infrastructure and total factor productivity: evidence from listed manufacturing firms in China // Economic Change and Restructuring. – 2023. – Vol. 56, N 6. – P. 4465–4489. – DOI: 10.1007/s10644-023-09561-1.

Xing Y. Global Value Chains and the Missing Exports of the United States // GRIPS Discussion Paper. – 2017. – N 17-06. – 13 p. – DOI: 10.2139/ssrn.3051526.

Yan X., Qi H. China-US competition, reverse globalization, and the regression of world politics // China International Strategy Review. – 2025. – Vol. 7. – P. 1–15. – DOI: 10.1007/s42533-025-00187-8.

Yang Z., Zhang J. Digital infrastructure construction and the development of new-quality productive forces in enterprises // Scientific Reports. – 2025. – Vol. 15. – Article 24671. – DOI: 10.1038/s41598-025-09897-w.

Yifu L.J., Wang X. Dual Circulation: a New Structural Economics view of development // Journal of Chinese Economic and Business Studies. – 2021. – Vol. 20, N 4. – P. 303–322. – DOI: 10.1080/14765284.2021.1929793.

Zheng, Y. The middle technology trap: China in a comparative perspective // Asian Review of Political Economy. – 2024. – Vol. 3, N 11. – DOI: 10.1007/s44216-024-00030-8.

Потенциал роста экономики Китая: измерение и направления развития = 中国经济增长潜力: 测度判断与方向路径. – Пекин : Народное издательство = 人民出版社, 2024. – 208 с. – Кит. яз.

Примеры развития современной экономики Китая = 中国当代经济发展案例选编/ под ред. Ли Сяопина (李小平), Чэнь Либина (陈立兵), Чжу Цяолина (朱巧玲). – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2024. – 222 с. – Кит. яз.

Производительные силы нового качества: движущая сила экономического развития Китая = 新质生产力: 中国经济发展心动能 / под ред. Лю Дяня (刘典). – Пекин : Китайская финансовая и экономическая пресса = 中国财政经济出版社, 2024. – 254 с. – Кит. яз.

Реиндустриализация в Китае = 中国再制造进展. – Пекин : Издательство национальной оборонной промышленности = 国防工业出版社, 2024. – 226 с. – Кит. яз.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Internationalization of China's Economy: Outlines of a New ICT-industrial Core of the World System

Denis B. KALASHNIKOV

PhD (Econ.), Associate Professor of World Economy Department
MGIMO – University
Vernadskogo Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454
E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-1120-0054

CITATION: Kalashnikov D.B. (2025). Internationalization of China's Economy: Outlines of a New ICT-industrial Core of the World System. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 20–43 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.02

Received: 11.08.2025.

Revised: 27.08.2025.

ABSTRACT. *The purpose of the article is to reveal how the new stage of reforming the Chinese economy will affect its place in the hierarchy of the global economy and the very architecture of the economic world order. To this end, we analyze the features of the implementation of modern Chinese strategies for the development of “new-quality productive forces,” “dual circulation,” “Artificial Intelligence +” (AI), and “new-type industrialization,” as well as trends in globalization, the transnationalization of Chinese companies, and the development of international production chains. It is shown that in China, AI is becoming the most important factor in production and competitiveness, one that is not available to foreign businesses either for organizing production or for sales in the domestic market. In addition, Chinese companies are creating a global-scale production network abroad, invisible in direct investment statistics, with*

control based on technological dependence on product development in China. Western MNCs are moving production out of China, but at the same time becoming even more dependent on it, since only China can provide the supply of all the necessary materials and equipment, which are compatible only with Chinese R&D and AI. Thus, while Western MNCs compete with each other in goods, China gains monopoly power by providing them with the opportunity to develop and produce these goods quickly, cheaply, and efficiently. The United States remains the world leader in AI and its infrastructure, but unlike China, which has six million factories, American AI is limited in its application. Thus, a transformation of the World System is already taking place, in which the outlines of a more advanced Core are emerging above the post-industrial Center. The countries that enter it will be considered developed. It is proposed to call

this new, fourth tier of the world economy "ICT-industrial," since it is based on ICT infrastructure but generates a synergistic effect only under conditions of industrial sovereignty.

KEYWORDS: *China, global economy, innovative development, new-quality productive forces, transnational corporations, GVCs, World System.*

References

- Avdokushin E.F., Zui W. (2025). Development of the Concept of New Quality Productive Forces and the Practice of Its Implementation in China. *International Trade and Trade Policy*. Vol. 11, no. 2, pp. 5–23 (in Russian). DOI: 10.21686/2410-7395-2025-2-5-23.
- Calabrese L., Jenkins R., Lombardozzi L. (2024). The Belt and Road Initiative and Dynamics of Structural Transformation. *The European Journal of Development Research*. Vol. 36, pp. 515–547. DOI: 10.1057/s41287-024-00644-x.
- Can digital... (2024). Guo Q. et al. Can digital infrastructure enhance economic efficiency? Evidence from China. *Quality and Quantity*. Vol. 58, no. 2, pp. 1729–1752. DOI: 10.1007/s11135-023-01710-y.
- Cook S., Rani U. (2025). Platform Work in Developing Economies: Can Digitalisation Drive Structural Transformation? *The Indian Journal of Labour Economics*. Vol. 68, no. 2, pp. 395–416. DOI: 10.1007/s41027-024-00541-1.
- D'Ambrosio A., Lavoratori K. (2025). Reshoring to survive? The other side of de-globalization. *Journal of Industrial and Business Economics*. March. DOI: 10.1007/s40812-025-00342-7.
- Danilin I.V. (2024). "National Champions" and Technological "Little Giants": Chinese Industrial Policy Between Modernization and Tradition. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 17, no. 6. pp. 139–154 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2024-6-99-139-154.
- De-globalization... (2023). Zahoor N. et al. De-globalization, International Trade Protectionism, and the Reconfigurations of Global Value Chains. *Management International Review*. Vol. 63, pp. 823–859. DOI: 10.1007/s11575-023-00522-4.
- Digital economy-driven... (2025). Liu J. et al. Digital economy-driven export sophistication: mechanisms of market integration and human capital restructuring. *Digital Economy and Sustainable Development*. Vol. 3, no. 16. DOI: 10.1007/s44265-025-00061-w.
- Does digital transformation... (2025). Liu Y. et al. Does digital transformation enhance the economic vitality of chinese enterprises? Evidence from A-share listed companies. *Future Business Journal*. Vol. 11, no. 168. DOI: 10.1186/s43093-025-00594-8.
- Exports in Disguise?... (2025). Iyoha E. et al. *Exports in Disguise? Trade Rerouting during the US – China Trade War*. Harvard: Harvard Business School. Working Paper 24-072, 46 pp.
- Fang H., Iqbal K. (2025). Information and communication technology, upgrading of industrial structure and spatial spillover effect. *Scientific Reports*. Vol. 15, article 18340. DOI: 10.1038/s41598-025-02957-1.
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A.V. (2024). Shaping a New World Order and BRICS+. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 17, no. 5, pp. 61–81 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04.
- Industrial policy... (2025). Gao X. et al. Industrial policy, digital transformation and firms' GVC position: Dual mechanism of industry structural upgrading and firm bargaining power enhancement. *Journal of Economics and Finance*. Vol. 49, no. 3, pp. 768–794. DOI: 10.1007/s12197-025-09724-y.
- Jiang C., Xing L. (2025). Is China decoupling from the global value chain?

A quantitative analysis framework based on the global production network. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 12, no. 1, article 796. DOI: 10.1057/s41599-025-05183-2.

Kalashnikov D.B., Mitrofanova I.B. (2023). Regional Development of China on the Eve of the Transition to Post-industrialization. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 16, no. 1, pp. 128–146 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.01.07.

Kim Y., Rho S. (2024). The US – China Chip War, Economy-Security Nexus, and Asia. *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 29, pp. 433–460. DOI: 10.1007/s11366-024-09881-7.

Lin J.Y., Fu C. (2024). China in the Global Economic Structural Transformation and Upgrading. In: *Demystifying the World Economic Development*. Singapore: Springer, pp. 505–593. DOI: 10.1007/978-981-97-5632-2_9.

Morris D.A (2025). *New Era of Risk. Why We Need a New, Sustainable Internationalism to Manage the Rise of China*. Cambridge: Ethics International Press Ltd., 280 pp.

Navigating... (2025). Gereffi G. et al. Navigating industrial policy and global value chains in an era of disruptions. *Journal of International Business Policy*. Vol. 8, no. 3, pp. 207–223. DOI: 10.1057/s42214-025-00223-9.

Noviye trendi... (2023). Bulatov A.S., Galishcheva N.V., Maksakova M.A. (eds). *New Trends in Economic Globalization*. Moscow: Aspect Press Publishing House, 505 pp. (in Russian).

Potential rosta... (2024). *The Measurement of China's Potential Economic Growth and Future Development Path*. Beijing: Renmin Chubanshe, 208 pp. (in Chinese).

Primeri... (2024). Li Xiaoping, Chen Libing, Zhu Qiaoling (eds). *Selected Cases of Contemporary Economic Development in China*. Beijing: Beijing University Publ., 222 pp. (in Chinese).

Proizvoditel'niye sili... (2024). Liu Dian (ed.). *New-quality Productive Forces: The Driving Force of China's Economic Development*. Beijing: Zhongguo Caizheng Jingji Chubanshe, 254 pp. (in Chinese).

Promishlennaya... (2023). Kondratiev V.B. (ed.) *Industrial Policy under Global Value Chains Transformation*. Moscow: IMEMO RAS, 190 pp. (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0618-2.

Reindustrializatsiya v Kitaye (2024). *Remanufacturing in China*. Beijing: Guofang Gongye Chubanshe, 226 pp. (in Chinese).

Roberts A., Lamp N. (2022). Navigating complexity: globalization narratives in China and the West. *China International Strategy Review*. Vol. 4, pp. 351–366. DOI: 10.1007/s42533-022-00113-2.

Rodionova I.A., Kalashnikov D.B. (2024). China in the Rankings of the World's Largest Corporations: Shifts in Participation in the International Division of Labor. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 94, no. 5, pp. 260–268. DOI: 10.1134/S1019331625600325.

Shi Y., Wei F. (2025). Comparative Analysis of Digital Economy-Driven Innovation Development in China: An International Perspective. *Journal of the Knowledge Economy* Vol. 16, no 1, pp. 4422–4464. DOI: 10.1007/s13132-024-02128-z.

Tang W., Lan Q. (2024). Does digital trade promote China's manufacturing industry upgrading? – based on structure rationalization perspective. *Economic Change and Restructuring*. Vol. 57, no. 3, article no. 128. DOI: 10.1007/s10644-024-09714-w.

The impact... (2025). Chen X. et al. The impact of artificial intelligence on the new quality productive forces of enterprises. *Journal of Digital Management*. Vol. 1, no. 3. DOI: 10.1007/s44362-024-00002-1.

The Product Space... (2007). Hidalgo C.A. et al. The Product Space Condi-

- tions the Development of Nations. *Science*. No. 317 (5837), pp. 482–487. DOI: 10.1126/science.1144581.
- Wallerstein I. (1989). *The Modern World System III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s*. San Diego: Academic Press, 390 pp.
- Wallerstein I. (2001). *Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World*. Saint Petersburg: University Book, 416 pp. (transl. into Russian).
- Wen H., Zhan J. (2023). New-type infrastructure and total factor productivity: evidence from listed manufacturing firms in China. *Economic Change and Restructuring*. Vol. 56, no. 6, pp. 4465–4489. DOI: 10.1007/s10644-023-09561-1.
- Xing Y. (2017). Global Value Chains and the Missing Exports of the United States. *GRIPS Discussion Paper*. No. 17-06, 13 pp. DOI: 10.2139/ssrn.3051526.
- Yan X., Qi H. (2025). China – US competition, reverse globalization, and the regression of world politics. *China Inter-*
national Strategy Review. Vol. 7, pp. 1–15. DOI: 10.1007/s42533-025-00187-8.
- Yang Z., Zhang J. (2025). Digital infrastructure construction and the development of new-quality productive forces in enterprises. *Scientific Reports*. Vol. 15, article 24671. DOI: 10.1038/s41598-025-09897-w.
- Yifu L.J., Wang X. (2021). Dual Circulation: a New Structural Economics view of development. *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. Vol. 20, no. 4, pp. 303–322. DOI: 10.1080/14765284.2021.1929793.
- Zheng, Y. (2024). The middle technology trap: China in a comparative perspective. *Asian Review of Political Economy*. Vol. 3, no. 11. DOI: 10.1007/s44216-024-00030-8.
- Zinovieva E.S. (2024). Cyber Diplomacy under Increased Competition Between the Great Powers. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 17, no. 4, pp. 27–47 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2022-olf5.

Китайский глобальный проект для Евразии

УДК 338.47+339.9(1*CN)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.03

Динамика экономических показателей и тренды дальнейшего развития морских портов Китая

Нелли Кимовна СЕМЁНОВА

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник
Институт Китая и современной Азии РАН
Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7872-8972

ЦИТИРОВАНИЕ: Семёнова Н.К. Динамика экономических показателей и тренды дальнейшего развития морских портов Китая // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 44–62.
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.03

Статья поступила в редакцию 16.02.2025.
Исправленный текст представлен 15.03.2025.

АННОТАЦИЯ. Китайские морские порты выполняют функции центральных элементов транспортной инфраструктуры, обеспечивая интеграцию различных видов транспорта и выступая в качестве международных торговых хабов как на национальном, так и на региональном уровнях. Эволюционный путь развития китайского портового сектора находится в тесной взаимосвязи с динамическими изменениями экономических показателей страны и структурными преобразованиями ее национальной экономики. Реализация стратегии экономической открытости дала импульс увеличению объемов импортно-экспортных операций и способствовала интенсификации процессов модернизации портовой инфраструктуры. В настоящее время основным двигателем развития

китайских портов являются процесс цифровизации китайской экономики, реструктуризация, усложнение и трансформация производственно-логистических цепочек с участием Китая, а также новые требования к международной конкурентоспособности. Методология исследования базируется на результатах мониторинга в основном китайской источниковской базы с последующим применением компаративистского подхода, дескриптивного и статистического анализа. В работе проанализирована динамика ключевых индикаторов в секторе портового хозяйства Китая и связанных с ним отраслях после начала реализации политики реформ и открытости, изменения государственной инвестиционной политики в отношении портового комплекса и управления им, исследована

современная структура портовой отрасли Китая, формирующая агломерационный эффект за счет оптимизации размещения производственных мощностей и адаптации промышленной структуры к потребностям ведущих секторов китайской экономики, а также сформулированы ключевые тренды в развитии морских портов Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, морские порты, трансформация, динамика, развитие, основные тренды.

Процесс интенсификации развития портовых систем Китайской Народной Республики (КНР) получил значительный стимул с началом эпохи реформ и открытости (1978 г.). Портовые комплексы страны стали играть ключевую роль в продвижении экономического роста и социального прогресса, уделяя равное внимание как количественным показателям, так и качественным преобразованиям. Основное внимание было сосредоточено на повышении стандартов обслуживания и эффективности функционирования параллельно с усилением управленческого потенциала в промышленном секторе. Потенциал китайских портов значительно возрос, что привело к устойчивому увеличению их международной значимости и конкурентоспособности. Страна сохраняет лидерство в мировом масштабе по уровню развития морской транспортной сети. Достижение столь высокого уровня стало результатом реализации стратегически выверенных планов и решений.

На основании проведенного анализа научных работ по теме исследования надо отметить, что изучены отдельные аспекты морских портовых комплекс-

сов КНР [Корчагина, Топина, Ядыкин, 2020] и конкретные сюжеты развития китайских портов [Лозинский, Сазонов, 2022], отдельные специализированные темы по логистике [Маликова, 2024] и инфраструктурному наполнению портовой отрасли Китая [Кочетова, Попова, Левченко, 2019], развитию проекта «Морской Шелковый путь» [Хорбалаадзе, 2023], в том числе его экономическому и geopolитическому значению [Козьменко, 2021]. Вместе с тем до настоящего времени в отечественной библиографии не было комплексного исследования, дающего общее представление о динамике развития портовой системы КНР. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Исследование строится на результатах мониторинга российских и китайских источников, связанных с темой данного исследования. Далее применяется методика сравнительного анализа (компаративистика). Важной научной задачей является необходимость учета современных тенденций в развитии транспорта в контексте текущих политических процессов. Кроме того, важно учитывать нормативно-правовое обеспечение данной сферы, что требует проведения политологического анализа. Также в исследовании использовались дескриптивные методы, основанные на сборе и изучении эмпирических данных о реализованных проектах по развитию портовой инфраструктуры КНР.

Ускоренное развитие портового сектора Китая

В 1978 г. на Третьем пленарном заседании Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 11-го созыва¹ была провозглашена по-

¹ Коммюнике третьего пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 11-го созыва = 中国共产党第十一届中央委员会第三次全体会议公报 // База данных национальных съездов КПК = 中国共产党历次全国代表大会数据库. – Кит. яз. – URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65371/4441902.html> (дата обращения: 28.01.2025).

литика реформ и открытости, ознаменовавшая окончание длительного периода экономической изоляции Китая. КНР, используя опыт индустриализации «четырех азиатских тигров» и переноса трудоемких производств, активно интегрировалась в международную промышленную кооперацию. Этот процесс привел к масштабному открытию национальных портов, развитию экспортноориентированных отраслей обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных секторов.

Сегодня в приморских зонах функционируют 150 портов первого класса для внешней торговли, что более чем в 6 раз превышает их число по состоянию на 1978 г. Данные порты располагаются в 11 провинциях: Ляонин, Хэбэй, Тяньцзинь, Шаньдун, Цзянсу, Шанхай, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси и Хайнань (исключая речные порты в провинции Цзянсу и пограничные порты в Ляонине и Гуанси). Приморские регионы характеризуются наиболее развитой экономикой, высокой плотностью населения и максимальной степенью открытости, демонстрируя наивысшие темпы экономического роста [Семёнова, 2023].

Развитие портовой индустрии Китая связано с комплексным воздействием ряда эндогенных и экзогенных факторов, оказывающих влияние на строительство новых портов, повышение их операционной эффективности и расширение спектра предоставляемых услуг. Ниже представлены ключевые факторы, определяющие динамику развития китайской портовой отрасли (таблица 1).

Трансформация структуры управления морскими портами (включая приватизацию, консолидацию активов и создание совместных предприятий с иностранными партнерами), внедрение современных информационных систем и автоматизация производственных процессов позволяют повысить эффективность операций и снизить затраты. Внутренние процессы, такие как модернизация и индустриализация, влияют на увеличение пропускной способности портов и их технологическое оснащение. Внешние факторы, включая изменения в мировых торговых маршрутах и растущий спрос на продукцию китайского производства, способствуют увеличению объемов грузоперевозок через морские порты. Взаимодействие с зарубежными компаниями и правительствами открывает новые возможности для инвестиций, обмена технологиями и создания совместных проектов, направленных на укрепление позиций Китая в глобальной логистической системе.

Пространственная портовая структура за годы реформ также претерпела значительные преобразования. До 1978 г. в Китае был 51 национальный порт первого класса, открытый для внешнего мира (сегодня их более 300)². Из-за небольшого количества портов входа и неравномерного пространственного распределения внешнеэкономические связи и развитие внешней торговли Китая были затруднены. В настоящее время, согласно Национальному плану размещения прибрежных портов («全国沿海港口布局规划»)³, морские порты КНР распределены по 5 региональным кластерам

2 Славная дорога со взлетами и падениями: 40 лет открытия порта = 风雨辉煌路 – 口岸开放四十年 // Главное таможенное управление = 海关总署. – 2019. – 19 января. – Кит. яз. – URL: http://www.customs.gov.cn/customs/ztl86/302414/302415/zkdfc_fxsd____hhqzgkf40zn/ggkf/2168848/index.html (дата обращения: 28.01.2025).

3 Интерпретация Плана расположения национального прибрежного порта = 解读《全国沿海港口布局规划》 // Минтранс КНР = 国交通运输部. – 2007. – 26 сентября. – Кит. яз. – URL: https://xxgk.mot.gov.cn/2020/jigou/zhghs/t20200630_3320146.html (дата обращения: 15.01.2025).

Таблица 1. Основные факторы ускоренного развития портового сектора Китая**Table 1.** The main factors contributing to the accelerated development of China's port sector

Фактор	Воздействие	Следствие
Государственная поддержка и инвестиционные стимулы	Стратегические инициативы государства для улучшения функционирования портов: разработка нормативной базы, регулирование вопросов строительства и эксплуатации портов, финансирование крупных инфраструктурных проектов, формирование стратегий регионального развития портовых кластеров, привлечение значительных инвестиций	Укрепление позиций ключевых портов, стимул для дальнейшего роста всей отрасли. Политика «открытых дверей»: создание специальных экономических зон (налоговые льготы и другие стимулы для иностранных инвесторов) как центров развития портов и логистики
Общий рост экономики КНР	Расширение производственного и потребительского секторов. Повышение спроса на транспортные услуги для доставки сырьевых материалов и конечной продукции	Увеличение общего грузопотока через порты. Диверсификация портовых сервисов, ориентированных на создание высоких уровней добавленной стоимости
Экономическое развитие внутренних регионов КНР	Экономический прогресс и улучшение транспортной инфраструктуры во внутренних областях Китая	Расширение зоны влияния портов, дополнительные возможности для увеличения пропускной способности портов, оптимизация использования ресурсов
Увеличение объемов глобальной торговли	Стабильный рост мирового торгового оборота. Увеличение спроса на экспортно-импортные операции	Повышение пропускной способности портов. Новые перспективы для дальнейшего развития портовой инфраструктуры («Один пояс – один путь»)
Инновационное технологическое обновление и цифровизация	Активное внедрение передовых технологий автоматизации и информатизации в портовую деятельность, включая использование автоматизированных терминалов и систем интеллектуальной логистики	Повышение производительности труда, улучшение качества обслуживания клиентов, снижение операционных издержек, повышение общей конкурентоспособности портов

Источник: составлено автором на основе: Отчет об исследовании портовой отрасли Китая за 2024 год = 2024年中国港口行业研究报告 // Инвестиционный банк Цяньцзи = 千际投行. – 2024. – 8 апреля. – Кит. яз. – URL: <https://www.21jingji.com/article/20240408/herald/f718282c333e52eba375ed2787c1656f.html> (дата обращения: 28.01.2025).

рам: в экономическом круге Бохайского залива, дельте реки Янцзы, кластере юго-восточных прибрежных портов, дельте Жемчужной реки и юго-западном прибрежном портовом кластере. В состав этих кластеров входят 7 многопортовых шлюзовых регионов: Ляонин, Тяньцзинь-Хэбэй, Шаньдун, Дельта реки Янцзы, Юго-восток, Дельта Жемчужной реки и Юго-запад.

Портовая структура новой конфигурации способствует формированию агломерационного эффекта, оптими-

зируя размещение производственных мощностей и адаптируя промышленную структуру под потребности ключевых секторов экономики, таких как энергетика, металлургия, нефтехимическая промышленность, переработка и др. Порты КНР представляют собой ключевые элементы интегрированной транспортно-логистической инфраструктуры страны, обеспечивая функционирование внутренних и международных мультимодальных транспортных коридоров.

Динамика показателей портовой отрасли КНР

С 1978 г. среднегодовой прирост ВВП Китая составлял в среднем 9%. Общий объем внешнеторгового оборота страны увеличился более чем в 300 раз (в долларовом эквиваленте), тогда как показатель грузооборота морских портов возрос практически в 60 раз [Чжоу Юэ, 2020].

В 1978 г. суммарная пропускная способность китайских портов достигла отметки 280 млн тонн (для сравнения: в 1949 г. этот показатель составлял всего 10 млн тонн). Общий объем товарного импорта и экспорта в тот период составил 20,6 млрд долл. США. При этом доля Китая во всемирной торговле товарами была незначительной, занимая лишь 32-е место с долей менее 1% общемиро-

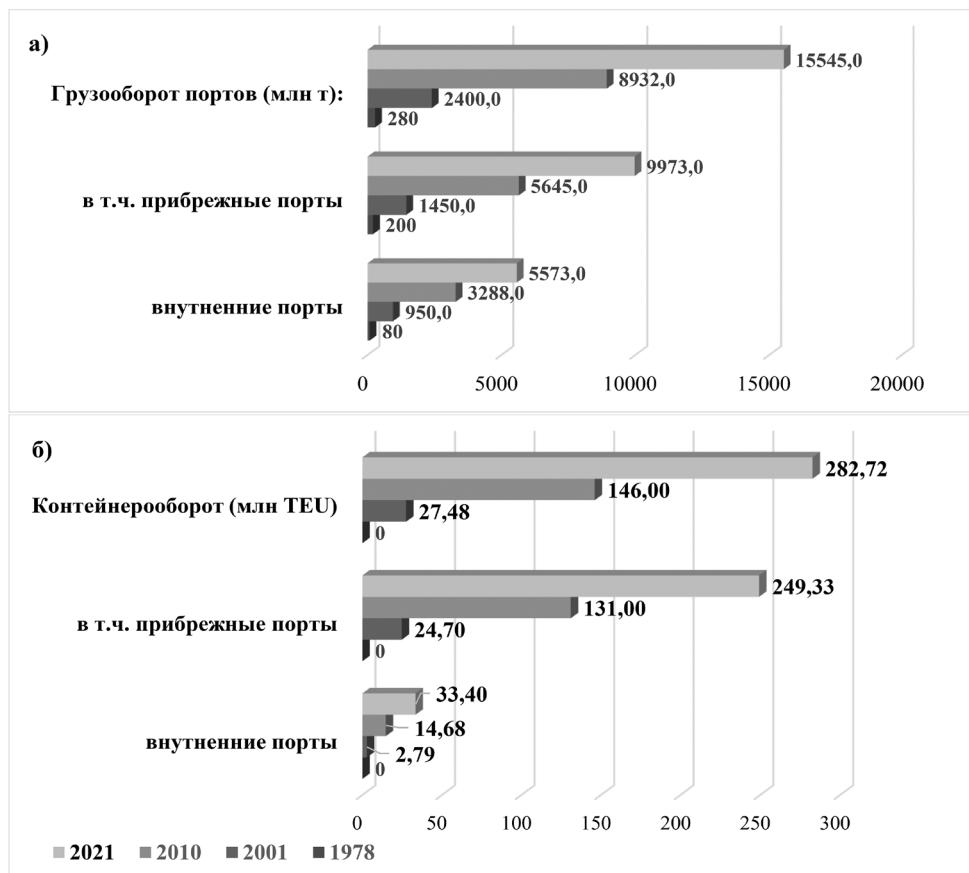

Рисунок 1. Динамика грузооборота (а) и контейнерооборота (б) портов КНР, 1978–2021 гг. (млн тонн, млн TEU)

Figure 1. Dynamics of cargo turnover and container turnover in Chinese ports, 1978–2021 (million tons, million TEU)

Источник: составлено автором на основе: Национальное бюро статистики Китая = 国家统计局. – 6/г.– Кит. яз. – URL: <https://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Минтранс КНР = 国交通运输部. – 6/г.– Кит. яз.– URL: <https://www.mot.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Центральное Народное Правительство Китая = 国中央人民政府. – 6/г.– Кит. яз. – URL: <http://www.gov.cn/xinwen> (дата обращения: 11.02.2025).

Рисунок 2. Динамика выполненного грузооборота водного транспорта КНР (а) и объема коммерческих грузов (б), 1978–2021 гг. (ед., млрд ткм, млрд тонн)

Figure 2. Dynamics of completed cargo turnover of China's water transport (a) and volume of commercial cargo (b), 1978–2021 (units, billion tkm, billion tons)

Источник: составлено автором на основе: Национальное бюро статистики Китая = 国家统计局. – 6/г.– Кит. яз. – URL: <https://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Минтранс КНР = 国交通运输部. – 6/г.– Кит. яз. – URL: <https://www.mot.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Центральное Народное Правительство Китая = 国中央人民政府. – 6/г.– Кит. яз. – URL: <http://www.gov.cn/xinwen> (дата обращения: 11.02.2025).

вой торговли. По состоянию на конец 2023 г. совокупный грузооборот портов Китая превысил отметку 16 млрд тонн, а общий объем товарообмена достиг примерно 6 трлн долл., включающих 3,4 трлн долл. экспортных операций и 2,6 трлн долл. импортных сделок⁴.

Динамика роста ключевых показателей в сфере портового хозяйства Китая является уникальной: рост общего объема грузооборота портов составил почти 60-кратный коэффициент увеличения (рисунок 1), причем для прибрежных портов данный показатель увеличился в 50 раз, а для внутренних портов – в 70 раз. В начале периода реформ и открытости в стране отсут-

ствовала инфраструктура для осуществления контейнерных перевозок. Однако сегодня Китай занимает ведущие мировые позиции как по грузообороту портов, так и по объему контейнерооборота (см. рисунок 1).

С 1978 г. объем грузоперевозок водным транспортом КНР вырос в 30 раз. Объем коммерческих грузов, задействованных во внешнеторговых операциях, вырос более чем в 200 раз, включая морские перевозки, увеличившиеся более чем в 100 раз (рисунок 2). С 2000 по 2020 г. среднегодовой рост контейнерооборота китайских портов составил 23,71% (498% за период)⁵, что является вторым

4 Деятельность национальных портов в 2023 г. и тенденции их развития в 2024 г. = 2023年全国港口运行情况及2024年发展趋势 // Федерация логистики и закупок Китая = 中国物流与采购联合会. – 2024. – 17 января. – Кит. яз. – URL: <http://www.chinawuliu.com.cn/zixun/202401/17/625132.shtml> (дата обращения: 15.01.2025).

5 Данные без учета показателей Гонконга и Тайваня (прим. авт.).

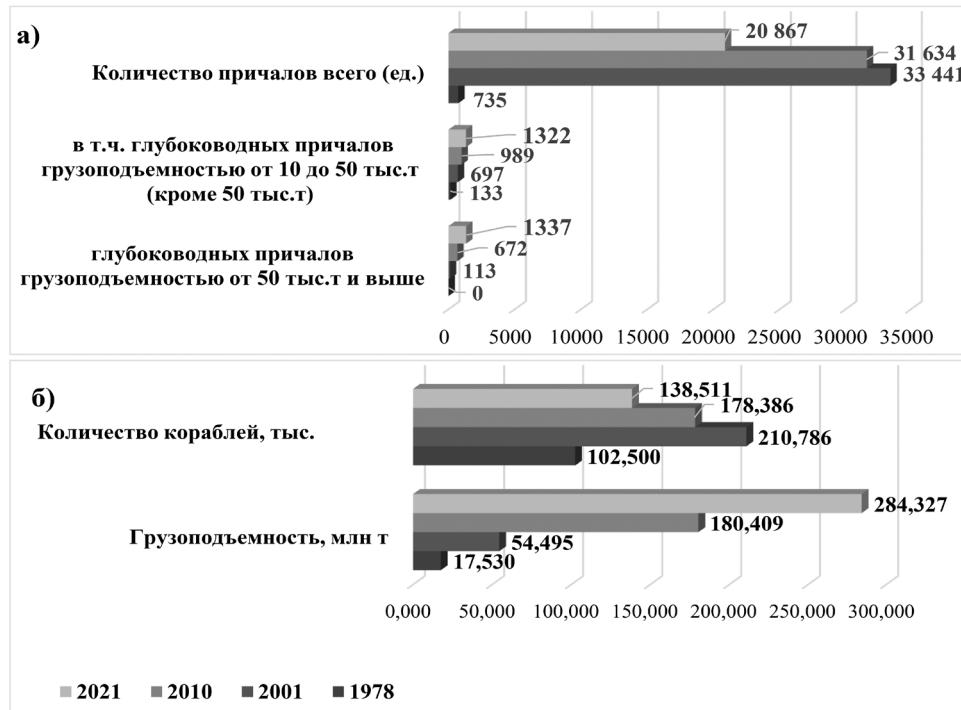

Рисунок 3. Динамика количества причалов по грузоподъемности в национальных портах КНР (а), динамика количества кораблей национального флота КНР и их грузоподъемность (б), 2001–2021 гг. (ед., тыс., млн тонн)

Figure 3. Dynamics of the number of berths by cargo capacity in the national ports of the People's Republic of China (a), dynamics of the number of ships of the National Fleet of the People's Republic of China and their cargo capacity (b), 2001–2021 (units, thousand units, million tons)

Источник: составлено автором на основе: Национальное бюро статистики Китая = 国家统计局. – 6/г.– Кит. яз. – URL: <https://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Минтранс КНР = 国交通运输部. – 6/г.– Кит. яз.– URL: <https://www.mot.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Центральное Народное Правительство Китая = 国中央人民政府. – 6/г.– Кит. яз. – URL: <http://www.gov.cn/xinwen> (дата обращения: 11.02.2025).

показателем среди стран Восточной Азии⁶.

Общее количество причалов в портах Китая с 1978 по 2001 г. возросло с 735 до 33,441 тыс. Затем к 2021 г. их число сократилось до 20,867 тыс., что было связано с ликвидацией нелегитимной и морально устаревшей инфраструктуры. Но даже при таком сокращении общее число причалов

с 1978 г. увеличилось почти в 30 раз, а число причалов для судов водоизмещением свыше 10 тыс. тонн – почти в 20 раз. Статистика по гражданскому флоту и портовым причалам имеет схожую динамику: резкий количественный рост в 1978–2001 гг. с последующим сокращением численности и существенным ростом грузоподъемности (рисунок 3).

6 Первое место по показателю прироста пропускной способности портов занял Вьетнам (+944% за 2000–2020 гг.) (прим. авт.).

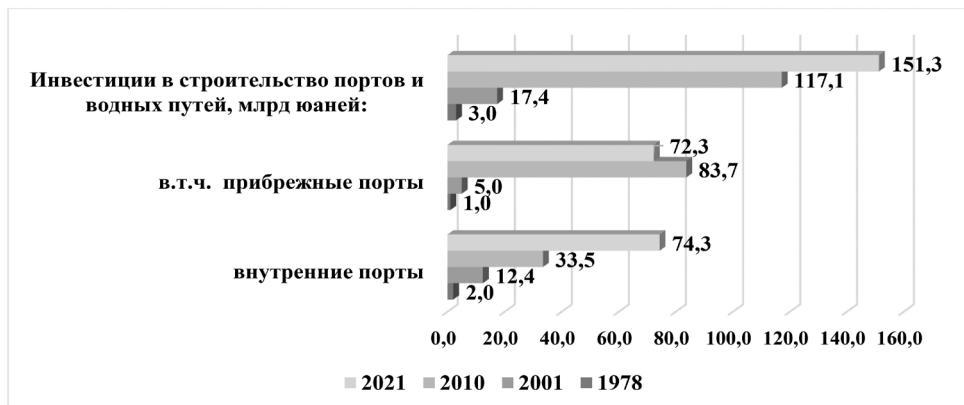

Рисунок 4. Объем инвестиций в строительство портов и водных путей в КНР, 1978–2021 гг. (млрд юаней)

Figure 4. Investment in the construction of ports and waterways in China, 1978–2021 (billion yuan)

Источник: составлено автором на основе: Национальное бюро статистики Китая = 国家统计局. – 6/г. – Кит. яз. – URL: <https://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Минтранс КНР = 国交通运输部. – 6/г. – Кит. яз. – URL: <https://www.mot.gov.cn> (дата обращения: 11.02.2025); Центральное Народное Правительство Китая = 国中央人民政府. – 6/г. – Кит. яз. – URL: <http://www.gov.cn/xinwen> (дата обращения: 11.02.2025).

Инвестиции в развитие портовой инфраструктуры и строительство водных путей Китая с 1978 г. увеличились более чем в 50 раз, среднегодовой прирост за 1978–2021 гг. составил 115%. Вместе с тем по мере достижения целей портового строительства наблюдается замедление среднегодовых темпов роста в этой сфере. Структура портовых инвестиций трансформируется: если после присоединения КНР к Всемирной торговой организации (ВТО) в 2001 г. приоритетными объектами инвестиций являлись прибрежные порты, то сейчас инвестиционные показатели для внутренних и прибрежных портов практически сравнялись при небольшом преимуществе последних (рисунок 4). В 2023 г. объем инвестиций в основной капитал водного транспорта составил более 200 млрд юаней, что превышает более чем на 20% показатель за аналогичный период предыдущего года.

Спектр инвестиционных моделей в портовую отрасль КНР расширяется и диверсифицируется. На фоне сокращения государственного финансирования на смену ему приходят различные инвестиционные модели – в зависимости от источников инвестиций, инвестиционной отрасли и регионального распределения они охватывают как государственные, так и частные инициативы. Для стимулирования инвестиционного процесса создаются открытые инвестиционные платформы: пилотные зоны свободной торговли, зоны национального и технического развития, зоны приграничного (трансграничного) экономического сотрудничества и т. д.

Для развития и нового строительства в портах КНР используются два способа привлечения инвестиционных компаний: путем выпуска акций облигаций портов и прямые инвестиции иностранных, частных, коллек-

Таблица 2. Инвестиционные модели в портовой отрасли Китая**Table 2.** Investment models in the port industry of China

По источникам инвестиций	Государственные инвестиции	Бюджетное финансирование: местные и центральные органы власти выделяют средства на строительство и модернизацию портовой инфраструктуры. Государственные компании: крупные государственные корпорации, такие как <i>China COSCO Shipping Corporation</i> , активно инвестируют в развитие портов и логистических центров
	Частные инвестиции	Частные компании: частные инвесторы и компании участвуют в проектах по созданию и эксплуатации портов, особенно в рамках концессионных соглашений. Венчурный капитал: инвестирование в инновационные технологии для портового управления и автоматизации
	Смешанные источники	Публично-частные партнерства (PPP): совместные проекты между государственными органами и частными компаниями для строительства и эксплуатации портов. Международные инвестиции: привлечение зарубежных инвесторов для финансирования крупных портовых проектов
По типу инвестиций	Краткосрочные инвестиции	Спекулятивные проекты: инвестиции в быстроокупаемые проекты, такие как краткосрочная аренда терминалов или контейнеров
	Долгосрочные инвестиции	Стратегическое развитие портов: вложение капитала на длительный срок в крупные инфраструктурные проекты с целью увеличения грузопотока и улучшения услуг

Источник: составлено автором по [International port investment..., 2019, p. 430–454].

тивных и индивидуальных средств⁷. Ниже приведены основные аспекты и схемы, которые активно используются в этой области (таблица 2).

Особенности современной портовой структуры Китая

Система морских портов КНР является уникальной структурой не только по своей организационной модели, но и по масштабу, а также по уровню экономического развития. Кроме того, эта система характеризуется специфическими особенностями, которые определяются уникальными чертами государственного устройства и общественной структуры Китая, представляющего собой пример социалистической системы с национальной спецификой. В связи с этим портовый сектор функционирует под жестким государственным

регулированием, включающим стратегическое планирование, государственную политику и нормативно-правовую базу, и это является контролирующим и стимулирующим фактором для эволюции портов [Guo, Zeng, 2024]. Экономические условия внутренних регионов играют важную роль в развитии и эксплуатации портов.

Централизованная административная система управления портами планомерно трансформируется в более децентрализованные модели с акцентом на усиление конкурентного взаимодействия между отдельными портовыми кластерами. Серьезным вызовом в работе региональных портов является внутришлюзовая конкуренция, важным механизмом снижения которой выступает интеграция портовых комплексов на уровне провинциальных административных единиц [Cheng,

7 Отчет об иностранных инвестициях в Китай за 2019 г. = 中国外商投资报告 2019. – Пекин: Минторг КНР = 北京: 国商务部, 2020. – 255 с. – Кит. яз.

Liang, Yang, 2022; Lin, Kaplan, 2023; Port competition..., 2024, p. 54–67].

Модернизация портовой инфраструктуры в ряде китайских портов демонстрирует тенденцию к возведению крупных и глубоководных причальных сооружений, произошел переход от количественного наращивания к качественному развитию. Строительство специализированных терминальных комплексов и глубоководных каналов практически завершено, что позволило достичь стабильно высокого уровня пропускной способности терминалов.

Грузооборот китайских портов перешел от стадии быстрого роста к фазе умеренного или замедленного развития. Эффективность работы прибрежных портов в целом находится на высоком уровне, однако она всё еще ограничена методами управления, технологическим уровнем и другими факторами [Лу Бо, 2023; Chen, Wang, Xiao, 2024]. Конкурентоспособность китайских портов продолжает оставаться относительно устойчивой. Но при этом текущее состояние портовой инфраструктуры КНР характеризуется высоким уровнем капитальныхложений, наличием избыточных производственных мощностей и снижающейся рентабельностью портового капитала. С целью преодоления данных негативных факторов внедряются стратегии оптимизации расходов посредством масштабирования операций, включая реструктуризацию, модернизацию и консолидацию портовых терминалов. Эти процессы сопровождаются структурными изменениями в водном транспорте и технологическом оснащении отрасли, а также увеличением размера и специализации судов. В структуре контейнерных потоков доминируют международные торговые маршруты, хотя в последнее время внутренние маршруты также демонстрируют заметный рост. Основные транспортные

коридоры проходят через восемь крупнейших контейнерных магистралей, играющих ключевую роль в сетевой инфраструктуре.

Тренды в развитии китайской портовой инфраструктуры

В последние годы наблюдаются существенные трансформации в портовых реформах: если ранее они были сосредоточены преимущественно на интеграции ресурсов и корпоративных слияниях и поглощениях, то текущая фаза изменений характеризуется фокусировкой на бизнес-инновациях. Ведущими векторами развития являются концепции «интеллектуальных» (*smart*) и экологически устойчивых портов. На основе анализа значительного массива аналитической информации и экспертных оценок можно выделить не менее 6 основных текущих трендов эволюции китайской портовой инфраструктуры (таблица 3).

Основные направления развития портовой отрасли в Китае включают автоматизацию, цифровизацию, интеграцию с транспортными системами, устойчивое развитие и гибкое управление. Эти тенденции способствуют повышению эффективности портовых операций и морских перевозок, усиливая конкурентоспособность китайских портов на международной арене. В условиях глобализации и изменения экономической среды эти процессы продолжают развиваться, формируя будущее портового сектора как в Китае, так и во всем мире.

Развитие глубоководных портовых комплексов и расширение их функциональности играют важную роль в экономическом росте Китая и укреплении его международного положения. Введение искусственного интеллекта (ИИ) и информационных технологий (ИТ), вызванное увеличением объемов грузо-

Таблица 3. Тенденции развития портовой инфраструктуры Китая**Table 3.** Trends in the development of China's port infrastructure

Тенденции	Предпосылки	Эффект
Укрупнение портов и строительство глубоководных портовых комплексов	Экономический рост и увеличение объемов торговли. Глобализация и интеграция в мировую экономику. Технологический прогресс в области судостроения и навигации	Увеличение пропускной способности за счет обработки крупнотонажных судов, сокращение времени ожидания в порту. Оптимизация логистических цепочек, снижение затрат на перевозку и времени доставки грузов. Развитие внешнеэкономической деятельности
Модернизация портов и повышение качества услуг	Рост объемов грузоперевозок. Глобализация экономики. Экологические требования. Технологический прогресс. Государственная политика	Повышение пропускной способности, конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности, занятости населения, экономической отдачи для региона. Снижение временных и финансовых затрат, углеродного следа
Диверсификация функциональных возможностей порта	Необходимость адаптации к изменяющимся условиям глобальной торговли и логистики	Внедрение высокоэффективных сервисов: транзитной дистрибуции, логистической обработки грузов, информационно-коммуникационной поддержки, логистических хабов, мультимодальных перевозок, финансовых и юридических консультаций, страхового сопровождения и др.
Диверсификация портовых инвестиций	Конкуренция на глобальном рынке, изменения в мировой торговле и необходимость устойчивого развития, рост внутреннего спроса и технологические инновации	Расширение спектра инвестиционных моделей для привлечения инвесторов, увеличения капитальных вложений, повышения качества услуг и адаптации портов к новым требованиям
Цифровизация портовой инфраструктуры, логистики	Увеличение объемов грузоперевозок. Ужесточение конкуренции с портами других стран. Потребность в оптимизации логистических процессов	Автоматизация процессов для обеспечения скорости стивидорных операций, снижение затрат, повышение качества обслуживания. Повышение энергоэффективности, снижение углеродного следа. Оптимизация логистики. Координация мультимодальных перевозок
Усиление экологических регуляций и повышение требований к портам	Экологические риски. Развитие законодательства и международных стандартов. Увеличение общественного внимания к экологии. Экономические последствия экологических нарушений	Повышенные требования к контролю портовых и судовых выбросов. Внедрение оборудования для быстрого обнаружения загрязнений в акваториях портов и т.д. Стимулирование разработки инновационных решений для снижения воздействия на окружающую среду. Снижение рисков экологических катастроф

Источник: составлено автором на основе [Lu Bo, 2023; Chen, Choi, Seo, 2025; Chen, Wang, Xiao, 2024; Cheng, Liang, Yang, 2022; Guo, Zeng, 2024; Liao, Lu, Yu, 2024; Lin, Kaplan, 2023; Port competition..., 2024, p. 54–67; The impact..., 2023] ^{8,9}.

перевозок и усилением конкурентной борьбы, оптимизирует логистику, повышает операционную эффективность и сокращает затраты. Расширение инвестиционных моделей в портовой сфере,

обусловленное глобализацией торговли, ростом внутреннего спроса и технологическими нововведениями, создает предпосылки для привлечения иностранного капитала и модернизации инфраструк-

8 План внедрения Зоны контроля за выбросами загрязняющих веществ в атмосферу с судов [2018] № 168 = 船舶大气污染物排放控制区实施方案 [2018] 168号 // ГУ Минтранс КНР = 交通运输部办公厅. – 2018. – 12 июня. – Кит. яз. – URL: <https://www.msa.gov.cn/public/documents/document/mte/1/odi0/~edisp/20190124115824222.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).

9 Комплексный план действий по улучшению качества воздуха (2021–2025 гг.) = 空气质量全面改善行动计划 (2021-2025年) // Центр обслуживания предприятий с иностранными инвестициями в Чжэнчжоу = 郑州外资企业服务中心. – 2021. – 6 августа. – Кит. яз. – URL: <https://www.waizi.org.cn/law/112895.html> (дата обращения: 20.01.2025).

туры. Ужесточение экологического контроля, связанное с увеличением объема грузоперевозок, изменением климата и общественным давлением, несмотря на временное увеличение операционных затрат, способствует устойчивому развитию, внедрению инновационных решений и снижению экологических рисков.

В итоге текущие тенденции в портовой логистике Китая закладывают фундамент для ее дальнейшего роста, обеспечивая адаптацию к глобальным вызовам и требованиям.

Искусственный интеллект и информационные технологии в портовой и логистической отраслях КНР

С учетом растущих объемов грузоперевозок и необходимости повышения эффективности операций внедрение искусственного интеллекта

и информационных технологий становится критически важным. Цифровизация в портовой отрасли имеет положительное влияние на судоходство в целом [Ghoul, Oulmakki, Verny, 2024]. В настоящее время строительство портовых терминалов в Китае в основном опирается на расширение и автоматизацию терминалов (таблица 4)¹⁰.

Во многих прибрежных портах КНР внедряются передовые разработки для оптимизации полного цикла портовых операций: электронное оформление доставки контейнерного оборудования, безбумажная документация по эксплуатации порта (Шанхай), беспроводные приложения для информатизации (операции с колесными козловыми кранами, транзитная передача видео в мобильной сети 5G) (порт Нинбо Чжоушань), беспилотные грузовики на базе приложений 5G, беспилотные летательные аппараты для контроля

Таблица 4. Классификация деловой активности интеллектуальных портов
Table 4. Classification of business activities of smart ports

«Умный» порт	
Интеллектуальный порт:	Интеллектуальная логистика:
☐ интеграция информации о портах ☐ онлайн-процесс одобрения ☐ координация государственного надзора ☐ удобство обслуживания в ЗСТ	☐ интеграция мультимодальных перевозок ☐ информатизация транспорта и складирования ☐ визуализация и отслеживание логистики ☐ удобство взаимодействия с пользователем
Интеллектуальная (И) портовая зона:	Интеллектуальный бизнес:
☐ И-ворота портовой зоны ☐ И-управление транспортными средствами ☐ И-операции учета ☐ автоматизация погрузки-отгрузки	☐ торговая платформа порта ☐ высококачественное обслуживание клиентов ☐ комплексная электронная оплата ☐ комплексная обработка бизнес-данных
Интеллектуальное управление:	Интеллектуальные инновации:
☐ единое управление клиентами ☐ интеллектуальный судовой цикл ☐ автоматизация служебной аттестации ☐ комплексная безопасность	☐ стандартизация подписи данных ☐ сервисы открытых данных ☐ платформа финансовых транзакций ☐ новые бизнес-процессы

Источник: Панорама индустрии умных портов Китая в 2022 г. = 2022年中国智慧港口产业全景图谱 // Научно-исследовательский институт форсайт-индустрии = 前瞻产业研究院. – 2022. – 21 сентября. – Кит. яз. – URL: <https://news.qq.com/rain/a/20220921 A06KY400> (дата обращения: 22.01.2025).

Условные обозначения: ЗСТ – зона свободной торговли.

10 Отчет о развитии портов в Азиатско-Тихоокеанском регионе за 2021 г. = 2021 亚太港口发展报告 // Шанхай: Международный центр исследований судоходства = 上海国际航运研究中心, 2022. – 116 с. – Кит. яз.

Рисунок 5. Промышленная цепочка интеллектуального порта

Figure 5. Industrial chain of intelligent port

Источник: составлено автором на основе: Индустрия портовых контейнерных перевозок на 2022–2023 гг. = 2022-2023 港口集装箱卡车运输行业 // Исследование Rogo = 罗戈研究. – 2023. – 78 с. – Кит. яз.

Условные обозначения: СУ – система управления; ИС – интеллектуальная система, ИСУ – интеллектуальная система управления; ПРО – погрузочно-разгрузочное оборудование; ПЗ – производственная зона; ИИ – искусственный интеллект; ARMG, ARTC – козловые краны на рельсовом ходу; AGV, IGV – беспилотные транспортные средства; MEC (Multi-Access Edge Computing) – многопользовательский периферийный вычислительный процесс; VCN (Virtual Cloud Network) – виртуальная облачная сеть – это система, которая использует беспроводную технологию и программное обеспечение для подключения и управления устройствами, виртуальными машинами, серверами и центрами обработки данных.

в реальном времени с использованием систем интеллектуальной безопасности (Шэнъчжэнь), системы информационных услуг («единое окно» и «единая сеть»), использование больших баз данных, блокчейн и другие информационные технологии для содействия реинжинирингу бизнес-процессов порта;

экосистемы портовой логистики¹¹. Эти системы позволяют значительно сократить время обработки грузов, минимизируя человеческий фактор и ошибки, связанные с ним (рисунок 5).

При этом инвестиции в технологии искусственного интеллекта требуют от портовых операторов высокой сте-

11 Платформа промышленной автоматизации для портов и терминалов – беспроводная связь промышленного класса, обеспечивает интеллектуальность портового оборудования – 港口码头工业自动化平台 – 工业级无线使能港口机械智能化 // Альянс индустрии промышленного интернета = 工业互联网产业联盟. – 2018. – 12 марта. – Кит. яз. – URL: <http://www.aii-alliance.org/index/c147/n1827.html> (дата обращения: 19.01.2025).

пени стратегического подхода. В связи с этим строительство интеллектуальных терминалов в КНР на сегодняшний день осуществляется небольшим числом ведущих портов.

С учетом стремительного роста объемов грузоперевозок и глобализации торговли порты Китая внедряют новые логистические подходы для повышения эффективности и устойчивости. Новая логистика в портах Китая включает в себя интеграцию технологий, оптимизацию процессов и улучшение

взаимодействия между участниками цепочки поставок (таблица 5).

Логистическая система китайских портов базируется на интеграции цифровых технологий, автоматизации процессов и принципов устойчивого развития. Основная цель заключается в оптимизации управления грузовыми потоками, сокращении сроков обработки грузов, снижении затрат и минимизации негативного воздействия на окружающую среду. Применение передовых технологических решений

Таблица 5. Ключевые направления развития портовой логистики КНР для повышения эффективности и конкурентоспособности отрасли

Table 5. Key directions of development of port logistics in China to improve the efficiency and competitiveness of the industry

Ключевые направления	Содержание	Эффект от применения
Автоматизация портовых операций	АСУ грузопотоками; автоматизированные краны; беспилотные транспортные средства и системы управления стивидорными операциями	Повышение скорости обработки грузов
Прогноз и анализ данных	Прогноз объемов грузоперевозок; оптимизация маршрутов; планирование ресурсов; анализ исторических данных о движении судов и грузах	Оптимальный менеджмент
«Умные» контейнеры	Встроенные сенсоры для контроля условий хранения (температура, влажность), определения местоположения в реальном времени	Улучшение управления цепочками поставок; снижение рисков повреждения/потери грузов
ИСУ Port Management System	Распределение ресурсов; планирование загрузки, разгрузки и других стивидорных операций; управление очередями	Оптимизация всех аспектов работы внутри порта
Блокчейн	Обеспечение прозрачности и безопасности транзакций в морской логистике; отслеживание грузов на всех этапах	Уменьшение ошибок и ускорение процесса документооборота
Дистанционное управление судами	Программы исследования использования дистанционного управления судами; разработки для эксплуатации автономных судов	Снижение затрат на экипаж; повышение безопасности навигации
Оптимизация цепочек поставок	Использование ИИ для анализа данных о спросе и предложении для планирования действий	Снижение издержек; повышение уровня обслуживания клиентов
Устойчивые технологии – системы ИИ	Логистическая модель «параллельный порт» (并行港) и программа «Морской экспресс» (海上快线) – координация магистральных контейнерных перевозок	Оптимизация маршрутов судов; сокращение потребления топлива; сокращение выбросов углерода

Источник: составлено автором на основе: Отчет об исследовании портовой отрасли Китая за 2024 год = 2024年中国港口行业研究报告 // Инвестиционный банк Цяньцзи = 千际投行. – 2024. – 8 апреля. – Кит. яз. – URL: <https://www.21jingji.com/article/20240408/herald/f718282c333e52eba375ed2787c1656f.html> (дата обращения: 28.01.2025).

Условные обозначения: АСУ – автоматизированная система управления; ИСУ – интеллектуальная система управления; ИИ – искусственный интеллект.

и инновационных методов способствует поддержанию конкурентоспособности китайских портов на международной арене, эффективному управлению увеличивающимися объемами грузо-перевозок, а также транспортной связности китайских регионов и активному использованию мультимодальных перевозок [Исследование..., 2021].

Заключение

Экономическая реформа и политика открытости, инициированные КНР, оказали значительное влияние на трансформацию структуры портового хозяйства. Строительство и развитие портов стали ключевыми элементами повышения конкурентоспособности городских агломераций и региональных экономических кластеров. В результате широкомасштабных изменений были устраниены нелегитимные и морально устаревшие портовые сооружения, что позволило интегрировать портовую инфраструктуру в национальную транспортную сеть посредством создания разветвленной системы мультимодальных логистических коридоров. Кроме того, были проведены реструктуризация портовых групп, внедрение новых систем управления и финансирования.

Эти меры привели к существенному прогрессу в области портовой логистики, однако возникли новые вызовы, такие как избыточные мощности, дублирование функций отдельных терминалов и ограниченные возможности по интеграции портов в общую транспортную систему. На данном этапе руководство КНР и региональные органы власти активно работают над совершенствованием механизмов функционирования портового комплекса страны. Портовая экономика превратилась в важный элемент индустриальной системы КНР, обеспечивая ей конкурент-

ные преимущества и стимулируя рост внешней торговли. Гипотеза о решающей значимости внедрения стратегии экономической открытости Китайской Народной Республики для увеличения объемов внешнеторговых операций получила эмпирическое подтверждение. Данный фактор способствовал росту потребности в международных транспортных услугах и инициировал процессы модернизации портовой инфраструктуры. Китайское доминирование в портовом секторе остается вне досягаемости как для региональных, так и для международных игроков.

Список литературы

Козьменко С.Ю. Экономика и геополитика «морского шелкового пути» // Морской сборник. – 2021. – № 11 (2096). – С. 55–59.

Корчагина Е.В., Топина Е.В., Ядкин В.К. Морские порты Китая как ключевой элемент инфраструктуры внешней торговли // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: форсайт Россия. – Санкт-Петербург : Политех-пресс, 2020. – С. 95–99. – DOI: 10.18720/IEP/2020.1/9.

Кочетова К.В., Попова Ю.И., Левченко Т.А. Состояние портовой инфраструктуры Китая и ее вклад в развитие мировой транспортной инфраструктуры // Актуальные вопросы современной экономики. – 2019. – № 4. – С. 436–441.

Лозинский А.Н., Сазонов С.Л. Мировое лидерство китайского морского транспорта // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сборник Восточного центра. – Чита : ЗабГУ, 2022. – С. 121–125.

Маликова Ю.А. Реконфигурация транспортно-логистических маршрутов Китая и России // Естественно-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2 (52). – С. 185–190.

Семёнова Н.К. Морские порты Китая: современное состояние и перспективы развития. – Москва : ИВ РАН, 2023. – 472 с.

Хорбадзе Э.Л. Ключевые элементы китайской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13, № 4 (92). – С. 1830–1840. – DOI: 10.35775/PSI.2023.92.4.043.

Chen J.R., Choi J.W., Seo Y.J. Environmental efficiency assessment of coastal ports in China: Implications for sustainable port management // Marine Pollution Bulletin. – 2025. – Vol. 211. – Article 117436. – DOI: 10.1016/j.marpolbul.2024.117436.

Chen Y., Wang T., Xiao L. The efficiency analysis of main coastal ports in China // Shipping and Transport Logistics. – 2024. – Vol. 18, N 3. – P. 324–340. – DOI: 10.1504/IJSTL.2024.139064.

Cheng J., Liang F., Yang Z. The impacts of port governance reform on port competition in China // Transportation Research. Part E. Logistics and Transportation Review. – 2022. – Vol. 160, N 3. – Article 102660. – DOI: 10.1016/j.tre.2022.102660.

Ghoul D., Oulmakki O., Verny J. The impact of digitalization on the development of shipping: Empirical analysis based on external drivers // Shipping and Transport Logistics. – 2024. – Vol. 19, N 1. – DOI: 10.1504/IJSTL.2024.10067466.

Guo Y., Zeng Y. The impact of government support on port industry competitiveness: A qualitative exploration// Infrastructure Policy and Development. – 2024. – Vol. 8, N 5. – P. 1–27. – DOI: 10.24294/jipd.v8i5.5552.

International port investment of Chinese port-related companies / Chen S.L., Huo W.W., Li K.X., Zhang W. // Shipping and Transport Logistics. – 2019. – Vol. 11, N 5. – P. 430–454. – DOI: 10.1504/IJSTL.2019.102145.

Liao C.H., Lu C.S., Yu Y.H. Service quality, relationship quality, e-service quality, and customer loyalty in the container

shipping service context: a moderated mediation model // Shipping and Transport Logistics. – 2024. – Vol. 18, N 1. – P. 1–29. – DOI: 10.1504/IJSTL.2024.137584.

Lin K.C., Kaplan A. Geo-economics of the Chinese Shipping Industry: Building Maritime Commercial Power from Bust to Boom, 2008–2021 // Great Power Competition and Middle Power Strategies. The Political Economy of the Asia Pacific. – Berkeley : Springer, Cham, 2023. – P. 119–140. – DOI: 10.1007/978-3-031-38024-2_6.

Port competition, connectivity and accessibility changes under the disturbance: the case of the Chinese port system / Feng H., Grifoll M., Huang D., Lin Q., Zheng P. // Shipping and Transport Logistics. – 2024. – Vol. 18, N 1. – P. 54–67. – DOI: 10.1504/IJSTL.2024.10064764.

The impact of provincial port integration on port efficiency: Empirical evidence from China's Coastal Provinces / Zhou Y., Li Z., Duan W., Deng Z. // Transport Geography. – 2023. – Vol. 108, N 3. – Article 103574. – DOI: 10.1016/j.jtransgeo.2023.103574.

Исследование политики развития современной логистики и повышения эффективности перевозок = 杨晓红. 发展现代物流提高运输效率政策研究 / Ян Сяохун [и др.] // Манила: Азиатский банк развития = 马尼拉: 亚洲开发银行. – 2021. – 58 с. – Кит. яз.

Лу Бо. Оценка и управление скординированным развитием региональных портовых кластеров и окружающей среды = 鲁渤. 区域港口群与环境协调发展的评价与治理. – Пекин : Economic Science Press = 北京: 经济科学出版社, 2023. – 287 с. – Кит. яз.

Чжоу Юэ. Углубленный анализ портовой отрасли и облигаций = 周岳. 港口行业与债券深度梳理 // Ценные бумаги IFC = 国金证券. – 2020. – 21 апреля. – Кит. яз. – URL: <https://finance.sina.cn/bond/zsyw/2021-02-04/detailikftssap2786398.d.html?from=wap> (дата обращения: 28.01.2025).

The Chinese Global Project for Eurasia

DOI: 10.31249 /kgt/2025.03.03

Dynamics of Economic Indicators and Trends of Further Development of China's Seaports

Nelli K. SEMENOVA

PhD (Political Science), Leading Researcher

Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Avenue, 32, Moscow, Russian Federation, 117997

E-mail: semenovanelli-2011@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7872-8972

CITATION: Semenova N.K. (2025). Dynamics of Economic Indicators and Trends of Further Development of China's Seaports. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 44–62 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.03

Received: 16.02.2025.

Revised: 15.03.2025.

ABSTRACT. Chinese sea ports serve as central elements of the transport infrastructure, ensuring the integration of different types of transportation and acting as international trade hubs at both national and regional levels. The evolutionary path of development in China's port sector is closely linked to dynamic changes in the country's economic indicators and the structural transformations of its national economy. The implementation of the economic openness strategy has given impetus to the growth of import-export operations and contributed to the intensification of modernization processes in port infrastructure. Currently, the main drivers of the development of Chinese ports are digitalization of the Chinese economy; the restructuring, increasing complexity, and transformation of production-logistics chains involving China; and new requirements for international competitiveness.

The research methodology is based on monitoring results from primarily Chinese sources, followed by a comparative approach, and descriptive and statistical analysis. The study analyzes the dynamics of key indicators in the port industry and related sectors in China since the beginning of the reform and opening-up policy; explores changes in state investment policies toward the port complex and its management; examines the current structure of China's port industry, which forms an agglomeration effect through optimizing the placement of production capacity and adapting industrial structures to meet the needs of the leading sectors of the Chinese economy; and identifies key trends in the development of China's seaports.

KEYWORDS: China, seaports, transformation, dynamics, development, key trends.

References

- Chen J.R., Choi J.W., Seo Y.J. (2025). Environmental efficiency assessment of coastal ports in China: Implications for sustainable port management. *Marine Pollution Bulletin*. Vol. 211, article 117436. DOI: 10.1016/j.marpolbul.2024.117436.
- Chen Y., Wang T., Xiao L. (2024). The efficiency analysis of main coastal ports in China. *Shipping and Transport Logistics*. Vol. 18, no. 3, pp. 324–340. DOI: 10.1504/IJSTL.2024.139064.
- Cheng J., Liang F., Yang Z. (2022). The impacts of port governance reform on port competition in China. *Transportation Research. Part E. Logistics and Transportation Review*. Vol. 160, no. 3, article 102660. DOI: 10.1016/j.tre.2022.102660.
- Ghoul D., Oulmakki O., Verny J. (2024). The impact of digitalization on the development of shipping: Empirical analysis based on external drivers. *Shipping and Transport Logistics*. Vol. 1, no. 1. DOI: 10.1504/IJSTL.2024.10067466.
- Guo Y., Zeng Y. (2024). The impact of government support on port industry competitiveness: A qualitative exploration. *Infrastructure Policy and Development*. Vol. 8, no. 5, pp. 1–27. DOI: 10.24294/jipd.v8i5.5552.
- International port investment... (2019). Chen S.L., Huo W.W., Li K.X., Zhang W. International port investment of Chinese port-related companies. *Shipping and Transport Logistics*. Vol. 11, no. 5, pp. 430–454. DOI: 10.1504/IJSTL.2019.102145.
- Issledovaniye... (2021). Yang X. et al. *Research on Policies for Developing Modern Logistics and Improving Transportation Efficiency*. Manila: Asian Development Bank, 58 pp. (in Chinese).
- Khorbaladze E.L. (2023). Key elements of China's strategy in the Asia-Pacific region. *Political Science Issues*. Vol. 13, no. 4 (92), pp. 1830–1840 (in Russian). DOI: 10.35775/PSI.2023.92.4.043.
- Kochetova K.V., Popova Yu.I., Levchenko T.A. (2019). The state of China's port infrastructure and its contribution to the development of global transport infrastructure. *Actual Issues of Modern Economics*. No. 4, pp. 436–441 (in Russian).
- Korchagina E.V., Topina E.V., Yadykin V.K. (2020). China's seaports as a key element of foreign trade infrastructure. In: *Digital Economy and Industry 4.0: Foresight Russia*. St. Petersburg: Polytech-press, pp. 95–99 (in Russian). DOI: 10.18720/IEP/2020.1/9.
- Kozmenko S.Yu. (2021). Economy and geopolitics of the “maritime silk road”. *Marine Digest*. No. 11 (2096), pp. 55–59 (in Russian).
- Liao C.H., Lu C.S., Yu Y.H. (2024). Service quality, relationship quality, e-service quality, and customer loyalty in the container shipping service context: a moderated mediation model. *Shipping and Transport Logistics*. Vol. 18, no. 1, pp. 1–29. DOI: 10.1504/IJSTL.2024.137584.
- Lin K.C., Kaplan A. (2023). Geo-economics of the Chinese Shipping Industry: Building Maritime Commercial Power from Bust to Boom, 2008–2021. In: *Great Power Competition and Middle Power Strategies. The Political Economy of the Asia Pacific*. Berkeley: Springer, Cham, pp. 119–140. DOI: 10.1007/978-3-031-38024-2_6.
- Lozinsky A.N., Sazonov S.L. (2022). World leadership of Chinese maritime transport. In: *Russia and China: Problems of Strategic Interaction: Collection of the Eastern Center*. Chita: ZabGU, pp. 121–125 (in Russian).
- Lu Bo (2023). *Evaluation and Governance of Coordinated Development of Regional Port Clusters and the Environment*. Beijing: Economic Science Press, 287 pp. (in Chinese).
- Malikova Yu.A. (2024). Reconfiguration of transport and logistics routes of China and Russia. *Natural Sciences and Humanities*. No. 2 (52), pp. 185–190 (in Russian).

Port competition... (2024). Feng H., Grifoll M., Huang D., Lin Q., Zheng P. Port competition, connectivity and accessibility changes under the disturbance: the case of the Chinese port system. *Shipping and Transport Logistics*, vol. 18, no. 1, pp. 54–67. DOI: 10.1504/IJSTL.2024.10064764.

Semenova N.K. (2023). *Seaports of China: Current Status and Development Prospects*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 472 pp. (in Russian).

The impact... (2023). Zhou Y., Li Z., Duan W., Deng Z. The impact of provincial port integration on port efficiency: Empirical evidence from China's Coastal Provinces. *Transport Geography*. Vol. 108, no. 3, article 103574. DOI: 10.1016/j.jtransgeo.2023.103574.

Zhou Yue (2020). In-depth combing of the port industry and bonds. *Sinolink Securities*. 21 April (in Chinese). Available at: <https://finance.sina.cn/bond/zsyw/2021-02-04/detail-ikftssap2786398.d.html?from=wap>, accessed 28.01.2025.

Российский опыт

УДК 339.9(571.6)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Воздействие антироссийских санкций на динамику иностранных инвестиций в Дальневосточном федеральном округе

Антон Александрович КИРЕЕВ

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, д. 8, г. Владивосток, Российская Федерация, 690950
E-mail: antalkir@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0274-4030

ЦИТИРОВАНИЕ: Киреев А.А. Воздействие антироссийских санкций на динамику иностранных инвестиций в Дальневосточном федеральном округе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 63–83. DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Статья поступила в редакцию 26.03.2025.
Исправленный текст представлен 09.06.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке гранта Российской научного фонда № 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

АННОТАЦИЯ. Цель исследования состоит в выявлении и оценке влияния политики западных санкций на долгосрочную динамику объемов и структуры прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступавших в Дальневосточный федеральный округ (ДФО) с начала 2010-х годов. В первой части статьи рассмотрены этапы становления санкционной политики, формирования ее субъектов, целей и объектов, методов и механизмов. Вторая часть статьи посвящена синхронному сравнительному анализу этапов санкционной политики и изменений в объемах притока и накопления ПИИ в ДФО, их географической структуре и отраслевом распределении. В итоговом разделе выделяются ключевые изменения в динамике

трансграничных инвестиционных связей ДФО, выдвигаются предположения о факторах этих изменений и той роли, которая в их ряду принадлежит политике санкций. Делается вывод о том, что урон, нанесенный притоку и накоплению ПИИ в ДФО санкциями, был относительно меньшим, чем на общероссийском уровне. Во многом это стало результатом работы созданной во второй половине 2010-х годов системы дальневосточных институтов развития. Вместе с тем преференциальная политика не смогла предотвратить концентрации ПИИ в добывающем секторе макрорегиона и быстро усиливающейся в условиях санкций зависимости его экономики от движения китайского капитала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политика санкций, ПИИ, инвестиционная политика, институты развития, структура инвестиций, ДФО.

Как отдаленный от центра страны макрорегион позднего освоения российский Дальний Восток (РДВ) традиционно формировал повышенный спрос на иностранный капитал. Даже в советский период государство было вынуждено создавать (посредством концессионных соглашений) стимулы для его привлечения на дальневосточную окраину. В новейшее время необходимость иностранных инвестиций для Дальневосточного федерального округа стала особенно очевидной после 2011 г., когда на фоне сужающихся возможностей бюджетных вложений в макрорегион правительству пришлось приступить к выстраиванию в нем системы институтов развития. Одной из главных задач этой системы являлось преодоление всё более острого дефицита капитала за счет усиления притока в ДФО прямых инвестиций из-за рубежа. Однако почти одновременно с переходом нового курса экономической политики правительства на Дальнем Востоке в фазу реализации международные условия развития макрорегиона начали меняться. С середины 2010-х годов вместе со всей Россией ДФО становится объектом многостороннего и нарастающего санкционного давления.

Проблематика воздействия антироссийских санкций на динамику прямых иностранных инвестиций многогранна и может рассматриваться в разных аспектах и пространственно-временных масштабах. Цель данной статьи состоит в выявлении и оценке влияния

политики западных санкций на долгосрочную динамику объемов, географической и отраслевой структуры ПИИ, поступающих в ДФО¹. Для обнаружения основных, наиболее устойчивых, тенденций названных параметров ПИИ в ДФО в рамках исследования будет включен временной интервал с начала 2010-х по начало 2020-х годов.

Методологической базой настоящего исследования является сравнительный анализ в двух его вариантах: диахронном и синхронном. Метод диахронного сравнения необходим для определения внутренней временной структуры процессов формирования санкционной политики и динамики ПИИ в ДФО, их исторической периодизации, фиксации наиболее существенных изменений в значениях их ключевых переменных. Метод синхронного сравнения предназначен для установления сходств и различий в одновременных состояниях (этапах) санкционной политики и динамики ПИИ, для выявления степени согласованности их изменений и выдвижения предположений о существовании между ними причинных связей. Кроме того, синхронное сравнение динамик ПИИ разных пространственных уровней (глобального, странового и макрорегионального) позволит выделить особенности трансграничного движения капитала в ДФО и тем самым уточнить место политики санкций в ряду других его факторов.

Эмпирической основой исследования стала прежде всего официальная статистика ПИИ, предоставляемая Центральным банком Российской Федерации (ЦБ РФ). Вместе с тем ввиду неполноты данных ЦБ РФ² и их недоступности для ряда периодов (в особенности для 2022–2024 гг.) автором привлекалась

1 В границах 2018 г. В данной статье термины «Дальневосточный федеральный округ» и «российский Дальний Восток» используются как равнозначные.

2 Статистическое наблюдение ЦБ РФ охватывает не более трех сотен крупных компаний ДФО. См. [Кузнецова, 2018, с. 118].

статистическая информация других государственных организаций (Росстата, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), Минвостокразвития России, АО «КРДВ»), а также материалы средств массовой информации (СМИ) и экспертные оценки. Помимо этого, в работе использована статистика стран-контрагентов ДФО (Китая, Республики Корея (РК), Японии, стран Европейского союза) и международных организаций, в частности Всемирного банка.

В первой части статьи будут рассмотрены этапы становления антироссийской санкционной политики стран Запада, формирования ее субъектов, целей и объектов, методов и институциональных механизмов. Вторая часть статьи будет посвящена поэтапному анализу произошедших с начала 2010-х годов изменений в объемах притока и накопления ПИИ в ДФО, в их географической (страновой) структуре и отраслевом распределении. В заключительном разделе исследования автор выделит ключевые изменения в долгосрочной динамике трансграничных инвестиционных связей ДФО, а также сформулирует предположения о составе основных факторов этих изменений и той роли, которая в их ряду принадлежит политике санкций.

Становление политики санкций в отношении ПИИ в Россию

Санкционное воздействие на трансграничные инвестиции в ДФО – это слабо дифференцированная часть обширного комплекса экономических и внешнеэкономических мер множества международных субъектов, который условно объединяется под общим наименованием политики антироссийских санкций. Исходя из изменений в содержании этой политики (в том числе в целях, объектах, средствах, методах

и механизмах ее инвестиционного компонента), в ее становлении можно выделить пять основных этапов.

Новейшую историю антироссийских санкций обычно отсчитывают с 2012 г., в декабре которого в США был принят так называемый закон Магнитского. Он заложил правовые основания для введения блокирующих финансовых и визовых санкций против группы государственных служащих Российской Федерации, причастных к делу Магнитского [Тимофеев, 2022, с. 141–142]. Конечной целью санкций на этом этапе (декабрь 2012 – февраль 2014 г.) было воздействие на внутриполитическую ситуацию в России, в развитии которой Американская Сторона усматривала отход от принципов демократии и прав человека. Персональные санкционные меры, принятые властями США, не предполагали какого-либо эффекта для экономики России. Их назначение состояло, скорее, в том, чтобы направить российскому руководству предостерегающий сигнал о возможных дальнейших осложнениях в двусторонних отношениях.

Следующий этап в развитии западных санкций был открыт политическим кризисом на Украине и присоединением к России Крыма. На втором этапе (март 2014 – июль 2017 г.) цели санкционной политики изменились: ее внутриполитические задачи были отодвинуты на задний план стремлением сдержать внешнеполитическую активность России. Новая трактовка целей санкционной политики обновила состав ее субъектов и объектов. К США, как инициатору данной политики, весной – летом 2014 г. в качестве ее в разной степени самостоятельных участников присоединились ЕС и страны G7. Объектами их санкционных мер на этом этапе, наряду с органами власти Российской Федерации, стали предприятия оборонно-промышленного комплекса страны,

банки, а также ряд крупных добывающих компаний, являвшихся важными донорами федерального бюджета. Расширился и спектр средств воздействия: помимо новых персональных санкций, в него были включены финансовые, торговые и технологические ограничения в отношении юридических лиц [Киреев, 2025, с. 40]. Они, как правило, не затрагивали непосредственно ПИИ³, однако в совокупности ухудшали условия деятельности иностранных инвесторов в России. Кроме того, давление на инвестиционное сотрудничество должна была оказать развернувшаяся с 2014 г. в зарубежных СМИ информационная компания по дискредитации и бойкотированию России и российского бизнеса.

Уже на данном этапе санкционная политика коснулась и инвестиционных процессов на территории ДФО. Основную роль в этом сыграли так называемые секторальные санкции, введенные США и, в несколько меньшем объеме, ЕС в июле – сентябре 2014 г., в особенности меры против энергетического сектора России. Последние предусматривали как уменьшение (до 90 дней) сроков кредитов для крупнейших компаний сектора, таких как «Газпром», «Роснефть», «Новатэк», «Транснефть», «Лукойл», «Сургутнефтегаз», так и установление контроля над экспортом товаров, услуг и технологий, необходимых для разведки и добычи нефти и газа на глубоководных, арктических и шельфовых месторождениях. Эти меры осложнили реализацию совместных нефтегазовых проектов в Охотском море («Сахалин-1, -2, -3») и стали препятствием к заключению новых подобных инвестиционных соглашений

в ДФО [Преодолевая холод..., 2017, с. 110–111; Демаре, 2024, с. 37–41, 99]. Позднее, в 2015–2017 гг., ряд дальневосточных предприятий, принадлежавших названным нефтегазовым компаниям, были включены в список SDN⁴, что лишило их возможности привлечения американских, а фактически любых западных ПИИ.

Начало третьего этапа в эволюции санкционной политики (август 2017 – январь 2022 г.) было связано с принятием Конгрессом США закона CAATSA⁵. Данный закон систематизировал и формализовал режим санкций финансового, торгового, технологического и миграционного типа, введенных ранее против России, Ирана и КНДР. Кроме того, он впервые придал политике санкций статус долгосрочной стратегии. Если ранее санкционные меры являлись гибкими инструментами оперативного воздействия, находившимися в руках исполнительной власти США, то отныне изменения в них могли осуществляться только по согласованию с Конгрессом. Резко расширялся и пространственный масштаб санкционной политики. Оформление механизма наказания зарубежных нарушителей американского санкционного режима («вторичные» санкции) превращало этот режим в экстерриториальный, по сути, глобальный.

Принятие CAATSA и серии последующих правовых актов США и их союзников не меняло целей и субъектов санкционной политики. Оно было направлено на повышение эффективности реализации этой политики, на упорядочение ее средств, на выстраивание институционально-правовых механиз-

3 Предметом финансовых ограничений был доступ к западным кредитам.

4 Specially Designated Nationals List // Office of Foreign Assets Control. – URL: <https://sanctionslist.ofac.treas.gov/Home/SdnList> (дата обращения: 11.02.2025).

5 Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // U.S. Government Publishing Office. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-115hr3364enr/html/BILLS-115hr3364enr.htm> (дата обращения: 19.06.2024).

мов, необходимых для ее дальнейшей эскалации. Вместе с тем пространственное расширение и ужесточение политики санкций уже на этом этапе выявило неоднородность интересов вовлеченных в нее западных элит. Введение новых санкций против России замедлялось острой партийной и идеологической борьбой вокруг них как в самих США, так и в их отношениях со странами ЕС [Тимофеев, 2022, с. 143–144; Демаре, 2024, с. 101–136].

Среди действий стран-санкционеров на этом этапе для экономики ДФО наибольшее значение имело дальнейшее усиление «секторальных» санкций. В соответствии с CAATSA максимальные сроки кредитования российских банков и нефтегазовых компаний в очередной раз были сокращены (до 14 и 60 дней соответственно). Помимо этого, экспортные ограничения были наложены на все новые проекты по глубоководной и шельфовой добыче нефти и газа, в которых доля подсанкционных компаний составляла от 33%⁶ и более [Преодолевая холод..., 2017, с. 111–112]. Опираясь на тот же закон, в 2018 г. власти США впервые применили механизм «вторичных» санкций к китайским партнерам России. Хотя это решение было нацелено на сферу военно-технического сотрудничества и затронуло только одно госучреждение КНР, оно свидетельствовало о том, что США внимательно следят за развитием российско-китайского экономического взаимодействия. В апреле 2021 г. указом президента США область применения блокирующих санкций в отношении третьих стран была расширена: основанием для них теперь

могли послужить, по сути, любые сделки с российскими компаниями, входящими не только в оборонно-промышленный комплекс, но и в ряд других секторов, включая горнодобывающий. С этого момента число юридических лиц, подвергнувшихся американским «вторичным» санкциям в Китае и других странах, стало устойчиво расти [Тимофеев, 2024].

Переход к четвертому этапу (февраль 2022 – январь 2023 г.) в развитии политики санкций был вызван переопределением ее целей в ответ на начало СВО на Украине. Приоритетной целью этой политики, сохранившей свой многоцелевой характер, становится создание социально-экономических условий, способных обеспечить военное поражение России. Изменение целей санкционной политики потребовало корректиров в составе ее субъектов и объектов. Собственных возможностей ядра коалиции санкционеров, сформированного еще в 2014 г., для полной изоляции России было недостаточно. В связи с этим США развернули активную деятельность по мобилизации в ряды коалиции менее крупных государств Запада, а также незападных стран. В результате к осени 2022 г. состав санкционной коалиции увеличился до 37 государств⁷. Одновременно был кардинально расширен спектр мишней санкционного воздействия, в число которых вошло большинство отраслей экономики и сфер внеэкономической жизни России. При этом, по оценке американских властей, наиболее полно санкциями на этом этапе были охвачены российские органы власти, ОПК и банки⁸.

6 Ранее эта доля составляла от 50%.

7 Treasury-Commerce-State Alert: Impact of Sanctions and Export Controls on Russia's Military-Industrial Complex // Office of Foreign Assets Control. – 2022. – October 14. – URL: <https://ofac.treasury.gov/media/928856/download?inline> (дата обращения: 19.06.2024).

8 FACT SHEET: Disrupting and Degrading – One Year of U.S. Sanctions on Russia and Its Enablers // U.S. Department of the Treasury. – 2023. – February 24. – URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1298> (дата обращения: 20.06.2024).

Что касается средств давления на Россию, то основные их типы применялись санкционерами еще до февраля 2022 г. Особенностью же данного этапа стала внутренняя дифференциация этих средств. Одним из проявлений такой дифференциации было выделение в группе финансовых санкций специальных мер по противодействию как портфельным, так и прямым инвестициям в Россию. Кроме того, мягкие методы реализации средств санкционного давления (такие как тарифные и лицензионные барьеры) активно вытеснялись в это время жесткими (прямыми запретами, блокированием активов). Так, целый ряд стран ввели в 2022 г. полные (США, Великобритания, Япония) или частичные, отраслевые (ЕС, Норвегия, Канада, РК) запреты на новые прямые инвестиции в российскую экономику⁹.

На РДВ главными мишениями санкционной политики на ее четвертом этапе были компании топливно-энергетического и горнодобывающего секторов. Сроки их кредитования сократились до 14 дней, ввоз иностранного оборудования и технологий, а также их сервисное обслуживание в основном были прекращены. Под полным запретом (со стороны США, ЕС, Японии и Великобритании) оказалось получение ими новых ПИИ [ТЭК России..., 2022; Дёмина, Мазитова, 2022, с. 73–76]. В сложившихся условиях крупные иностранные инвесторы должны были покинуть совместные проекты в этих секторах¹⁰. Показательным решением явилось и включение в марте 2022 г. одной из крупнейших компаний ма-

крорегиона – алмазодобывающей корпорации «АЛРОСА» – в список SDN, что фактически полностью отрезало ее от любых западных инвестиций.

Быстрое разрастание с февраля 2022 г. системы антироссийских санкций, усложнение ее географической и отраслевой структуры сопровождалось умножением «нестыковок», а иногда и прямых противоречий между ее компонентами и участниками, обострением проблем имплементации политических решений и комплаенса со стороны бизнеса. Осознание этого (прежде всего властями США) явилось предпосылкой для нового этапа в эволюции санкционной политики. Этот пятый этап (с февраля 2023 г.) был посвящен усовершенствованию институционально-правового механизма данной политики, в недостатках которого усматривалась главная причина ее низкой эффективности. Усовершенствование предполагало синхронизацию действий членов санкционной коалиции (к середине 2024 г. ее состав вырос до 45 стран) и блокирование путей обхода санкций, связывавших Россию с рынками товаров, услуг и капитала неприсоединившихся к коалиции стран.

Отправным событием для пятого этапа послужило создание в рамках G7 24 февраля 2023 г. «механизма координации правоприменения» (МКП) – межправительственного института из представителей ядра санкционной коалиции, уполномоченного осуществлять выявление и наказание «стран и фирм – пособников СВО»¹¹. За счет повышения неотвратимости вторичных санкций МКП и другие связанные

9 Путеводитель по санctionам и ограничениям против Российской Федерации (после 22 февраля 2022 г.) // Система Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/57750632/> (дата обращения: 18.12.2024).

10 Вместе с тем Японии удалось добиться согласия США на сохранение своего присутствия в проектах «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

11 Nardelli A., Jacobs J. G-7 Set to Create New Tool to Bolster Enforcement of Russia Sanctions // Bloomberg. – 2023. – February 23. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-22/g-7-readies-new-tool-to-bolster-enforcement-of-russia-sanctions> (дата обращения: 13.07.2024).

с ним международные структуры должны были усилить влияние коалиции на поведение бизнеса незападных государств. При этом наряду с военно-техническим сотрудничеством с Россией более частым основанием для наложения вторичных санкций в 2023–2024 гг. становятся контакты компаний третьих стран с российскими контрагентами из списка SDN, а также причастность к транспортировке и продаже российских углеводородов [Тимофеев, 2024, с. 105–106].

В 2023–2024 гг. давление стран-санкционеров на инвестиционные отношения ДФО значительно возросло, свидетельством чему была динамика включения дальневосточных компаний в санкционные списки. Так, если за 2023 г. в SDN появилась 31 компания из ДФО, то за 2024 г. таковых насчитывалось уже 76¹². При этом среди компаний, подвергавшихся блокирующими санкциям, неуклонно росла доля организаций, относящихся к горнодобывающему и топливно-энергетическому сектору. Из 76 компаний, попавших в SDN в 2024 г., к названным секторам, явившимся основными получателями ПИИ в макрорегионе, принадлежали 42. Меры, принимавшиеся против этих отраслей, были тесно связаны с развернутой США и их союзниками борьбой с российским «теневым» флотом, активность которого концентрировалась в портах Тихоокеанского бассейна¹³.

Важным фактором развития инвестиционной ситуации на РДВ стал изданный в декабре 2023 г. указ президента США о введении санкций в отношении финансовых институтов третьих стран за участие в любых сделках, свя-

занных с предприятиями ОПК России, а также с иными, уже блокировавшимися ранее, российскими компаниями [Тимофеев, 2024, с. 100]. Это решение, являвшееся очередным шагом в расширении круга объектов вторичных санкций, было адресовано прежде всего китайским банкам. Учитывая возрастающую роль финансовых учреждений КНР во внешнеэкономических связях ДФО, оно не могло не отразиться на динамике ПИИ в макрорегионе.

Динамика ПИИ в ДФО

В первой половине 2010-х годов (вплоть до 2016 г. включительно), как можно видеть из рисунка 1, приток ПИИ в ДФО показывал в целом позитивную динамику, отличавшуюся высоким средним темпом роста. Первый этап санкционной политики (декабрь 2012 – февраль 2014 г.) не оказал на эту динамику сколько-нибудь заметного влияния, что объясняется точечным, персональным характером принятых в это время санкций. Некоторый спад в притоке ПИИ, наблюдавшийся в 2012 г., хронологически предшествовал первым санкциям и был обусловлен сугубо экономическими причинами. По своей глубине он был сходен с одновременными спадами в притоке ПИИ, имевшими место на общероссийском и глобальном уровнях. Спад 2012 г. практически не изменил количества предприятий с участием иностранного капитала в ДФО (1227 в 2011 г. и 1202 в 2012 г.). При этом количество предприятий с китайскими инвестициями даже выросло: с 498 в 2011 г. до 550 в 2012 г.¹⁴ Если с точки зрения стои-

12 С 2014 по 2022 г. в SDN было включено 30 компаний из ДФО. Подсчитано по: Specially Designated Nationals List // Office of Foreign Assets Control. – URL: <https://sanctionslist.ofac.treasury.gov/Home/SdnList> (дата обращения: 11.02.2025).

13 Possible Evasion of the Russian Oil Price Cap // Office of Foreign Assets Control. – URL: <https://ofac.treasury.gov/media/931641/download?inline> (дата обращения: 29.09.2024).

14 Число предприятий с участием иностранного капитала (включая микропредприятия) // ЕМИСС. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42990.do> (дата обращения: 17.02.2025).

мостных объемов притока ПИИ в ДФО в начале 2010-х годов лидерами выступали страны ЕС и Япония [Изотов, 2020, с. 173], то ведущее место по доле предприятий с ПИИ к этому временипрочно принадлежало Китаю.

Уже к началу 2010-х годов сложилась и сохраняющаяся в основных чертах до сих пор отраслевая структура притока и накопления ПИИ в макрорегионе. Подавляющая их часть направлялась в добывчу полезных ископаемых, в первую очередь топливно-энергетических ресурсов. Главным получателем ПИИ в ДФО являлись нефтегазовые промыслы Сахалинской области [Изотов, 2020, с. 167–168; Глазырина, Фалейчик, Фалейчик, 2020, с. 225–226]. Так, в 2012 г. общий приток ПИИ в ДФО не стал отрицательным только благодаря инвестициям в Сахалинскую область. В 2013–2021 гг. доля Сахалина в макрорегиональном притоке ПИИ колебалась в пределах от 44,3 до 95,4%¹⁵, имея тенденцию к постепенному снижению.

Судя по рисунку 1, второй этап политики санкций (март 2014 – июль 2017 г.) также не получил видимого отражения в динамике притока ПИИ в дальневосточный макрорегион. Напротив, в 2014–2016 гг. приток инвестиций резко ускорился. В результате в 2016 г. был достигнут рекордный за всю постсоветскую историю РДВ объем привлеченных ПИИ (10,5 млрд долл.), что составляло около трети всего объема таких поступлений в Россию. Примечательно, что это происходило

на фоне обвального падения притока ПИИ в страну в 2014–2015 гг.¹⁶ и двух спадов в их притоке на глобальном уровне (2014 и 2016 гг.). Такая динамика РДВ была обеспечена в основном сахалинскими нефтегазовыми проектами. Вместе с тем стремительный, более чем 30-кратный, рост притока ПИИ с 2013 по 2016 г. произошел и в остальных регионах ДФО¹⁷.

Тем не менее определенный инвестиционный эффект от «секторальных» санкций данного этапа в экономике ДФО всё же может быть зафиксирован. Так, в 2015 г. в ДФО наблюдалось незначительное снижение объема накопленных ПИИ. Оно совпало по времени со снижением того же показателя на общероссийском уровне (рисунок 2), но имело меньшую глубину (5% против 6,4% к 2014 г.). Еще более рельефно изменения в инвестиционной обстановке в макрорегионе проявили себя в динамике количества предприятий с участием иностранного капитала: за 2014–2015 гг. этот показатель упал почти в 2 раза (до 682 предприятий)¹⁸. Таким образом, основной урон от санкционной политики понесли не крупные, а средние и мелкие иностранные инвесторы. Санкции воздействовали на нихкосвенно, через ухудшение общей экономической конъюнктуры в России: падение объемов производства и доходов населения, снижение цен на экспортные товары, обесценение рубля и т. д.

С географической точки зрения спад в накопленных ПИИ в ДФО в 2014–

15. Кроме 2018 г., когда приток ПИИ на Сахалин вновь компенсировал их совокупный отток из остальных регионов ДФО. Подсчитано по: Прямые инвестиции в РФ: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 03.06.2025).

16. В литературе этот спад чаще объясняется не действием санкций, но снижением цен на нефть и девальвацией рубля [Экономическое развитие..., 2024, с. 76–78], однако следует учитывать, что спровоцировавшая их «сланцевая революция» в США являлась политически управляемым процессом.

17. Подсчитано по: Прямые инвестиции в РФ: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 03.06.2025).

18. Число предприятий с участием иностранного капитала (включая микропредприятия) // ЕМИСС. – URL: <https://www.fed-stat.ru/indicator/42990.do> (дата обращения: 17.02.2025).

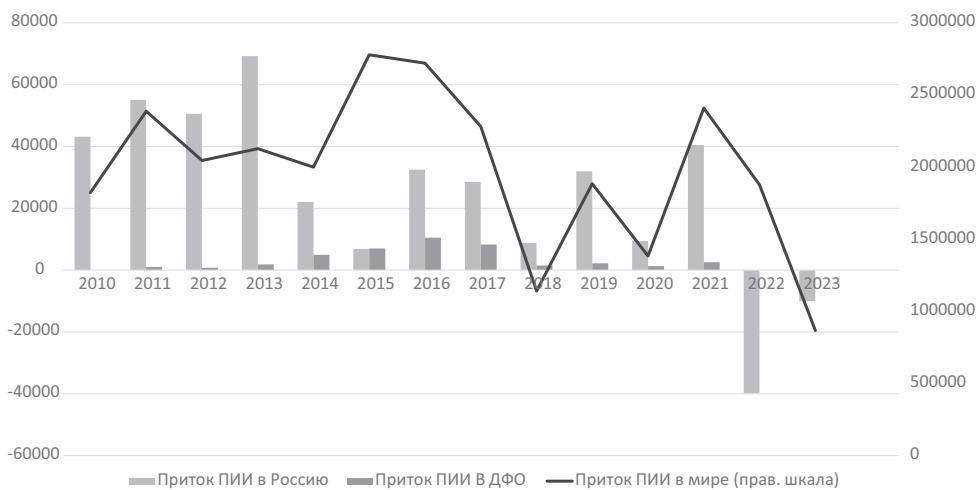

Рисунок 1. Динамика притока ПИИ в мире, России и ДФО (2010–2023 гг.), млн долл.

Figure 1. Dynamics of FDI inflows in the world, Russia and the FEFD (2010–2023), million USD

Источник: Прямые инвестиции в РФ: операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // ЦБ РФ. – URL: https://cbk.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/dir-inv_reg-in.xlsx (дата обращения: 11.02.2025); Всемирный Банк. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.CD.WD?view=chart> (дата обращения: 16.02.2025).

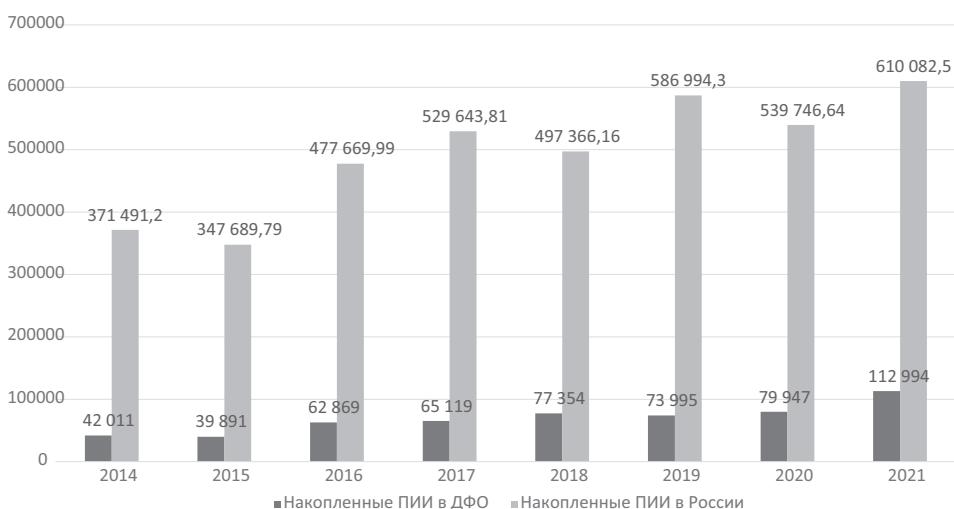

Рисунок 2. Динамика накопленных ПИИ в России и ДФО (2014–2021 гг.), млн долл.

Figure 2. Dynamics of FDI stocks in Russia and the FEFD (2014–2021), million USD

Источник: Прямые инвестиции в РФ: остатки по субъектам РФ по инструментам и странам-партнерам // ЦБ РФ. – URL: https://cbk.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx (дата обращения: 16.02.2025).

2015 гг. затронул широкий круг стран. Исходя из статистики ЦБ РФ, наиболее заметным он был для Китая, США и стран ЕС (прежде всего Великобритании). Данные Росстата за 2014 г. также зафиксировали уменьшение в ДФО числа предприятий с инвестициями из Китая и Великобритании¹⁹. Следует, однако, отметить, что вывод китайских инвестиций из макрорегиона в эти годы коснулся главным образом малого и среднего бизнеса. Приток же и особенно накопление крупного китайского капитала активно росли, распространяясь на регионы к западу от ДФО (см. рисунки 1 и 2). Этому способствовала развернутая с 2014 г. работа Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству (МПК) [Антонова, Ломакина, 2021, с. 42–44].

Более серьезные последствия второй этап санкций имел для притока и накопления в России ПИИ из таких стран, как Япония и РК, для которых, напротив, была свойственна, скорее, тенденция концентрации своих вложений в пределах ДФО. Впрочем, и для них этот спад оказался в целом неглубоким и непродолжительным (см. рисунки 1 и 2).

Третий этап санкционной политики (август 2017 – январь 2022 г.) характеризовался кардинальными изменениями в динамике ПИИ в ДФО. В 2017–2018 гг. объем притока ПИИ в макрорегион пережил значительное падение. Это падение достаточно точно соответствовало синхронной динамике ПИИ на общероссийском и глобальном уровнях и, судя по всему, было реакцией на принятие закона CAATSA и превращение американского санкционного режима в экстерриториальный. В 2019–2021 гг. приток прямых инвестиций в ДФО стал постепенно восста-

навливаться, но (в отличие от общероссийского и глобального уровней) этот процесс был очень медленным и далеким от пиковых значений поступления ПИИ в 2016 г. (см. рисунок 1).

Вместе с тем объем накопленных ПИИ в макрорегионе стабильно (за исключением 2019 г.) возрастал, увеличившись в итоге за 2017–2021 гг. почти в 2 раза. При этом данный рост опережал общероссийский, в результате чего доля ДФО в накопленных в России ПИИ повысилась с 12,3 до 18,5% (см. рисунок 2). Сохранение позитивной динамики накопления ПИИ можно объяснить реинвестированием иностранным бизнесом доходов, полученных на территории страны. Важным фактором такого поведения инвесторов стало, по-видимому, интенсивное строительство в ДФО в эти годы инфраструктуры институтов развития – территорий опережающего развития (ТОРов) и Свободного порта Владивосток (СПВ) – и введение в действие связанных с ними налоговых и таможенных преференций. Невзирая на санкции, количество иностранных резидентов в дальневосточных ТОРах и СПВ и объем заявленных ими инвестиций вплоть до 2019–2020 гг. показывали уверенный рост²⁰. Последующее изменение этой тенденции было следствием наложения на усиливающееся санкционное давление экономических ограничений, вызванных пандемией COVID.

Однако преференциальная политика на РДВ осуществлялась не только в пределах ТОРов и СПВ. Наиболее масштабным ее направлением была прямая государственная поддержка отдельных крупных инвестпроектов. В частности, на этом направлении была сосредоточена работа упомянутой российско-китайской МПК. С 2014 по 2021 г. портфель

19 Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. – Москва: Росстат, 2015. – С. 575, 577.

20 Пиковое значение заявленных ПИИ (370,7 млрд руб.) было достигнуто в 2019 г., а максимальное количество проектов (105) – в 2020 г. [Суслов, 2024, с. 36].

сопровождаемых МПК «значимых» проектов вырос с 32 до 65, в том числе с 13 до 23 на территории ДФО. Общая стоимость проектов, реализованных и реализуемых в ДФО, достигла 45 млрд долл. [Антонова, Ломакина, 2021; Филончева, Бударина, 2023], что существенно пре-восходило заявленную величину китайских инвестиций в ТОРы и СПВ.

Если вынести за скобки ПИИ, поступавшие в ДФО из офшорных юрисдикций, то в 2017–2021 гг. именно Китай в наибольшей степени смог укрепить свои инвестиционные позиции в макрорегионе. По отношению к 2016 г. в 2021 г. объем накопленных ПИИ в ДФО из Китая вырос почти в 5,7 раза (для сравнения: накопленные инвестиции из Японии за тот же период увеличились в 2,3 раза, а из ЕС (включая Великобританию, но без Кипра) – в 1,7 раза²¹). Даже с учетом некоторого торможения активности китайского капитала с 2020 г. он проявлял наибольший интерес к новой политике развития макрорегиона. Устойчивость этого интереса особенно наглядна на фоне значительного падения объемов притока (с 2018 г.) и накопления (с 2019 г.) ПИИ из Китая, наблюдавшегося на общероссийском уровне (рисунки 3 и 4). Сходные, но не столь контрастные различия между динамикой на уровне ДФО и России в целом демонстрировали и инвестиции из стран ЕС. Напротив, динамики ПИИ в ДФО из Японии и РК в 2017–2021 гг. воспроизвели общероссийские тенденции либо имели более низкие значения.

В отраслевом разрезе безусловным лидером в накопленных ПИИ в ДФО в 2017–2021 гг. оставалась «добыча полезных ископаемых» (таблица 1)²².

В то же время запуск дальневосточных институтов развития (ТОРов и СПВ) способствовал определенной отраслевой диверсификации ПИИ, промежуточные результаты которой, достигнутые к 2021 г., однако, нельзя назвать успешными. Так, всплеск интереса иностранных инвесторов к созданию в ДФО научно-технологической инфраструктуры уже в 2020–2021 гг. сменился спадом. Оттоком иностранного капитала к концу данного этапа завершился ряд перспективных инвестиционных проектов, инициированных в сфере сельского хозяйства (особенно в животноводстве). Благодаря перестройке географии внешней торговли и усилению в ней роли Китая, наиболее яркий, почти десятикратный, рост накопленных ПИИ за 2014–2021 гг. продемонстрировал транспортно-логистический комплекс макрорегиона, но и здесь в 2020–2021 гг. наметилась негативная тенденция. В итоге за 2017–2021 гг. общая доля несырьевых отраслей в объеме накопленных в ДФО ПИИ сократилась с 3,3 до 2%. Следует также отметить, что в эти годы иностранный капитал полностью ушел из таких отраслей экономики ДФО, как «предоставление прочих видов услуг» (с 2017 г.) и «финансовая и страховая деятельность» (с 2019 г.), что стало прямым следствием санкционных мер.

Резкое ужесточение санкционной политики на четвертом ее этапе (февраль 2022 – январь 2023 г.) оказало на инвестиционные процессы в России и на РДВ противоречивое влияние. Судя по статистике контрагентов, в 2022 г. на страновом уровне его главным результатом было одновременное снижение показателей притока и накопления

21 Объемы накопленных ПИИ в ДФО из РК и США за те же годы упали (Прямые инвестиции в РФ: остатки по субъектам РФ по инструментам и странам-партнерам // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir-inv.xlsx (дата обращения: 16.02.2025).

22 К этой категории можно отнести и многие ПИИ, учтенные в графе «Не распределено».

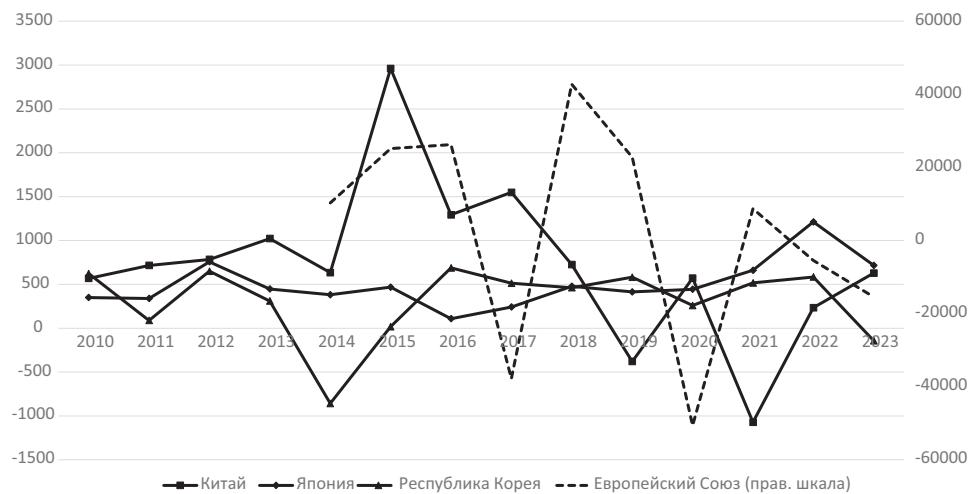

Рисунок 3. Динамика притока ПИИ в Россию из Китая, Японии, РК и ЕС (2010–2023 гг.), млн долл.

Figure 3. Dynamics of FDI inflow to Russia from China, Japan, South Korea and the EU (2010–2023), million USD

Источник: National Bureau of Statistics of China. – URL: <https://data.stats.gov.cn/english/adv.htm?m=advquery&cn=C01> (дата обращения: 11.02.2025); JETRO. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 11.02.2025); OECD Data Explorer. – URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 16.02.2025); Eurostat. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/balance-of-payments/database> (дата обращения: 15.02.2025).

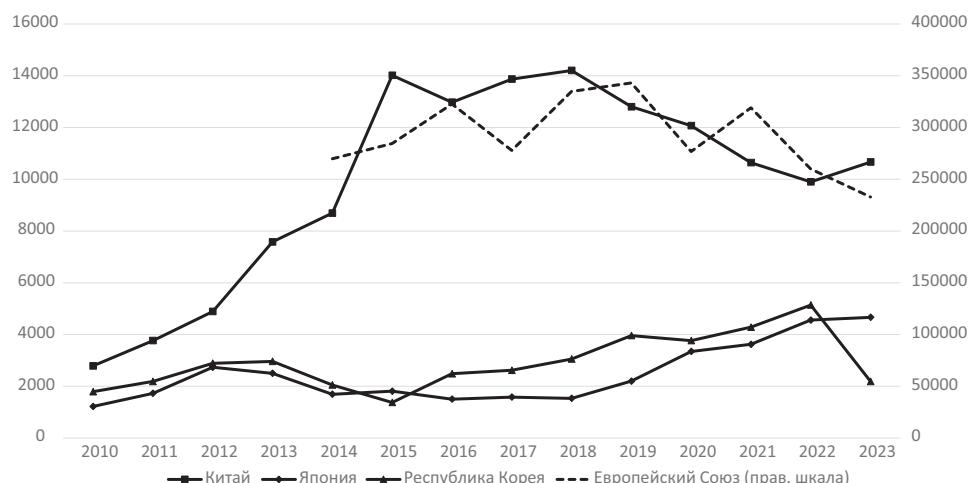

Рисунок 4. Динамика накопленных ПИИ в России из Китая, Японии, РК и ЕС (2010–2023 гг.), млн долл.

Figure 4. Dynamics of FDI stocks in Russia from China, Japan, South Korea and the EU (2010–2023), million USD

Источник: National Bureau of Statistics of China. – URL: <https://data.stats.gov.cn/english/adv.htm?m=advquery&cn=C01> (дата обращения: 11.02.2025); JETRO. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 11.02.2025); OECD Data Explorer. – URL: <https://data-explorer.oecd.org/> (дата обращения: 16.02.2025); Eurostat. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/balance-of-payments/database> (дата обращения: 15.02.2025).

Таблица 1. Накопленные ПИИ в ДФО по видам экономической деятельности (2014–2021 гг.), млн долл.

Table 1. FDI stocks in the FEFD by type of economic activity (2014–2021), million USD

Виды экономической деятельности	Годы							
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Добыча полезных ископаемых	37 124	34 949	56 428	57 941	71 085	66 381	73 138	90 009
Предоставление прочих видов услуг	702	645	969	–	–	–	–	–
Деятельность финансовая и страховая	494	36	125	166	165	–	–	–
Обрабатывающие производства	145	176	262	254	222	264	276	316
Транспортировка и хранение	111	434	453	739	828	1458	1054	1083
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	102	100	255	276	230	280	243	250
Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	74	83	203	181	118	88	133	-111
Строительство	69	96	110	47	77	92	95	82
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	20	-42	10	-703	11	145	103	124
Деятельность профессиональная, научная и техническая	–	–	–	1166	1076	1240	879	432
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	–	–	–	–	–	128	86	88
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	–	–	–	2	2	3	4	2
Не распределено по видам	3171	3416	4053	5048	3540	3914	3939	20 717
Всего	42 011	39 891	62 869	65 119	77 354	73 995	79 947	112 994

Источник: составлено по: Прямые инвестиции в РФ: остатки по субъектам РФ в разрезе инструментов и видов экономической деятельности // ЦБ РФ. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/24-dir_inv.xlsx (дата обращения: 17.01.2025).

прямых вложений крупнейшего инвестора в Россию – Евросоюза (см. рисунки 3 и 4). Вместе с тем большинство показателей ПИИ из Китая, Японии и РК в 2022 г. в той или иной степени выросли. Подобная динамика говорит о выжидательной позиции, занятой бизнесом из этих стран, и в то же время о его

стремлении принять участие в перераспределении активов, вызванном уходом европейских и американских компаний.

Вынужденный уход иностранных инвесторов, а также внесение их российских партнеров в санкционные списки нанесли ощутимый урон экономике ДФО. Так, из 14 крупнейших²³ ин-

23 С заявленными инвестициями от 1 млрд долл.

вестпроектов с иностранным участием, осуществлявшихся в ДФО, названным формам санкционного давления подверглись 8. Из этих 8 проектов 3 (с общей суммой заявленных инвестиций 13 млрд долл.) были отменены или приостановлены, а еще 3 столкнулись с задержками в своей реализации²⁴.

Тем не менее в ряде сфер экономики ДФО рост накопленных ПИИ в 2022 г. продолжился. К концу 2022 г. величина накопленных ПИИ из Китая в ДФО достигла 13 млрд долл.²⁵ Продолжилось, хотя и меньшими темпами, пополнение новыми дальневосточными проектами портфеля МПК²⁶. Более чем в 3,5 раза вырос в 2022 г. объем заявленных инвестиций в дальневосточные ТОРы и СПВ²⁷. Этот рост также был связан прежде всего с активностью китайского бизнеса, в том числе с переводом в преференциальный режим тех его проектов, реализация которых ранее происходила за пределами ТОРов. В условиях ужесточения санкций российские власти взяли курс на максимальное расширение мер поддержки иностранных инвесторов, уже присутствовавших на РДВ. Главным адресатом этого курса стали инвесторы из дружественного Китая.

Примером развития крупного дальневосточного проекта с участием китайских инвесторов может служить газохимический комплекс (ГХК) в Амурской области (г. Свободный)²⁸. Этот проект, реализуемый с 2014 г., включен в портфель МПК и курируется Корпорацией

развития Дальнего Востока и Арктики. С 2017 г. на него были распространены преференции режима ТОР. В июне 2022 г., после введения очередных санкций ЕС, из проекта вышли подрядчики из Германии и Италии, обеспечивавшие поставки высокотехнологичного оборудования для газопереработки. Тем не менее к лету 2023 г. инвесторам удалось найти альтернативных поставщиков (из Китая, стран Персидского залива и других дружественных стран), и со смещением сроков завершения с 2025 на 2027 г. строительство ГХК было продолжено²⁹. Адаптацию ГХК к санкционному давлению можно считать достаточно типичной для крупных инвестиционных проектов с китайским участием, получающих прямую государственную поддержку.

Особенностью пятого этапа санкционной политики (с февраля 2023 г.) было общее преобладание в динамике ПИИ в России негативных тенденций. В 2023 г. спад притока прямых инвестиций в Россию показали не только страны ЕС, но и Япония и РК. Некоторую положительную динамику сохранили лишь инвестиции из Китая (см. рисунок 3). Что касается объемов накопленного капитала, то ПИИ из Китая и Японии (на фоне продолжающегося сокращения ПИИ из стран ЕС) демонстрировали стабилизацию (рисунок 4).

Признаки спада и последующей стабилизации можно обнаружить в динамике ПИИ и в ДФО. Так, в 2023 г. общее количество «значимых» проек-

24 Подсчитано автором по материалам СМИ.

25 Китай вложил в Дальний Восток больше 13 млрд долларов // РБК. Приморье. – 2023. – 17 февраля. – URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freeneews/63ef03df9a79473d08c281aa7ysclid=m8l5za4uy168179953> (дата обращения: 01.03.2025).

26 Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. – URL: <https://mpk-cn.ru/> (дата обращения: 30.01.2025).

27 Николай Запрягаев: Иностранный бизнес заинтересован в Дальнем Востоке // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики. – 2023. – 18 августа. – URL: <https://erdc.ru/news/nikolay-zapryagaev-inostrannyiy-biznes-zainteresovan-v-dalnem-vostoke?ysclid=m8l7fred4e843959756> (дата обращения: 14.01.2025).

28 Заявленный объем инвестиций в ГХК составляет 11,6 млрд долл., а доля в проекте китайской стороны (SINOPEC) – 40%. См.: Проекты межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству // МПК. – URL: https://mpk-cn.ru/content/docs/О%20проектах%20комиссии_8%20МПК.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

29 «Сибур» перенес срок реализации Амурского ГХК на 2027 год // РБК. – 2023. – 13 сентября. – URL: <https://www.rbc.ru/business/13/09/2023/6501cd259a7947580be4d703> (дата обращения: 02.05.2025).

тов МПК, реализуемых на территории округа, по отношению к 2022 г. не изменилось (23 проекта). Почти на прежнем уровне осталось и количество проектов с иностранными инвестициями в дальневосточных ТОРах и СПВ (83 в 2023 г. против 85 в 2022 г.). Незначительной корректировке подверглась сумма ПИИ, заявленных резидентами ТОРов и СПВ (857 млрд руб. в 2023 г. против 870 млрд руб. в 2022 г.) [Суслов, 2024, с. 36].

Бесспорным лидером среди доноров ПИИ в ДФО на этом этапе по-прежнему являлся Китай. В частности, в 2023 г. его доля в заявленных ПИИ в дальневосточных ТОРах и СПВ составляла почти 94,7% (для сравнения: доля Японии – 1,3%). При этом в 2022 и 2023 гг. объемы ПИИ, запланированные на преференциальных территориях резидентами из Японии, РК и стран ЕС, имели тенденцию к снижению³⁰ [Суслов, 2024, с. 36].

Вместе с тем для Китая был характерен относительно низкий уровень фактической реализации ПИИ (42% от заявленного в 2023 г. объема). В этом аспекте Китай значительно уступал многим другим странам (ЕС, Австралии, Индии, Японии, Сингапуру), инвесторы из которых исполняли свои обязательства на 60–90%, а в некоторых случаях и с многократным превышением суммы контракта [Суслов, 2024, с. 35–36]. По-видимому, такое поведение китайских инвесторов можно объяснить их особенной восприимчивостью к угрозе вторичных санкций, эскалация которых была отличительной чертой пятого этапа санкционной

политики. С опасениями вторичных санкций, судя по всему, связаны и участившиеся отказы китайского бизнеса от участия в дальневосточных инвестиционных проектах за пределами ТОРов и СПВ.

В то же время примечательной тенденцией данного этапа является бурный рост регистраций компаний с китайским участием в приграничных регионах ДФО (в Забайкальском, Приморском, Хабаровском краях, Амурской области, Республике Бурятия)³¹. В 2017–2021 гг. количество таких компаний на РДВ постепенно снижалось³². Однако в 2022 г. этот тренд был переломлен. С 2022 по 2024 г. число регистраций новых компаний в приграничных регионах увеличилось к уровню 2020–2021 гг. в 3–6 раз³³. Поскольку большая часть вновь создаваемых компаний специализировалась на торговой и транспортно-логистической деятельности, этот процесс можно считать оперативной реакцией малого и среднего бизнеса Китая на начавшуюся под влиянием западных санкций пространственную перестройку трансграничных экономических связей России.

Долгосрочные изменения в объеме и структуре ПИИ в ДФО: фактор санкций

Рассмотрение долгосрочной динамики ПИИ в ДФО с начала 2010-х по начало 2020-х годов дает возможность выделить важнейшие изменения в их объеме и структуре и сопоставить их с тенденциями санкционной по-

30 Рост заявленных ПИИ в 2022–2023 гг. наблюдался у резидентов из Сингапура, Австралии и Индии.

31 Российско-китайский инвестиционный индекс. 2 квартал 2024 г. // Институт Китая и современной Азии РАН. – URL: <https://www.iccaras.ru/news/vyshel-rossijsko-kitajskij-investitsionnyj-indeks-za-2-kvartal-2024-goda.html?ysclid=m8l7k62jlx242284144> (дата обращения: 14.01.2025).

32 В России на 40% сократилось число компаний с иностранным участием // КонтурФокус. – 2021. – 22 сентября. – URL: <https://focus.kontur.ru/site/news/7809?ysclid=m8l7neo45j668354704> (дата обращения: 23.01.2025).

33 Эксперты фиксируют рост регистраций китайских компаний в России //Интерфакс. – 2025. – 14 января. – URL: <https://group.interfax.ru/interfax/about/smi/eksperty-fiksiruyut-rost-registratsiy-kitayskikh-kompanii-v-rossii/?ysclid=m8jlm2ok46471691693> (дата обращения: 23.01.2025).

литики и иных факторов глобальной, национальной и макрорегиональной инвестиционной среды как экономического (динамика внешней торговли, курс рубля), так и политического (инвестиционная политика Российской Федерации) типа.

Вплоть до 2016 г. динамика притока ПИИ в ДФО сохраняла в целом достаточно устойчивый повышательный тренд. «Секторальные» санкции, вводившиеся США и странами G7 с марта 2014 по июль 2017 г., сопутствовавшие им глубокое падение стоимостных показателей торговли ДФО и девальвация рубля³⁴ не оказали на эту динамику существенного влияния. Некоторое понижение объема накопленных ПИИ в ДФО в 2015 г. было меньшим, чем на национальном уровне, и привело к повышению доли округа по этому показателю в России. Воздействие санкций и негативной внешнеэкономической конъюнктуры на инвестиционную ситуацию в ДФО было в основном нейтрализовано проводившейся с 2014 г. политикой селективного развития округа, частью которой стал комплекс налоговых и административных преференций для иностранных инвесторов.

В то же время преференции не могли компенсировать технологический эффект «секторальных» санкций, который стал фактором сдерживания развития дальневосточного ТЭК на длительную перспективу. Последствия этих мер по блокированию доступа к американским и европейским нефтегазовым технологиям и оборудованию (а также позднейших ограничений, коснувшихся прежде всего ОПК и горнодобывающего сектора) в полном объеме не преодолены экономикой ДФО до настоящего времени

[ТЭК России..., 2022, с. 3, 6; Киреев, 2025, с. 41].

В 2017–2021 гг. происходит значительное падение, а затем стагнация притока ПИИ в макрорегион. При этом накопление ПИИ в ДФО продолжало демонстрировать повышательную динамику. Динамику притока ПИИ в ДФО, воспроизведившую в целом тенденции общероссийского и глобального уровня, можно объяснить расширением географии ограничительных мер, подтолкнувшим к масштабной реконфигурации инвестиционных связей в мировой экономике [Квашнина, 2024; Булатов, 2023]. Вместе с тем ухудшение глобальных условий для миграции капитала и нарастающая дестабилизация сети международной торговли сырьем, прежде всего углеводородами, объективно повышали интерес к ресурсам и преференциальным режимам РДВ, в особенности со стороны соседних стран АТР. Это способствовало более активному реинвестированию в макрорегион иностранного капитала, уже присутствовавшего на территории России.

Наиболее серьезный урон объемам ПИИ в ДФО был нанесен реализацией четвертого (февраль 2022 – январь 2023 г.) и пятого (с февраля 2023 г.) этапов санкционной политики Запада. Помимо прямых запретов на инвестиции и сдерживающего воздействия вторичных санкций давление на инвестиционную динамику округа оказалось влияние на значительное сжатие импорта и обесценение рубля [Киреев, 2025, с. 42–46; Экономическое развитие..., 2024, с. 76–85]. Как и Россия в целом, в 2022 и 2023 гг. ДФО пережил отрицательные значения притока ПИИ и существенное сокращение объема накопленного иностранного

34 Последние также имели политическую обусловленность [Киреев, 2025, с. 44].

капитала. Тем не менее падение инвестиционных показателей макрорегиона было менее глубоким, чем на общероссийском уровне. Важнейшую роль в этом сыграла активная и адаптивная инвестиционная политика в макрорегионе, а также оживление предпринимательской деятельности в ДФО, связанное с расширением идущих через его территорию внешнеторговых потоков и ростом цен на экспортные и импортные товары.

Антироссийские санкции в тесной связи с общей геополитически обусловленной перестройкой международных инвестиционных связей за последнее десятилетие внесли ряд изменений в географическую структуру ПИИ в ДФО. Наиболее значимыми среди них стали:

1. Увеличение в структуре накопленных ПИИ доли инвестиций, поступающих в ДФО через офшорные юрисдикции. С середины 2010-х годов возвращение российских капиталов через офшоры в ДФО, наряду с возможностью получения налоговых и иных льгот, всё более мотивировалось ухудшением условий их инвестирования в странах-санкционерах [Булатов, 2023, с. 77–80]. Кроме того, для многих зарубежных инвесторов офшоризация своих вложений в ДФО стала способом защиты от вторичных санкций.

2. Падение (в особенности с 2022 г.) доли таких источников накопленных ПИИ в ДФО, как ЕС, Великобритания, США и Канада. При этом часть стран санкционной коалиции (включая ближайших соседей макрорегиона – Японию и РК) заняла выжидательную позицию, ориентированную на максимально возможное сохранение своего инвестиционного присутствия на территории ДФО.

3. Устойчивая тенденция к укреплению положения в ДФО китайского капитала. Несмотря на сдерживающее

влияние вторичных санкций, инвестиционное присутствие Китая в округе особенно усилилось с 2022 г., в условиях ухода западных инвесторов, роста двусторонней торговли и фокусировки внимания дальневосточных институтов развития на запросах китайского бизнеса.

Последствия санкций для отраслевой структуры накопленных ПИИ в ДФО были менее существенными:

1. Корректировка доли в накопленных ПИИ добычи полезных ископаемых (ТЭК и горнодобывающий сектор), тем не менее не лишившая ее доминирования в отраслевой структуре инвестиций. Даже после масштабного передела активов этого сегмента экономики ДФО в пользу российских компаний в 2022 г. он остается наиболее привлекательным для иностранных инвесторов.

2. Некоторая диверсификация структуры ПИИ в ДФО, связанная с ростом с середины 2010-х годов абсолютных объемов их накопления в транспортно-логистической отрасли, торговле, научно-технической деятельности, индустрии развлечений и гостиничном секторе. Она стала результатом активизации на РДВ иностранного малого и среднего бизнеса, менее уязвимого для санкций и при этом более восприимчивого к стимулам преференциальных режимов макрорегиона.

3. Полный уход ПИИ из таких отраслей дальневосточной экономики, как «предоставление прочих видов услуг» (с 2017 г.) и «финансовая и страховая деятельность» (с 2019 г.). Он явился прямым следствием ужесточения санкционной политики Запада на третьем ее этапе.

Отсутствие официальной российской статистики не позволяет точно охарактеризовать инвестиционную ситуацию в ДФО за последние три

года. Тем не менее, судя по доступным данным, нижняя точка спада, начавшегося в 2022 г., уже пройдена. Объем притока ПИИ в ДФО в 2024 г. остался примерно на уровне 2023 г.³⁵ На мой взгляд, существуют весомые предпосылки для того, чтобы в ближайшей перспективе динамика ПИИ в макрорегионе вступила в фазу роста. Если абстрагироваться от труднопредсказуемых обстоятельств международно-политического порядка, то такому росту благоприятствуют прежде всего два основных фактора: 1) возрастающие в условиях фрагментации мировой экономики объективная ценность и привлекательность сырьевых ресурсов ДФО и 2) развитая и уже доказавшая свою достаточно высокую контранкционную эффективность система дальневосточных институтов развития.

Перспективной задачей инвестиционной политики на РДВ является обеспечение структурной сбалансированности будущего оживления динамики ПИИ. Эта сбалансированность имеет три ключевых аспекта: 1) географический – уравновешивание притока китайского капитала стимулированием инвестиций из стран Южной и Юго-Восточной Азии, а также таких «недружественных», но значимых соседей ДФО, как Япония и РК; 2) отраслевой – перенос акцента в преференцировании ПИИ на отрасли, занятые переработкой добываемых в ДФО ресурсов (химическую, металлургическую, пищевую, деревообрабатывающую); 3) институциональный – фокусирование государственных капиталовложений на сферах, имеющих наименьшие шансы привлечения ПИИ (строительстве, сельском хозяйстве, туризме, научно-технической деятельности).

Меры структурного балансирования способны повысить общую устойчивость экономики РДВ к внешним инвестиционным шокам (в том числе связанным с накапливающимися проблемами в финансовой системе Китая). Однако, учитывая тенденцию к барьериизации инвестиционных потоков в мире и возрастающую нестабильность международных рынков, их вероятную эффективность нельзя переоценивать. Поэтому наряду с их реализацией необходимо изыскивать дополнительные эндогенные источники поддержки экономического развития ДФО, включая новые инструменты государственной финансово-кредитной политики и механизмы привлечения на макрорегиональный рынок средств населения [Развитие больших..., 2023, с. 254–265].

Список литературы

Булатов А.С. Новые тренды в движении капитала в мире и России // Вопросы экономики. – 2023. – № 9. – С. 65–83. – DOI: 10.32609/0042-8736-2023-9-65-83.

Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // Регион: Экономика и Социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 202–234. – DOI: 10.15372/REG20200409.

Демаре А. Обратный эффект санкций. Как санкции меняют мир не в интересах США. – Москва : Азбука-Аттикус, 2024. – 320 с.

Дёмина О.В., Мазитова М.Г. Экспортная специализация топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа: влияние санкционных ограничений // Регионалистика. – 2022. – Т. 9, № 6. – С. 67–84. – DOI: 10.14530/reg.2022.6.67.

³⁵ Трутнев: приток инвестиций на Дальнем Востоке достиг 900 млрд рублей в 2024 году // ТАСС. – 2024. – 26 декабря. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22771393?ysclid=m8lhpw2izm660705838> (дата обращения: 10.02.2025).

Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2020. – 368 с.

Квашнина И.А. Новые тенденции в глобальных потоках трансграничных прямых инвестиций // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 3. – С. 61–75. – DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75.

Киреев А. Воздействие санкций на структуру трансграничной торговли ДФО // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 3. – С. 38–49. – DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-38-49.

Кузнецова О.В. Роль государственной политики в привлечении прямых иностранных инвестиций на Дальний Восток России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 106–121. – DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-106-121.

Преодолевая холод. Интересы и политика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в Арктике: вызовы и возможности для России / под ред. В.Л. Ларина и С.К. Песцова. – Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 400 с.

Развитие больших социально-экономических систем: Дальневосточный макрорегион / отв. ред. П.А. Минакир, А.Г. Исаев. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2023. – 352 с.

Суслов Д.В. Привлечение прямых иностранных инвестиций в экономику российского Дальнего Востока в 2020-е годы: смена тренда // Власть и управление на Востоке России. – 2024. – № 4 (109). – С. 26–38. – DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-26-38.

Тимофеев И.Н. Вторичные санкции США на российском направлении: опыт эмпирического анализа // Сравнительная политика. – 2024. – Т. 15, № 1. – С.95–114. – DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114.

Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 4. – С. 136–152.

ТЭК России в условиях санкционных ограничений // Энергетические тренды. – 2022. – Выпуск № 106 (март). – URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf> (дата обращения: 21.01.2025).

Филончева Д.А., Бударина Н.А. Анализ проектов инвестиционного сотрудничества России и Китая // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 6-2 (100). – С. 165–168. – DOI: 10.24412/2411-0450-2023-6-2-165-168.

Экономическое развитие стран Северо-Восточной Азии в условиях глобальных вызовов / отв. ред. Д.А. Изотов. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2024. – 390 с.

Russian Experience

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Impact of Anti-Russian Sanctions on the Dynamics of Foreign Investments in the Far Eastern Federal District

Anton A. KIREEV

PhD (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Political Science
Far Eastern Federal University
Sukhanova Street, 8, Vladivostok, Russian Federation, 690950
E-mail: antalkir@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0274-4030

CITATION: Kireev A.A. (2025). Impact of Anti-Russian Sanctions on the Dynamics of Foreign Investments in the Far Eastern Federal District. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 63–83 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.04

Received: 26.03.2025.

Revised: 09.06.2025.

ACKNOWLEDGMENT. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant no. 24-28-00605, <https://rscf.ru/project/24-28-00605/>

ABSTRACT. The objective of the study is to identify and assess the impact of the Western sanctions policy on the long-term dynamics of the volume and structure of FDI in the Far Eastern Federal District (FEFD) since the early 2010s. The first part of the article examines the stages of the development of the sanctions policy, the formation of its subjects, goals and objects, as well as its methods and mechanisms. The second part of the article is devoted to a synchronous comparative analysis of the stages of the sanctions policy and changes in the volume of FDI inflow and accumulation in the FEFD, their geographical structure, and sectoral distribution. The final section highlights the key changes in the dynamics of cross-border investment in the FEFD and puts forward assumptions

about the factors behind these changes and the role of the sanctions policy among them. It is concluded that the damage caused to the inflow and accumulation of FDI in the FEFD by the sanctions was relatively smaller than at the national level, which was largely due to the system of Far Eastern development institutions created in the second half of the 2010s. At the same time, the preferential policy was unable to prevent the concentration of FDI in the extractive sector of the macroregion and the rapidly increasing dependence of its economy on the movement of Chinese capital.

KEYWORDS: sanctions policy, foreign direct investment, investment policy, development institutions, investment structure, Far Eastern Federal District.

References

- Bulatov A.S. (2023). New trends in capital movement in the world and Russia. *Voprosy ekonomiki*. No. 9, pp. 65–83 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-9-65-83.
- Demarais A. (2024). *Backfire. How Sanctions Reshape the World against U.S. Interests*. Moscow: Azbuka-Attikus, 320 pp. (in Russian).
- Dyomina O.V., Mazitova M.G. (2022). Export Specialization of the Fuel and Energy Complex of the Far Eastern Federal District: The Impact of Sanctions Restrictions. *Regionalistics*. Vol. 9, no. 6, pp. 67–84 (in Russian). DOI: 10.14530/reg.2022.6.67.
- Ekonomicheskoye razvitiye... (2024). *Economic Development of North-East Asian Countries in the Context of Global Challenges* / ed. by D.A. Izotov. Khabarovsk: ECRIN FEB RAS, 390 pp. (in Russian).
- Filoncheva D.A., Budarina N.A. (2023). Analysis of investment cooperation projects between Russia and China. *Economy and Business: Theory and Practice*. No. 6-2 (100), pp. 165–168 (in Russian). DOI: 10.24412/2411-0450-2023-6-2-165-168.
- Glazyrina, I.P., Faleychik L.M., Faleychik A.A. (2020). Investment and cross-border cooperation in the East of Russia. *Region: Economics and Sociology*. No. 4 (108), pp. 202–234 (in Russian). DOI: 10.15372/REG20200409.
- Izotov D.A. (2020). *Economic Integration of Russia with the Asia-Pacific Countries: Problems and Prospects*. Khabarovsk: IEI FEB RAS, 368 pp. (in Russian).
- Kireev A. (2025). Impact of Sanctions on the Structure of Transborder Trade of the Far Eastern Federal District. *World Economy and International Relations*. Vol. 69, no. 3, pp. 38–49 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-3-38-49.
- Kuznetsova O.V. (2018). The Role of State Policy in Attracting of Foreign Direct Investment to the Far East of Russia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 11, no. 1, pp.106–121 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-106-121.
- Kvashnina I.A. (2024). New trends in global flows of transborder direct investment. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 3, pp. 61–75 (in Russian). DOI: 10.52180/2073-6487_2024_3_61_75.
- Preodolevaya kholod... (2017). Larin V.L., Pestsov S.K. (eds.). *Overcoming the Cold. Interests and Policies of the Asia-Pacific Countries in the Arctic: Challenges and Opportunities for Russia*. Vladivostok: IAE FEB RAS, 400 pp. (in Russian).
- Razvitiye bol'shikh... (2023). Mina-kir P.A., Isaev A.G. (eds.). *Development of Large Socio-Economic Systems: Far Eastern Macroregion*. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 352 pp. (in Russian).
- Suslov D.V. (2024). Attracting Foreign Direct Investment into the Economy of the Russian Far East in the 2020s: The Change of Trend. *Power and Administration in the East of Russia*. No. 4 (109), pp. 26–38 (in Russian). DOI: 10.22394/1818-4049-2024-109-4-26-38.
- TEK Rossii... (2022). The Russian fuel and energy complex under sanctions restrictions. *Energy trends*. Issue 106 (in Russian). Available at: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo106.pdf>, accessed 21.01.2025.
- Timofeev I.N. (2022). Doubtful Effectiveness? Sanctions against Russia before and after February. *Russia in Global Affairs*. Vol. 20, no. 4, pp. 136–152 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152.
- Timofeev I.N. (2024). The U.S. Secondary Sanctions Related to Russia: Empirical Analysis. *Comparative Politics Russia*. Vol. 15, no. 1, pp. 95–114 (in Russian). DOI: 10.46272/2221-3279-2024-1-15-95-114.

УДК 339(1*RU+1*SA)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.05

Нефтяной фактор в российско-саудовских отношениях на современном этапе

Василий Дмитриевич ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ

научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5937-8786

ЦИТИРОВАНИЕ: Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в российско-саудовских отношениях на современном этапе // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 84–97.
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.05

Статья поступила в редакцию 03.07.2025.
Исправленный текст представлен 05.09.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-01479 «Новое “открытие” Россией Юго-Западной и Южной Азии: взаимозависимость внешнеэкономических связей и geopolитики», <https://rscf.ru/project/25-28-01479/>

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу роли нефтяного фактора в развитии российско-саудовских отношений на современном этапе. Показано, что, несмотря на существенные геополитические разногласия между Москвой и Эр-Риядом по ключевым вопросам ближневосточной повестки, энергетическое взаимодействие двух стран продолжает развиваться поступательно. Особое внимание уделено формированию формата ОПЕК+, ставшего эффективным инструментом координации нефтяной политики крупнейших экспортёров углеводородов. Рассмотрены основные этапы развития двусторонних отношений – от начала 2000-х годов, когда стороны преодолели первые разногласия, до пандемии COVID-19, начала острой фазы украинского конфликта и последовавших

за этим кризисных явлений на мировом нефтяном рынке. Автор подчеркивает особую роль личных контактов лидеров России и Саудовской Аравии в урегулировании возникающих противоречий и достижении компромиссов по вопросам регулирования объемов добычи нефти. В современной дипломатической стратегии Эр-Рияда прослеживается многоспектральный подход, при котором Россия позиционируется как важный партнер в энергетической сфере, обладающий значительным влиянием на мировом нефтяном рынке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, Саудовская Аравия, российско-саудовские отношения, нефтяной фактор, ОПЕК, ОПЕК+, Глобальный Юг, энергетическая дипломатия.

История российско-саудовских отношений насчитывает почти 100 лет. СССР стал первым неарабским государством, признавшим суверенитет династии Аль Сауд над Хиджазом, Недждом и присоединенными областями в 1926 г., а весной 1932 г., уже после провозглашения единого королевства, Москву и Ленинград с официальным визитом посетил принц Фейсал ибн Абд аль-Азиз, ставший третьим монархом Королевства Саудовской Аравии (КСА) в 1964–1975 гг. Однако к концу 1930-х развитие советско-саудовских отношений сошло на нет. Причиной тому, с одной стороны, послужило отсутствие у Москвы возможности предоставить в тот период товарный кредит, а с другой – расстрел дипломатов Н.Т. Тюрякулова (1937) и К.А. Хакимова (1938), пользовавшихся расположением Саудитов. Король Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман (1932–1953) отказался принимать новых послов, и советская дипмиссия в Джидде была свернута.

Таким образом, больший период XX в. стал для советско-саудовских отношений временем глубокой заморозки, чему способствовал целый ряд геополитических и идеологических факторов. В условиях bipolarной конфронтации Саудовская Аравия, ставшая по окончании Второй мировой войны стратегическим союзником США, занимала жесткую антикоммунистическую позицию и нередко выступала против светских республиканских режимов, которым оказывал поддержку СССР. Контакты между Москвой и Эр-Риядом, за редчайшим исключением, ограничивались взаимодействием в рамках многосторонних встреч и на площадках международных организаций.

Постепенное восстановление прямых дипломатических отношений началось лишь в 1990-х годах, после

распада СССР, и данный процесс сопровождался значительными трудностями, которые порой выливались в кризисы на фоне конфликтов на Северном Кавказе и на Балканах. В частности, в период Первой чеченской кампании 1994–1996 гг. Эр-Рияд часто подвергался обвинениям из-за единичных случаев участия подданных королевства в боевых действиях на стороне боевиков Чеченской Республики Ичкерия, а также в распространении «ваххабитской идеологии» и спонсировании косовских мусульман в ходе Югославских войн [Аватков, Останин-Головня, 2022, с. 65–66]. Однако в начале 2000-х гг. «чеченский вопрос» в российско-саудовских отношениях отошел на второй план и контакты между Москвой и Эр-Риядом стали постепенно входить в русло конструктивного диалога.

Становление российско-саудовского сотрудничества

Отправной точкой нового этапа в отношениях между Россией и Саудовской Аравией можно считать официальный визит в Москву наследного принца и будущего короля Абдаллы ибн Абд аль-Азиза в сентябре 2003 г. В ходе его переговоров с В.В. Путиным обсуждался ряд насущных проблем Ближнего Востока, включая ситуацию в Ираке, урегулирование палестино-израильского конфликта и международный терроризм, но одним из важнейших пунктов повестки стали состояние экономических отношений между двумя странами, особенно координация и сотрудничество в нефтяной политике «с целью достижения стабильности и предсказуемости мирового нефтяного рынка, сохранение приемлемого ценового коридора, а также удовлетворение потребностей стран, импор-

тирующих энергоносители»¹. Также в интервью по итогам визита Абдалла заявил, что руководство КСА считает «чеченский вопрос» внутренним делом России².

В 2005 г. Абдалла ибн Абд аль-Азиз взошел на престол, и во многом время его правления (2005–2015) стало периодом, когда оформились ключевые векторы российско-саудовского взаимодействия. Например, Абдалла способствовал присоединению Российской Федерации в статусе наблюдателя к Организации Исламская конференция (после 2011 г. – Организация исламского сотрудничества) 30 июня 2005 г. [Бакланов, 2020]. Также по приглашению короля в феврале 2007 г. В.В. Путин посетил Саудовскую Аравию с первым официальным визитом, в рамках которого состоялось выступление российского лидера перед представителями бизнес-сообщества КСА. В своей речи В.В. Путин отметил, что с учетом потребности мировой экономики в энергетическом сырье Россия и Саудовская Аравия «не конкуренты, а, скорее, союзники, партнеры по развитию мировых энергетических рынков», где у обеих стран «общих интересов гораздо больше, чем конкуренции»³.

Примечательно, что к тому времени в Саудовской Аравии уже вели свою деятельность российские нефтяные компании. Первым доступ к саудовским недрам получил ЛУКОЙЛ, который после победы в тендере в 2004 г. приступил к разведке и разработке месторождений

в одном из самых трудных с точки зрения климатических условий и ландшафта регионов КСА – в пустыне Руб эль-Хали. Для реализации проекта было создано совместное российско-саудовское предприятие LUKSAR (*LUKOIL Saudi Arabia Energy Ltd*), в котором 80% принадлежит *LUKOIL Overseas* (100%-е дочернее предприятие ПАО «ЛУКОЙЛ»), а 20% – *Saudi Aramco* (национальная нефтяная компания КСА)⁴. В марте 2007 г. еще одна российская компания – «Стройтрансгаз» – выиграла тендер *Saudi Aramco* на строительство 217-километрового нефтепровода *SHBAB-2* между месторождением Абкайк в Восточной провинции и городом Шейба у границы с ОАЭ⁵.

Однако, несмотря на создание совместных проектов в середине 2000-х годов, ключевым направлением развития российско-саудовских отношений в энергетической сфере стала координация нефтяной политики на международной арене. С наступлением глобального финансового кризиса в 2008 г. Россия и Саудовская Аравия столкнулись с необходимостью поддержания приемлемых цен на мировом рынке нефти, для чего в 2008 г. обе страны, несмотря на ощущимый разрыв в показателях избытка производства над потреблением нефти (Россия – 574 млн тонн н.э., КСА – 410 млн тонн н.э.), сохранили долю производства для внешнего рынка на уровне 2007 г. (Россия – 46%, КСА – 70%) [Иванов, Матвеев, 2009, с. 8].

Важно отметить, что в том же 2007 г. состоялось подписание Конвенции

1 Состоялись переговоры Президента России с Наследным принцем Королевства Саудовская Аравия Абдаллой бен Абделем Азизом Аль Саудом // Президент России. – 2003. – 2 сентября. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/29294> (дата обращения: 06.06.2025).

2 Принц Абдалла: «Чеченский вопрос – внутреннее дело России» // Известия. – 2003. – 4 сентября. – URL: <https://iz.ru/news/280837> (дата обращения: 06.06.2025).

3 Выступление на встрече с представителями деловых кругов Саудовской Аравии // Президент России. – 2007. – 12 февраля. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24037> (дата обращения: 06.06.2025).

4 ЛУКОЙЛ в Королевстве Саудовская Аравия // ЛУКОЙЛ. – URL: <https://mideast.lukoil.com/ru/Activities/SaudiArabia> (дата обращения: 06.06.2025).

5 «Стройтрансгаз» начал строительство нефтепровода в Саудовской Аравии // РИА Новости. – 2007. – 23 октября. – URL: <https://ria.ru/20071023/85153601.html> (дата обращения: 06.06.2025).

между Правительством Российской Федерации и Правительством КСА об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доход и капитал, которая была ратифицирована в 2009 г. и вступила в силу в 2010 г.⁶ Также на третьем заседании Российско-Саудовской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству 18 июня 2010 г. министр энергетики С.И. Шматко (2008–2012) и руководитель Главного инвестиционного управления КСА (SAGIA) Амр ад-Даббаг (2004–2012) определили в качестве приоритетного направления топливно-энергетическую сферу⁷.

Таким образом, период 2003–2009 гг. стал значимым этапом в развитии российско-саудовских отношений, в ходе которого были заложены институциональные основы для последующего углубления сотрудничества в энергетической сфере. Несмотря на сохранявшиеся политические разногласия, унаследованные с 1990-х – начала 2000-х годов, созданные механизмы двустороннего взаимодействия обеспечили возможность эффективной координации действий России и Саудовской Аравии на глобальном нефтяном рынке. Данная тенденция проявилась даже в условиях кризисных явлений 2008–2009 гг., что свидетельствует о наличии у сторон совпадающих интересов и обюдной заинтересованности в поддержании стабильности энергетических рынков.

Геополитические разногласия и экономическое взаимодействие

Обострение ряда международных кризисов в начале 2010-х годов, несмотря на достигнутый к концу 2000-х прогресс, создало ряд существенных трудностей для дальнейшего развития российско-саудовских отношений. Одной из ключевых проблем стало расхождение позиций по событиям «арабской весны». Эр-Рияд руководствовался логикой сдерживания влияния в регионе, с одной стороны, Ирана и лояльных ему шиитских сил, а с другой – «Братьев-мусульман»⁸, действовавших при поддержке Катара и Турции [Косач, 2015, с. 56–57]. Россия, в свою очередь, заняла pragматичную позицию, последовательно выступая против вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Наиболее ярко расхождения в подходах Москвы и Эр-Рияда к проблемам Ближнего Востока проявились в контексте Сирии. Еще до начала военной операции в сентябре 2015 г. Россия оказывала Башару Асаду дипломатическую поддержку, блокируя антисирийские резолюции в Совете Безопасности ООН. Саудовская Аравия же с самого начала гражданского конфликта в САР выступала против режима Б. Асада. Как отметил в своей монографии А.М. Васильев, Эр-Рияд сохранил враждебное отношение к официальному Дамаску даже после того, как главари ИГИЛ⁹, захватив Ракку в августе 2013 г., заявили, что «под-

⁶ КОНВЕНЦИЯ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ КОРОЛЕВСТВА САУДОВСКАЯ АРАВИЯ ОБ ИЗБЕЖАНИИ ДВОЙНОГО НАЛГООБЛОЖЕНИЯ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ УКЛОНЕНИЯ ОТ НАЛГООБЛОЖЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НАЛОГОВ НА ДОХОД И КАПИТАЛ // МИД России. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45740/(дата обращения: 06.06.2025).

⁷ Политические отношения // Посольство РФ в КСА. – URL: <https://riyadh.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/>(дата обращения: 06.06.2025).

⁸ Движение запрещено в Российской Федерации.

⁹ Организация запрещена в Российской Федерации.

линной столицей будущего халифата станет Мекка» [Васильев, 2024, с. 604]. Однако позиция Саудитов здесь объясняется не поддержкой террористов (королевство само подвергалось их атакам в 2015–2016 гг.), а опасениями, связанными со сближением сирийского руководства с Ираном.

Тем не менее, вопреки геополитическим разногласиям вокруг сирийского конфликта и отношений с Ираном, Россия и Саудовская Аравия продолжили развивать координацию в нефтяной сфере. В частности, в 2014 г. обе страны столкнулись с одним общим и двумя индивидуальными вызовами. Общим вызовом стало резкое падение цен на нефть на фоне «сланцевой революции» в США: если в июне 2014 г. средние цены марки *Brent* превышали 115 долл. за баррель, то к концу 2014 г. котировки упали до 55,27 долл. за баррель¹⁰. Что касается индивидуальных вызовов, то для России таким стало санкционное давление со стороны Запада после возвращения Крыма, а для Саудовской Аравии – вхождение переговоров по ядерной программе Ирана в завершающую фазу¹¹.

Вопрос о статусе Крыма в российско-саудовских отношениях удалось нивелировать практически сразу. 20–21 июня 2014 г. глава МИД России С.В. Лавров встретился с саудовским коллегой Саудом аль-Фейсалом, генсеком Организации исламского сотрудничества (ОИС) Иядом Мадани и наследным принцем Салманом Абд аль-Азизом в Джидде¹². По итогам

встречи саудовское руководство подтвердило стремление к укреплению связей с Россией, а ОИС заняло условно нейтральную позицию по Крыму, ограничившись лишь выражением обеспокоенности положением крымско-татарского меньшинства и призывом к Москве пересмотреть позицию в отношении Косова [Косач, 2020, с. 114–115].

Вместе с тем после первого падения цен на нефть осенью 2014 г. Саудовская Аравия, традиционно игравшая в ОПЕК роль «стабилизирующего производителя», отказалась сокращать добычу с расчетом вытеснить с рынка американских сланцевых операторов и ослабить других экспортеров нефти. Причиной тому послужил провал в июне 2014 г. очередной встречи картеля, которая, по словам тогдашнего министра нефти КСА Али ан-Наими (1995–2016 гг.), стала «худшей за всю историю ОПЕК», а «участники просто не слушали друг друга» [Уолд, 2021, с. 232]. Тем не менее участники, вероятно, не слушали самого ан-Наими, предлагавшего отойти от традиционной системы квот и настаивавшего на том, что участники организации не должны снижать производство, пока этого не сделают государства, не входившие в ОПЕК.

В ноябре 2014 г. должна была состояться еще одна встреча ОПЕК. За два дня до нее Али ан-Наими при Рафаэле Рамиресе, занимавшем пост министра энергетики Венесуэлы (2002–2014), провел закрытые переговоры с мексиканским госсекретарем по энерге-

10 Динамика цен на нефть с 2014 года. Досье // ТАСС. – 2017. – 27 октября. – URL: <https://tass.ru/info/3315320> (дата обращения: 06.06.2025).

11 Iran nuke talks face obstacles even with more time // Associated Press. – 2014. – November 25. – URL: https://web.archive.org/web/20141129130025/http://hosted.ap.org/dynamic/stories/I/IRAN_NUCLEAR_TALKS?SITE=AP&SECTION=HOME&TEMPLATE=DEFAULT&CTIME=2014-11-24-07-58-13 (дата обращения: 06.06.2025).

12 Выступление и ответ на вопрос СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам визита в Саудовскую Аравию, Джидда, 21 июня 2014 года // МИД РФ. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1613349/ (дата обращения: 06.06.2025).

тике Педро Хоакином Колдуэллом, министром энергетики Российской Федерации А.В. Новаком и главным исполнительным директором компании «Роснефть» И.И. Сечиным¹³. Достоверных сведений о содержании переговоров нет. Запланированный брифинг по итогам был отменен, состоялся лишь пресс-подход Р. Рамиреса. Однако в своих мемуарах ан-Наими писал, что его целью было добиться совместного сокращения, а Россия и Мексика надеялись, что Саудовская Аравия заявит им о «серезном сокращении своего производства» [Naimi, 2016, р. 266].

Так или иначе, избранная Эр-Риядом тактика оказалась контрпродуктивной, так как бюджетный дефицит КСА в 2015 г. достиг рекордных показателей: ВВП королевства упал до 669,5 млрд долл. с 766,6 млрд долл. в 2014 г.¹⁴, а Россия, несмотря на валютный кризис 2014–2015 гг., смогла адаптироваться к сложившейся ситуации за счет оперативных мер Центрального банка и Правительства Российской Федерации по стабилизации экономики [Матвеевский, Надтока, Коленко, 2023, с. 11], хотя, по данным ФТС, в 2015 г. доходы от экспорта нефти по сравнению с 2014 г. сократились почти на 42%¹⁵. При этом обе страны фактически оказались в то время на грани «ценовой войны», что наглядно продемонстрировало взаимозависимость крупных нефтяных держав, и впоследствии Москва и Эр-Рияд пересмотрели свои стратегии в пользу поиска новых способов координации на глобальном рынке, что привело к созданию формата ОПЕК+.

Эволюция нефтяной координации и визит короля в Москву

В 2015 г. произошли два значимых события, существенно повлиявших на развитие российско-саудовских отношений. 23 января скончался король Абдалла ибн Абд аль-Азиз, и престол занял Салман ибн Абд аль-Азиз. С этого момента началось возвышение его любимого сына – Мухаммада ибн Салмана, который в 2017 г. был провозглашен наследным принцем и в 2022 г. занял пост премьер-министра, став фактическим правителем королевства. В начале 2016 г. Мухаммад ибн Салман презентовал масштабную программу реформ «Видение: 2030», определившую современный вектор развития КСА. Вместе с тем Россия 30 сентября 2015 г. начала военную операцию в Сирии, что еще больше обострило геополитические разногласия между Москвой и Эр-Риядом. Тем не менее, несмотря на противоречия по региональным вопросам, именно этот период стал отправной точкой для формирования новой модели нефтяной координации между двумя странами.

Переломным моментом стало решение о создании нового формата сотрудничества стран – экспортёров нефти – ОПЕК+. Впервые инициатива по расширению формата сотрудничества была озвучена в феврале 2016 г. Али ан-Наими во время встречи с министром энергетики России А.В. Новаком в Дохе. Предложение заключалось в идеи создания широкой коалиции, объединяющей как членов ОПЕК,

13 Reuters сообщил о визите Сечина в Вену перед саммитом ОПЕК // РБК. – 2014. – 17 ноября. – URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/11/2014/546a43facbb20f75ba4e1188> (дата обращения: 06.06.2025).

14 Saudi Arabia Trade Summary 2015 // World Integrated Trade Solution (WITS). – 2015. – URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/SAU/Year/2015/Summarytext> (дата обращения: 06.06.2025).

15 ФТС: доходы РФ от экспорта нефти в 2015 году снизились на 41,8% // ТАСС. – 2016. – 5 февраля. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/2643763> (дата обращения: 06.06.2025).

так и другие крупные нефтедобывающие страны, для совместного регулирования объемов добычи. Однако первый раунд переговоров, по словам А.В. Новака, провалился из-за «разных подходов к условиям соглашения» и недостаточного представительства (в частности, из-за отсутствия Ирана)¹⁶. Тем не менее 30 ноября 2016 г. состоялся второй раунд переговоров в Вене, где 13 членов ОПЕК и 11 приглашенных государств (Россия, Азербайджан, Бахрейн, Бруней, Казахстан, Малайзия, Мексика, Оман, Судан, Экваториальная Гвинея¹⁷ и Южный Судан) договорились сократить совокупный уровень добычи почти на 1800 тыс. баррелей в сутки¹⁸.

Данное решение было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в начале 2016 г. из-за острых разногласий среди членов ОПЕК относительно целевых квот и снятия части санкций с Ирана цены на нефть обрушились до минимума 2003 г. – на пике падения стоимость барреля нефти марки *Brent* составляла 28,94 долл.¹⁹ Во-вторых, изменение позиции США на мировом нефтяном рынке после успеха «сланцевой революции» требовало от членов ОПЕК новых подходов к стабилизации рынка. В-третьих, усиление конкуренции в отношении возобновляемых источников энергии и электромобилей создавало долгосрочные риски для традиционных нефтедобывающих стран, что весьма серьезно при стратегическом планировании воспринимают монархии Персидского залива, особенно Саудовская Аравия и ОАЭ [Raydan, 2025].

Важную роль в формировании формата ОПЕК+ сыграли перемены в отношениях между Саудовской Аравией и США. В период второго президентского срока Барака Обамы (2013–2017) из-за «ядерной сделки» с Ираном 2015 г. и споров по вопросам ближневосточных конфликтов (прежде всего в Сирии и Йемене) возникли первые трещины в традиционном союзе между Эр-Риядом и Вашингтоном [Cook, 2019]. Особенно остро Саудиты восприняли обсуждение в Конгрессе США закона, который позволил бы семьям жертв терактов 11 сентября 2001 г. подавать иски против правительства КСА. В ответ на это глава саудовского МИД Адель аль-Джубейр в ходе своего визита в Вашингтон пригрозил тем, что Эр-Рияд в случае принятия закона может продать свои американские активы, чтобы избежать их заморозки [Останин-Головня, 2022, с. 59].

Всё это побудило Саудовскую Аравию искать новые возможности для международного партнерства, в том числе с Россией, несмотря на сохраняющиеся геополитические разногласия. Формат ОПЕК+ для Саудитов стал оптимальным решением, так как предполагал лишь расширение уже имеющихся связей, без грубого нарушения традиционных отношений с США. Тем более что новый формат продемонстрировал свою эффективность: уже к середине 2017 г. цены на нефть стабилизировались в диапазоне 45–50 долл. за баррель, а к концу 2018 г. достигли отметки 70 долл.

16 Новак назвал причину провала переговоров по «заморозке» добычи нефти // РИА Новости. – 2016. – 18 апреля. – URL: <https://ria.ru/20160418/1413799014.html?in=t> (дата обращения: 06.06.2025).

17 Вшла в состав ОПЕК в 2017 г.

18 История переговоров ОПЕК+ о стабилизации нефтяного рынка // ТАСС. – 2024. – 1 июня. – <https://tass.ru/info/8665041> (дата обращения: 06.06.2025).

19 Динамика цен на нефть с 2014 года. Досье // ТАСС. – 2017. – 27 октября. – URL: <https://tass.ru/info/3315320> (дата обращения: 06.06.2025).

за баррель²⁰. Успех соглашения способствовал укреплению российско-саудовских отношений, результатом чего стал первый государственный визит правящего монарха Саудовской Аравии в Россию.

За время пребывания короля Салмана ибн Абд аль-Азиза в Москве с 5 по 8 октября 2017 г. было проведено несколько встреч саудовской делегации с руководством России, включая переговоры на высшем уровне. По итогам визита Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ) и королевский инвестиционный фонд *Public Investment Fund (PIF)* заключили пакет соглашений на общую сумму 2,1 млрд долл., из которых 1 млрд долл. был выделен на совместные проекты в энергетической сфере²¹, а «Газпром нефть» и *Saudi Aramco* подписали меморандум о расширении сотрудничества, подразумевающего не только развитие добывающей и обрабатывающей инфраструктуры, но и совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы²².

Примечательно, что приезду короля Салмана в Москву предшествовали переговоры 30 мая 2017 г. Мухаммада ибн Салмана с В.В. Путиным в российской столице, где президент России и наследный принц КСА обсуждали «сохранение достойных цен» на нефть в рамках соглашения ОПЕК+. Однако, несмотря на партнерскую атмосферу обеих встреч 2017 г., один из основных международных медиаресурсов

Саудовской Аравии – *Al Arabiya* – преподнес всё в таком ключе, что сотрудничество Москве было якобы нужнее, чем Эр-Рияду: «Король Салман, первый действующий монарх Саудовской Аравии, посетивший Россию, возглавил делегацию, которая прибыла в Москву для заключения совместных инвестиционных сделок на несколько миллиардов долларов, что обеспечило столь необходимые инвестиции для российской экономики, пострадавшей от низких цен на нефть и западных санкций»²⁴. Конечно, это не отражает официальную позицию руководства КСА, но в целом передает отношение саудовской общественности к России в тот период.

Пандемия и «ценовые войны»

Тем не менее самое трудное испытание российско-саудовскому сотрудничеству в нефтяной сфере выпало в 2020 г., в разгар пандемии *COVID-19*. В начале года произошел резкий спад спроса на нефть из-за введения карантинных мер по всему миру. По данным Международного энергетического агентства, мировое потребление нефти в апреле 2020 г. упало на 29 млн баррелей в сутки по сравнению с предыдущим годом²⁵. Это можно считать одной из основных причин начала «ценовой войны» между Россией и Саудовской Аравией, когда в марте 2020 г. перего-

20 Crude Oil Prices – Historical Chart // MacroTrends. – URL: <https://www.macrotrends.net/1369/crude-oil-price-history-chart> (дата обращения: 06.06.2025).

21 Итоги первого госвизита короля Саудовской Аравии в Россию // ТАСС. – 2017. – 8 октября. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4627597> (дата обращения: 06.06.2025).

22 «Газпром нефть» и *Saudi Aramco* подписали меморандум о сотрудничестве // Газпром нефть. – 2017. – 5 октября. – URL: <https://www.gazprom-neft.ru/press-center/news/gazprom-neft-i-saudi-aramco-podpisali-memorandum-o-sotrudnichestve/> (дата обращения: 06.06.2025).

23 Россию приглашают в «арабское НАТО». Зачем принц Мухаммед приезжал в Москву // РИА Новости. – 2017. – 31 мая. – URL: <https://ria.ru/20170531/1495450298.html> (дата обращения: 06.06.2025).

24 Saudi King Salman arrives in Riyadh after historic visit to Russia // Al Arabiya. – 2017. – October 8. – URL: <https://englishalarabiya.net/News/gulf/2017/10/08/Saudi-King-Salman-arrives-in-Riyadh-after-historic-visit-to-Russia> (дата обращения: 06.06.2025).

25 Global Energy Review 2020 // IEA. – 2020. – URL: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020/oil> (дата обращения: 06.06.2025).

воры о дополнительном сокращении добычи зашли в тупик.

При этом важно отметить, что весь комплекс причин имел не только экономический, но и политический характер. С экономической точки зрения обе страны стремились сохранить свои доли на глобальном рынке в условиях падающего спроса. Что касается политической стороны, то ситуация осложнялась давлением США, которые выступали за сохранение высокого уровня добычи для поддержки своих сланцевых компаний. Наиболее ярким примером давления Вашингтона на Саудовскую Аравию в тот период стала попытка сразу четырех нефтедобывающих штатов – Аляски, Северной Дакоты, Луизианы и Техаса – продвинуть законопроект о немедленном выводе американских войск с баз в КСА и сворачивании совместных программ в области безопасности, предлогом чему послужили обвинения Эр-Рияда в «ведении экономической войны против нефтяного сектора США» [Gramer, Johnson, 2020].

Так или иначе, «ценовая война» между Россией и Саудовской Аравией достигла своего пика весной 2020 г., когда после провала мартовских переговоров ОПЕК+ цена на нефть марки *Brent* упала до 20 долл. за баррель – минимального значения с 1999 г.²⁶, что сильно ударило по глобальному фондовому рынку. Однако уже через несколько недель Москва и Эр-Рияд вернулись к переговорам, понимая катастрофические последствия продолжения конфронтации. В результате был достигнут компромисс по историческому сокращению добычи на 9,7 млн баррелей в сутки в мае-июне 2020 г., когда Россия и Саудовская Аравия взяли на себя равные обязательства по взаимному сокращению на 2,5 млн баррелей²⁷.

Дальнейшее урегулирование кризиса стало возможным благодаря личным контактам между лидерами двух стран. Примечательно, что именно президент России В.В. Путин инициировал переговоры, обратившись напрямую к королю Салману ибн Абдуль-Азизу²⁸, что продемонстрировало особый характер российско-саудовских отношений, в которых, несмотря на существующие противоречия, сохраняется канал доверительной коммуникации на высшем уровне.

В целом же данный эпизод наглядно продемонстрировал, что отношения между Россией и Саудовской Аравией в нефтяной сфере могут развиваться посредством неформальных инструментов, включая личные контакты лидеров, в то время как многосторонние площадки (прежде всего ОПЕК+) служат механизмом взаимодействия с третьими странами в рамках уже достигнутых соглашений. Москва и Эр-Рияд в очередной раз доказали, что способны преодолевать кризисные ситуации и находить компромиссы даже в самых сложных условиях. Хотя «ценовая война» 2020 г. и стала серьезным испытанием как для двух стран, так и для ОПЕК+, ее быстрое урегулирование подтвердило жизнеспособность формата и готовность ключевых игроков к конструктивному диалогу.

26 Crude Oil Prices – Historical Chart // MacroTrends. – URL: <https://www.macrotrends.net/1369/crude-oil-price-history-chart> (дата обращения: 06.06.2025).

27 OPEC+ reaches deal to cut oil production by 9.7 million barrels per day // CNN. – 2020. – April 12. – URL: <https://edition.cnn.com/2020/04/12/energy/opec-deal-production-cut/> (дата обращения: 06.06.2025).

28 Russia's Putin, Saudi king discuss OPEC+ oil deal, COVID vaccine in call: Kremlin // Reuters. – 2020. – URL: <https://www.reuters.com/article/markets/currencies/russias-putin-saudi-king-discuss-opec-oil-deal-covid-vaccine-in-call-kremlidUSKBN25Y1BN/> (дата обращения: 06.06.2025).

Взаимодействие после начала СВО

Начало специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г. не стало серьезным испытанием для российско-саудовских отношений, как это было в случае с сирийским конфликтом, но можно сказать, задало их развитию новый импульс. Саудовская Аравия заняла условно нейтральную позицию, поддержав, с одной стороны, право Украины на суверенитет и территориальную целостность, а с другой – отказавшись присоединяться к санкциям Запада и продолжив развивать сотрудничество с Россией [Heibach, 2024, p. 671–672]. Однако подобный подход Эр-Рияда был обусловлен скорее pragматичными экономическими интересами, нежели политической конъюнктурой.

В частности, после того как США ввели эмбарго на российские энергоснабжающие, Джозеф Байден в телефонном разговоре обратился к лидерам Саудовской Аравии и ОАЭ с просьбой об увеличении уровня добычи нефти, но Мухаммад ибн Салман и Мухаммад ибн Заид Аль Нахайян отказали американскому президенту²⁹. Данное решение лидеров ведущих арабских монархий Залива было обусловлено прежде всего тем, что после начала СВО стоимость фьючерсов на марку *Brent* впервые с 2014 г. превысила отметку в 120 долл., что было крайне выгодно для Эр-Рияда и Абу-Даби с точки зрения постпандемийного восстановления эконо-

мики [Останин-Головня, 2020, с. 60]. К тому же КСА и ОАЭ были крайне недовольны одобрением в Конгрессе США акта *NOPEC* (*No Oil Producing and Exporting Cartels Act*), по которому американское правительство получило возможность подавать антимонопольные иски против членов ОПЕК³⁰.

Ситуацию не спас даже официальный визит Байдена в Саудовскую Аравию, который, по словам самого президента, был направлен в первую очередь против роста влияния России, Китая и Ирана на Ближнем Востоке³¹, так как по итогам встречи Саудиты согласились увеличить добычу нефти лишь на 1 млн баррелей в сутки, да и то после обсуждения вопроса на саммите ОПЕК+ при непосредственном участии Российской Федерации. Однако, вопреки ожиданиям Белого дома, 5 октября 2022 г. на встрече участников расширенного формата ОПЕК было принято решение об очередном снижении уровня добычи – на 2 млн баррелей в сутки³². При этом решение было поддержано лично Мухаммадом ибн Салманом, который провел телефонные переговоры с В.В. Путиным накануне саммита.

Таким образом, сохранение координации на мировом рынке нефти и развитие личных контактов на высшем уровне придало российско-саудовским отношениям доверительный характер. В частности, на заседании Совместной Российской-Саудовской межправительственной комиссии, приуроченной к Российской энергетической неделе, в октябре 2023 г. А.В. Новак на встре-

29 Saudi, Emirati Leaders Decline Calls With Biden During Ukraine Crisis // The Wall Street Journal. – 2022. – March 8. – URL: <https://www.wsj.com/world/middle-east/saudi-emirati-leaders-decline-calls-with-biden-during-ukraine-crisis-11646779430> (дата обращения: 06.06.2025).

30 H. R.2393 – NOPEC // U.S. Congress. – URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/2393/text> (дата обращения: 06.06.2025).

31 Biden J. Why I'm going to Saudi Arabia // The Washington Post. – 2022. – July 9. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/07/09/joe-biden-saudi-arabia-israel-visit/> (дата обращения: 06.06.2025).

32 OPEC+ agrees deep oil production cuts, Biden calls it shortsighted // Reuters. – 2022. – October 4. – URL: <https://www.reuters.com/business/energy/opec-heads-deep-supply-cuts-clash-with-us-2022-10-04/> (дата обращения: 06.06.2025).

че с министром энергетики КСА Абд аль-Азизом ибн Салманом отметил эффективное развитие экономических отношений, взаимодействие по линии ОПЕК+ и поприветствовал присоединение Эр-Рияда к БРИКС³³. И хотя практических шагов по оформлению статуса члена БРИКС Саудовская Аравия по состоянию на июнь 2025 г. не предприняла, Россия, по заявлению су-шерпа в объединении П.Р. Князева, исходит из того, что королевство является полноценным участником с 1 января 2024 г.³⁴

Так или иначе, наиболее активно взаимодействие между Москвой и Эр-Риядом в 2024–2025 гг. развивалось не в рамках БРИКС, а по линии ОПЕК+ и на уровне личных контактов на высшем уровне. Важно отметить, что В.В. Путин и Мухаммад ибн Салман регулярно проводят телефонные переговоры перед саммитами расширенного формата ОПЕК, что способствует сохранению приверженности соглашениям по регулированию объемов добычи нефти. Такая практика постоянного диалога на высшем уровне демонстрирует особый характер российско-саудовских отношений, где, несмотря на существующие геополитические разногласия, сохраняется эффективный механизм координации по ключевым вопросам мирового нефтяного рынка.

* * *

В заключение можно сказать, что нефтяной фактор остается одним из фундаментальных элементов развития отношений между Россией и Саудовской Аравией на современном этапе. Несмотря на существенные геополитические расхождения по вопросам региональ-

ных процессов Ближнего Востока, обе страны осознают взаимные интересы на мировом энергетическом рынке, и их диалог в данной области продолжает поступательно развиваться. Формат ОПЕК+ стал удобной для Москвы и Эр-Рияда площадкой для координации нефтяной политики, что позволяет оказывать существенное влияние на рынок нефти даже в условиях глобальных кризисных явлений.

Важно отметить, что в современной внешней политике Саудовской Аравии прослеживается тенденция к формированию своего рода многовекторного курса. Эр-Рияд активно развивает связи с новыми экономическими партнерами, включая Россию, Индию и Китай. При этом королевство, несмотря на ряд существенных разногласий с администрациями Б. Обамы и Дж. Байдена, сохраняет приверженность традиционному стратегическому союзу с США, особенно в сфере безопасности. Российская Федерация, в свою очередь, интересует КСА преимущественно как экономический партнер в области энергетики, в которой имеются перспективы развития совместных проектов и инициатив не только в нефтяном комплексе, но также и в области атомной и водородной энергетики [Серегина, Галицкая, 2024, с. 146–147]. Такой подход позволяет Саудовской Аравии сохранять баланс и извлекать максимальную выгоду из взаимодействия как со старыми партнерами (прежде всего с США), так и с новыми (в частности, с Россией).

Перспективы развития российско-саудовских отношений в сред-

33 Александр Новак в рамках Российской энергетической недели провел заседание Совместной Российской-Саудовской межправительственной комиссии//Правительство России.– 2023.– 11 октября.–URL:<http://government.ru/news/49769>(дата обращения: 06.06.2025).

34 Су-шерпа России разъяснил статус участия Саудовской Аравии в БРИКС // РИА Новости. – 2025. – 11 февраля. – URL: <https://ria.ru/20250211/briks-1998526147.html> (дата обращения: 06.06.2025).

несрочной перспективе будут определяться прежде всего ситуацией на мировом нефтяном рынке и развитием ключевых процессов на Ближнем и Среднем Востоке. Учитывая текущие тенденции, можно сказать, что формат ОПЕК+, скорее всего, останется основным инструментом двустороннего взаимодействия, хотя такие площадки, как БРИКС, могут в перспективе дать новый импульс к созданию новых направлений сотрудничества. При этом личные контакты лидеров двух стран продолжат играть важную роль в нивелировании конфликтных ситуаций, урегулировании возникающих противоречий по международным проблемам и достижении компромиссов по вопросам регулирования объемов добычи нефти.

Список литературы

Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Религиозный фактор и мусульманское паломничество в российско-саудовских отношениях // Россия и мусульманский мир. – 2022. – № 2 (324). – С. 64–71. – DOI: 10.31249/rimm/2022.02.07.

Бакланов А. К 15-летию вступления России в ОИС // Международная жизнь. – 2020. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26846> (дата обращения: 06.06.2025).

Васильев А.М. История Саудовской Аравии : издание третье, расширенное и дополненное. – Москва : Наука, 2024. – 796 с.

Иванов А.С., Матвеев И.Е. Мировой энергетический рынок в условиях финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2009. – № 10. – С. 3–16.

Косач Г.Г. «Исламская» дипломатия России: Организация исламского сотрудничества // Религия и общество на

Востоке. – 2020. – № 4. – С. 96–126. – DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-96-126.

Косач Г.Г. Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «Арабской весны» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 3. – С. 50–62.

Матвеевский С.С., Надтока А.Э., Коленко А.М. Экономические кризисы в России 2014 и 2022 годов: причины и перспективы восстановления // Финансовые рынки и банки. – 2023. – № 4. – С. 9–15.

Останин-Головня В.Д. Нефтяной фактор в американо-саудовских отношениях на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – 2022. – № 3. – С. 53–66. – DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.

Серегина А.А., Галицкая Е.А. Перспективные направления энергетического сотрудничества России и Саудовской Аравии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – № 4. – С. 141–152. – DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-141-152.

Уолд Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на geopolитической карте мира / пер. с англ. – Москва : Альпина Паблишер, 2021. – 272 с.

Al-Naimi A. Out of the Desert: My Journey from Nomadic Bedouin to the Heart of Global Oil. – London : Portfolio Penguin, 2016. – 317 p.

Cook S.A. This Is the Moment That Decides the Future of the Middle East // Council on Foreign Relations. – 2019. – URL: <https://www.cfr.org/article/moment-decides-future-middle-east> (дата обращения: 06.06.2025).

Gramer R., Johnson K. How the Bottom Fell Out of the U.S.-Saudi Alliance // Foreign Policy. – 2020. – URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/23/saudi-arabia-trump-congress-breaking-point-relationship-oil-geopolitics/> (дата обращения: 06.06.2025).

Heibach J. Saudi Arabia's ambivalent stance on the Russia-Ukraine war: Balancing regime stability and equal sovereignty // Contemporary Security Policy. – 2024. – Vol. 45, N 4. – P. 670–683. – DOI: 10.1080/13523260.2024.2384006.

Raydan N. A New Energy Order in the UAE and Saudi Arabia // The Washington Institute for Near East Policy. – 2025. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/new-energy-order-uae-and-saudi-arabia> (дата обращения: 06.06.2025).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.05

The Oil Factor in Russian-Saudi Relations at the Present Stage

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA

Researcher, Department of Middle and Post-Soviet East
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5937-8786

CITATION: Ostanin-Golovnya V.D. (2025). The Oil Factor in Russian-Saudi Relations at the Present Stage. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 84–97 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.05

Received: 03.07.2025.

Revised: 05.09.2025.

ACKNOWLEDGMENT. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-01479, <https://rscf.ru/project/25-28-01479/>

ABSTRACT. The article analyzes the role of the oil factor in the development of Russian-Saudi relations at the present stage. It is shown that despite significant geopolitical differences between Moscow and Riyadh on key issues of the Middle East agenda, energy cooperation between the two countries continues to develop progressively. Particular attention is paid to the formation of the OPEC+ format, which has become an effective tool for coordinating the oil policies of the largest hydrocarbon exporters. The main stages of the development of bilater-

al relations are examined – from the early 2000s, when the parties overcame their first differences, to the COVID-19 pandemic, the beginning of the acute phase of the Ukrainian conflict and the subsequent crisis phenomena in the global oil market. The author emphasizes the special role of personal contacts between the leaders of Russia and Saudi Arabia in resolving emerging contradictions and reaching compromises on regulating oil production volumes. Riyadh's modern diplomatic strategy demonstrates a multi-vector approach, in which Russia is

positioned as an important partner in the energy sector, with significant influence on the global oil market.

KEYWORDS: Russia, Saudi Arabia, Russian-Saudi relations, oil factor, OPEC, OPEC+, Global South, energy diplomacy.

References

- Al-Naimi A. (2016). *Out of the Desert: My Journey from Nomadic Bedouin to the Heart of Global Oil*. London: Portfolio Penguin, 317 pp.
- Avatkov V.A., Ostanin-Golovnya V.D. (2022). Religious factor and Muslim pilgrimage in Russian-Saudi relations. *Russia and the Muslim World*. No. 2 (324), pp. 64–71 (in Russian). DOI: 10.31249/rimm/2022.02.07.
- Baklanov A. (2020). On the 15th anniversary of Russia's accession to the OIC. *International Affairs* (in Russian). Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/26846>, accessed 06.06.2025.
- Cook S.A. (2019). This Is the Moment That Decides the Future of the Middle East. *Council on Foreign Relations*. Available at: <https://www.cfr.org/article/moment-decides-future-middle-east>, accessed 06.06.2025.
- Gramer R., Johnson K. (2020). How the Bottom Fell Out of the U.S.-Saudi Alliance. *Foreign Policy*. Available at: <https://foreignpolicy.com/2020/04/23/saudi-arabia-trump-congress-breaking-point-relationship-oil-geopolitics/>, accessed 06.06.2025.
- Heibach J. (2024). Saudi Arabia's ambivalent stance on the Russia-Ukraine war: Balancing regime stability and equal sovereignty. *Contemporary Security Policy*. Vol. 45, issue 4, pp. 670–683. DOI: 10.1080/13523260.2024.2384006.
- Ivanov A.S., Matveev I.E. (2009). Global energy market in the context of the financial and economic crisis of 2008–2009. *Russian Foreign Economic Bulletin*. No. 10, pp. 3–16.
- Kosach G.G. (2015). Evolution of Saudi Arabia's foreign policy after the "Arab Spring". *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. No. 3, pp. 50–62 (in Russian).
- Kosach G.G. (2020). "Islamic" diplomacy of Russia: Organization of Islamic Cooperation. *Religion and Society in the East*. No. 4, pp. 96–126 (in Russian). DOI: 10.31696/2542-1530-2020-4-96-126.
- Matveevsky S.S., Nadtoka A.E., Kolenko A.M. (2023). Economic crises in Russia in 2014 and 2022: causes and recovery prospects. *Financial Markets and Banks*. No. 4, pp. 9–15 (in Russian).
- Ostanin-Golovnya V.D. (2022). The oil factor in US-Saudi relations at the present stage. *Geoconomics of Energy*. No. 3, pp. 53–66 (in Russian). DOI: 10.48137/26870703_2022_19_3_53.
- Raydan N. A New Energy Order in the UAE and Saudi Arabia. *The Washington Institute for Near East Policy*. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/new-energy-order-uae-and-saudi-arabia>, accessed 06.06.2025.
- Seregina A.A., Galitskaya E.A. (2024). Promising areas of energy cooperation between Russia and Saudi Arabia. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. No. 4, pp. 141–152 (in Russian). DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-141-152.
- Vasiliev A.M. (2024). *History of Saudi Arabia. Third edition, expanded and supplemented*. Moscow: Nauka, 796 pp. (in Russian).
- Wald E. (2021). *SAUDI, INC. The story of how Saudi Arabia became one of the most influential states on the geopolitical map of the world*. Moscow: Alpina Publisher, 272 pp. (transl. into Russian).

Панорама Африки и Ближнего Востока

УДК 339:327(1*AE::66/68)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

От торговли к geopolитике: трансформация роли ОАЭ в Африке южнее Сахары

Татьяна Сергеевна ДЕНИСОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Африки южнее Сахары Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН ул. Спиридоносова, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001 E-mail: tsden@hotmail.com ORCID: 0000-0001-6321-3503

Сергей Валерьевич КОСТЕЛЯНЕЦ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН ул. Спиридоносова, д. 30/1, г. Москва, Российской Федерации, 123001 E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com ORCID: 0000-0002-9983-9994

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисова Т.С., Костелянец С.В. От торговли к geopolитике: трансформация роли ОАЭ в Африке южнее Сахары // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 98–114.
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

Статья поступила в редакцию 15.03.2025.
Исправленный текст представлен 12.04.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

АННОТАЦИЯ. В конце 2010-х – начале 2020-х годов заметно расширилось присутствие в Африке, в том числе в странах Африки южнее Сахары (АЮС), так называемых средних дер-

жав: Турции, Ирана, Катара, Королевства Саудовская Аравия (КСА), Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) и других, – являющихся «центрами силы» в своих регионах и использую-

ищих конкуренцию между крупными государствами (Китаем, Индией, США, Францией и др.) в своих интересах. Они оказывают всё большее влияние на политическое и экономическое развитие африканских стран, участвуя в миротворческих миссиях и мирных переговорах, поддерживая дружественные им режимы, вмешиваясь в конфликтные ситуации, в том числе путем поставок оружия той или стороне в конфликте, а также увеличивая объемы инвестиций в наиболее важные для них отрасли африканской экономики и предоставляя большую помощь на цели развития. Одним из крупнейших геополитических игроков в Африке становится ОАЭ, активно развивающие многовекторное сотрудничество со странами континента. Благодаря географической близости и религиозной общности со многими государствами и народами Африки, а также большим объемам инвестиций и помощи в целях развития Эмираты превратились в одного из наиболее желательных партнеров стран континента, в том числе стран Африки южнее Сахары. Этому способствует и присоединение ОАЭ в 2024 г. к БРИКС. Вместе с тем, признавая позитивные эффекты экономического сотрудничества между Эмиратами и Африкой, авторы отмечают и негативные последствия вмешательства ОАЭ во внутренние дела стран континента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: страны АЮС, ОАЭ, экономическое сотрудничество, политические контакты, Красное море, военно-политические конфликты.

В 2000-е годы ОАЭ, прежде всего эмирят Дубай с его относительно ограниченными – по сравнению с Абу-Даби – запасами нефти, приступили

к диверсификации своей экономики и увеличению инвестиций в ненефтяные отрасли. Африка оказалась привлекательным местом для инвестирования из-за имеющихся на континенте обширных рынков и богатых природных ресурсов; особое место в дубайской схеме экономической экспансии занимал Африканский Рог – благодаря географической близости и существовавшим веками торговым и миграционным связям. Сначала эмирятские инвесторы использовали инвестиционные возможности в таких секторах, как инфраструктура, туризм и агробизнес, позже они расширили свою деятельность на горнодобычу, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и т.д. Сельскохозяйственное производство было особенно важным для ОАЭ, импортирующих более 85% продовольствия, из-за невозможности развивать агропроизводство на своей территории в связи с нехваткой пахотных земель и неподходящим климатом [Procopio, Šok, 2024, p. 4]. Кроме того, возраставший ввоз (легальный и контрабандный) золота из Африки способствовал быстрому росту в ОАЭ золотообрабатывающей промышленности и реэкспортной торговли драгоценным металлом.

После «арабской весны» 2011 г., охватившей Северную Африку и затронувшей Ближний Восток, африканская политика ОАЭ стала более ориентированной на решение многовекторных проблем безопасности. Обеспечение, благодаря сотрудничеству с соответствующими африканскими партнерами, продовольственной безопасности стало сопровождаться и в известной мере даже вытесняться интересами военно-политического свойства: стремлением к осуществлению контроля над торговыми путями от Красного моря

и Аденского залива до Индийского океана; противостоянием Эмиратов в стратегически важных районах Африки их геополитическим соперникам, также претендующим на статус региональных/мировых центров силы: Ирану, Катару, Турции, – и даже традиционному союзнику – Королевству Саудовская Аравия; борьбой с распространением радикального ислама, препятствующего экономической и политической модернизации монархий Персидского залива.

В последние годы ОАЭ заметно расширили свое присутствие в Африке, в том числе в странах АЮС, – настолько, что оно грозит ослабить позиции на континенте не только Европы и США, но и Китая. Эмираты всё больше позиционируют себя в качестве одного из главных инвесторов и торговых партнеров африканских стран и по примеру Китая в большей степени согласуют свою политику на континенте с решением важных для африканцев задач экономического развития, отодвигая, в отличие от Запада, на второй план вопросы демократии, защиты прав человека и надлежащего управления [Procopio, Čok, 2024, р. 2], хотя в 2010–2020-е годы всё чаще проявлялось стремление ОАЭ обусловить предоставление помощи африканцам поддержкой последними эмиратаских геополитических устремлений в регионах Ближнего Востока и на Чёрном континенте.

Представляя Африке большие объемы помощи на цели развития, ОАЭ не скрывают, что их подход к сотрудничеству с кем бы то ни было всегда зиждется на pragmatizme и удовлетворении интересов собственного – эмиратаского – населения. Партнеры же, зависимые от капиталов ОАЭ, получают свою долю прибыли от реализации различных проектов в обмен на лояльность и поддержку геополитических

амбиций Эмиратов – иногда вопреки национальным интересам.

Жесткий pragmatizm проявляется и в «миротворческой» деятельности ОАЭ в странах АЮС. С одной стороны, он оправдан, так как экономические отношения, безусловно, эффективней развиваются в условиях мира и стабильности; с другой, в случае Эмиратов, – тот же самый pragmatizm побуждает их занимать ту или иную сторону в конфликте, руководствуясь не идеологией и даже не религиозными соображениями, а исключительно собственной выгодой, не беспокоясь об интересах африканцев.

Африканской политике монархий Персидского залива посвящен ряд работ российских авторов [Васильев, 2022; Хайруллин, Коротаев, 2022; Хайруллин, Коротаев, 2023; Хромова, 2023], данная же статья нацелена на выявление как позитивных, так и негативных аспектов африканской политики ОАЭ.

Экономическая экспансия ОАЭ в страны АЮС

Хотя Эмираты торговали с африканскими народами на протяжении столетий, мировой финансовый кризис 2007 г. побудил их установить более прочные коммерческие связи с Африкой и нарастить объем инвестиций в экономику континента. К тому же замедление роста западных экономик сделало быстрорастущие экономики Африки привлекательным местом для капиталовложений: ОАЭ осуществили экономическую диверсификацию и сократили зависимость от нефти, расширив объем инвестиций в африканские рынки, когда в 2014 г. цены на нефть резко упали. В свою очередь, способность Эмиратов к реализации крупных инфраструктурных проектов становится мощной приманкой

для быстро развивающихся африканских государств¹. Общее религиозное – исламское – наследие также способствовало установлению более тесных связей, поэтому, когда Запад сократил объемы своей помощи Африке, некоторые африканские страны обратились за поддержкой к монархиям Персидского залива.

При этом в отличие, например, от Китая ОАЭ в основном движимы вопросами безопасности, в том числе продовольственной, в то время как китайские компании, как правило, направляются в страны, богатые природными ресурсами [Koku, Farha, 2020]. Отчасти сближение ОАЭ с Африкой было связано с рецессией, вызванной пандемией COVID-19. В результате в начале 2020-х годов стала очевидной уязвимость Эмиратов перед сбоями в глобальных цепочках поставок и чрезмерной зависимостью от импорта продовольствия. То есть монархия столкнулась с новой геополитической реальностью [Yousef, 2022], в которой сотрудничество с АЮС могло решить многие проблемы ОАЭ.

ОАЭ входят в десятку крупнейших импортеров сырьевых и других африканских товаров. Объем ненефтяной торговли между ОАЭ и Африкой достигает 25 млрд долл. в год. С середины 2010-х годов объем торговли неуглеводородной продукцией между ОАЭ и Африканским континентом вырос на 700%². В свою очередь, объем товарооборота между ОАЭ и странами АЮС увеличился с 28 млрд долл. в 2016 г. до 67 млрд долл. в 2022 г. (без учета торговли нефтью, которая остается значительной). Список основных африканских торго-

вых партнеров Эмиратов возглавляют Южно-Африканская Республика (ЮАР), Мали, Гана, Судан и Зимбабве. В импорте ОАЭ из Африки доминируют золото, другие драгоценные металлы и камни, главным образом алмазы. Благодаря этому импорту ОАЭ сохраняют позицию одного из мировых центров торговли драгоценными камнями.

Эмираты также вывозят из Африки медь и необходимые в производстве алюминия бокситы. Главными экспортерами последних в ОАЭ являются Гвинея, Демократическая Республика Конго (ДРК) и Республика Конго. В начале 2020-х годов Суверенный фонд благосостояния Абу-Даби *Mubadala* инвестировал около 5 млрд долл. в логистику и добывчу бокситов в Гвинею для поставок этого сырья крупнейшей алюминиевой компании ОАЭ *Emirates Global Aluminum* (EGA), которая заявляла о планах построить в Гвинею завод по переработке глинозема [Procopio, Čok, 2024, р. 6] (летом 2025 г. соглашение разорвано).

В конце 2023 г. компания *International Resources Holding* (IRH), входящая в крупнейший конгломерат ОАЭ *International Holding Company* и контролируемая советником по национальной безопасности и братом президента Тахнуном бен Зайдом Аль Нахайяном, заключила с замбийской компанией *Morani Copper Mines* сделку на сумму 1,1 млрд долл. по разработке месторождения меди. Кроме того, IRH планирует расширение горнодобывающих работ в Анголе, Бурунди, ДРК, ЮАР, Танзании и Зимбабве. В октябре 2023 г. базирующаяся в Абу-Даби компания *F9 Capital* и южноафриканская QGC подписали соглашение на эксплу-

1 The Gulf's 'New Scramble for Africa' // Internationalist 360°. – 2024. – July 18. – URL: <https://libya360.wordpress.com/2024/07/18/the-gulfs-new-scramble-for-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

2 The United Arab Emirates and Africa – partners in growth and job creation // Business Day. – 2023. – March 2. – URL: <https://www.businesslive.co.za/bd/opinion/2023-03-02-zhann-meyer-the-united-arab-emirates-and-africa-partners-in-growth-and-job-creation> (дата обращения: 04.03.2025).

атацию никелевых и медных рудников в ЮАР [Procopio, Čok, 2024, p. 18].

Расширение торговых потоков и необходимость обеспечения их безопасности стали главными (наряду с geopolитическими соображениями) стимулами к участию ОАЭ в развитии в Африке транспортной, прежде всего портовой, инфраструктуры. В общей сложности в 2010–2020-е годы Эмираты получили контроль примерно над 20 африканскими морскими портами, в основном благодаря компании *Dubai Port (DP) World*, которая начала свою деятельность в Африке после приобретения в 2006 г. британской логистической фирмы *P&O*³, что позволило ей получить концессии в портах Дакара (Сенегал), Мапуту (Мозамбик), Луанды (Ангола) и Дорале (Джибути, в 2017 г. концессия была аннулирована из-за связанных с *DP World* коррупционных скандалов⁴).

Экспансия компаний в странах АЮС начала набирать обороты с 2016 г., когда вмешательство ОАЭ в конфликт в Йемене и усиление geopolитической конкуренции с другими региональными игроками вынудили Эмираты применить более агрессивный подход к проблеме обеспечения контроля над красноморскими портами. *DP World* удалось получить концессии на расширение и эксплуатацию портов Бербера (Сомалиленд) и Босасо (Пунтленд). В настоящее время компания располагает семью морскими портами (в Анголе, Мозамбике, Сенегале, Танзании и тремя в Сомали, включая

де-факто самоуправляющиеся территории) и двумя сухими портами (терминалами) (в Руанде и ЮАР). Порт в устье реки Конго в ДРК возводился в 2022 г. и запущен в 2025 г.⁵

В феврале 2025 г. было подписано соглашение между *DP World* и правительствами Эфиопии и Сомалиленда, в соответствии с которым Аддис-Абеба становится одним из акционеров порта Бербера. *DP World* будет владеть 51% акций, Сомалиленд – 30%, а Эфиопия – оставшимися 19%. То есть благодаря ОАЭ Эфиопия в известной мере сможет решить важнейшую проблему на пути ее развития – отсутствие выхода к морю, и можно предположить, что подписанное соглашение, с одной стороны, приведет к большей сплоченности стран-партнеров в рамках БРИКС, с другой – усилит зависимость Эфиопии от отношений с ОАЭ.⁶

Интересно, что главным «оперником» *DP World* в Африке является эмирская же компания *Abu Dhabi Ports (ADP)*, которая контролируется *Abu Dhabi Developmental Holding Company PJSC* под председательством брата президента (советника по национальной безопасности) Тахнуна бен Зайда Аль Нахайяна. В 2013 г. *ADP* выиграла свою первую африканскую концессию на расширение и управление портом Камсар в Гвинее в партнерстве с *Mubadala* и компанией *Emirates Global Aluminiun*, которые инвестировали в добычу бокситов и нуждались в модернизации порта для отправки продукции в ОАЭ. К 2022 г. *ADP* совместно

3 DP World Primer // New Silk Road Monitor. – 2019. – June 5. – URL: <https://newsilkroadmonitor.com/2019/06/05/dp-world-primer> (дата обращения: 04.03.2025).

4 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

5 Tshisekedi launches construction of Congo's first deep-water port // Reuters. – 2022. – January 31. – URL: <https://www.reuters.com/world/africa/tshisekedi-launches-construction-congos-first-deep-water-port-2022-01-31> (дата обращения: 04.03.2025).

6 Ethiopia acquires 19% stake in DP World Berbera Port // Khaleej Times. – 2025. – February 14. – URL: <https://www.khaleejtimes.com/business/ethiopia-acquires-19-stake-in-dp-world-berbera-port> (дата обращения: 04.03.2025).

с Африканской финансовой корпорацией (*Africa Finance Corporation, AFC*; создана в 2007 г., инвестирует в африканскую инфраструктуру) вложила более 10 млрд долл. в инфраструктурные проекты в 37 африканских странах. *ADF* и *AFC* финансировали первую углеродно-нейтральную промышленную зону в Африке *Nkok Special Economic Zone*, благодаря которой Габон стал крупнейшим экспортёром деревянного шпона с ежегодным доходом 1 млрд долл., на производстве которого занято более 30 тыс. человек⁷.

Помимо Гвинеи, *ADF* изначально сосредоточилась на Египте и Африканском Роге, но затем стала распространять свою деятельность на весь континент. В частности, компания приобрела долю в эксплуатации терминала Луанды в Анголе, подписала 30-летнее концессионное соглашение с правительством Республики Конго на эксплуатацию многоцелевого терминала *New East Mole* в Пуэнт-Нуаре и меморандумы о взаимопонимании в портовой сфере с Эфиопией, Мадагаскаром, Мавриkiem и Суданом [*Procopio, Čok, 2024, p. 10*].

С 2015 г. ОАЭ заключили или ратифицировали двусторонние договоры с большинством африканских государств, распределяя инвестиции между сельским хозяйством, гостиничным бизнесом, нефтегазовой отраслью, инфраструктурой, горнодобычей, ИКТ и зеленой энергетикой. С 2016 по 2020 г. ОАЭ вложили в Африку 23,8 млрд долл., будучи тогда вторым (наряду с США) или третьим по ве-

личине на континенте инвестором, уступившим только Китаю. В страны Африки южнее Сахары примерно за тот же период (с 2016 по 2021 г.) Эмираты вложили 1,2 млрд долл.⁸ В 2019–2023 гг. суммарная стоимость инвестиционных проектов эмирятских компаний в Африке достигала 110 млрд долл., что сделало ОАЭ в те годы крупнейшим иностранным инвестором на континенте⁹. В 2022 г. Эмираты инвестировали в Чёрный континент в общей сложности 50 млрд долл. – в 2 раза больше, чем Франция, и в 7 раз больше, чем США. Основными получателями эмирятских средств оказались Египет и ЮАР [*Procopio, Čok, 2024, p. 9*].

В настоящее время ОАЭ реализуют наибольшее число инвестиционных проектов в АЮС – 55, причем 45 из них являются проектами государственных предприятий [*Koku, Farha, 2020*].

Как уже было сказано, инвестиции ОАЭ сосредоточены во многих областях. Например, телефонная компания *Etisalat* (недавно переименованная в *e&*, основной акционер *Vodafone*) присутствует в 11 африканских странах. В горнодобывающей сфере правительство ДРК в декабре 2022 г. заключило соглашение с компанией *Primera Gold* (Абу-Даби), 55% которой принадлежат Абу-Даби и 45% – ДРК, в целях добычи и экспорта золота из восточных районов Конго. Кроме того, ведутся переговоры о расширении соглашения на эксплуатацию других полезных ископаемых, имеющих высокую стратегическую ценность, таких как колум-

⁷ AD Ports Group Signs Collaboration Agreement with Africa Finance Corporation // AD Ports Group. – 2022. – December 7. – URL: <https://www.adportsgroup.com/en/news-and-media/2022/12/07/ad-ports-group-signs-collaboration-agreement-with-africa-finance-corporation> (дата обращения: 04.03.2025).

⁸ The United Arab Emirates and Africa – partners in growth and job creation // Business Day. – 2023. – March 2. – URL: <https://www.businesslive.co.za/bd/opinion/2023-03-02-zhann-meyer-the-united-arab-emirates-and-africa-partners-in-growth-and-job-creation> (дата обращения: 04.03.2025).

⁹ UAE becomes Africa's biggest investor amid rights concerns // The Guardian. – 2024. – December 24. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/24/uae-becomes-africa-biggest-investor-amid-rights-concerns> (дата обращения: 04.03.2025).

бит и танталит¹⁰ [Kohnert, 2023b, p. 15]. В 2023 г. *Primera Group* объявила об инвестировании 1,9 млрд долл. в государственную конголезскую компанию *Société Aurifère du Kivu et du Maniema* для получения на 25 лет эксклюзивных прав на добычу и экспорт олова, тантала, вольфрама и золота, добываемых в восточной части ДРК¹¹.

Государственные нефтегазовые фирмы *Abu Dhabi National Oil Corporation* (*ADNOC*) и *Emirates National Oil Company* (*ENOC*) инвестируют в странах АЮС в переработку нефти и газа, одновременно расширяя экспорт нефтепродуктов и поддерживая государства региона в удовлетворении ими своих энергетических потребностей. Например, когда в 2023 г. из-за высоких цен на нефть Кения столкнулась с дефицитом топлива, *ADNOC* и *ENOC* предоставили ей нефтепродукты в кредит [*Procopio, Čok*, 2024, p. 13].

Эмираты становятся всё более привлекательным партнером для африканских стран и в области так называемого зеленого перехода. При этом в отличие от стран Европейского союза, выступающих за быстрый отказ от ископаемого топлива, ОАЭ отдают предпочтение «постепенному его вытеснению», что, безусловно, объясняется нежеланием крупной нефтедобывающей страны отказываться от больших экспортных доходов. Тем не менее, чтобы оставаться «в тренде», в 2023 г. Эмираты приступили к реализации программы *Etihad 7*, нацеленной на обеспечение к 2035 г. 100 млн африканцев чистой энергией.

Финансирование осуществляется эмираторскими компаниями *Masdar*, *AMEA Power*, Фондом развития Абу-Даби и *Etihad Credit Insurance*. В том же 2023 г. ОАЭ выделили 4,5 млрд долл. на поддержку африканских экономик в процессе зеленого перехода¹². Естественно, приход ОАЭ на континент в качестве крупного финансиста весьма привлекателен для африканских стран, давно критикующих Глобальный Север за несоблюдение обязательств по поддержке энергетического перехода Африки.

Однако есть и другая сторона медали. Наряду с Саудовской Аравией и Катаром ОАЭ являются одним из основных приобретателей крупных африканских земельных массивов и владеют большими участками в Нигерии, Намибии, Марокко и Гане; в Судане эмираторские инвесторы приобрели более 400 тыс. га¹³.

В свою очередь, *Blue Carbon* – частная компания шейха Ахмеда аль-Мактума, члена правящей семьи Дубая, – подписала соглашения о контроле над обширными участками земли, площадь которых достигает 10% суши в Либерии, Замбии и Танзании и 20% в Зимбабве. Предполагалось использовать эту землю для реализации проектов по компенсации выбросов углерода – всё более популярной практики, которая, по утверждениям ее сторонников, поможет справиться с климатическими изменениями. Однако африканские экологические и правозащитные организации осудили «захват земель во имя смягчения климатических по-

10 Abu Dhabi's grand gold and coltan designs in the DRC // Africa Intelligence. – 2023. – April 6. – URL: <https://www.africaintelligence.com/central-africa/2023/04/06/abu-dhabi-s-grand-gold-and-coltan-designs-in-the-drc,109932235-eve> (дата обращения: 04.03.2025).

11 UAE signs \$ 1.9bn mining deal with the Democratic Republic of Congo // Mining Technology. – 2023. – July 18. – URL: <https://www.mining-technology.com/news/uae-congo-mining-deal> (дата обращения: 04.03.2025).

12 UAE: A catalyst for the development of African countries // UAE News. – 2022. – August 23. – URL: <https://uaetimes.ae/uae-a-catalyst-for-the-development-of-african-countries> (дата обращения: 04.03.2025).

13 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

следствий» – прежде всего потому, что он требовал переселения местных общин. Например, в Восточной Кении община огиек была изгнана в ноябре 2023 г. из мест ее обитания после переговоров между кенийскими властями и *Blue Carbon*, вызвавших недовольство населения. Протесты вспыхнули и в Либерии, где их участники утверждали, что проект *Blue Carbon* не только нарушает земельные права коренных народов, закрепленные в либерийском законодательстве, но и разрушает экологию страны¹⁴.

То есть ОАЭ, позиционирующие себя активными защитниками африканского населения и африканской природы, о чем якобы свидетельствовали проведение в 2023 г. в Дубае очередной (28-й) Конференции ООН по изменению климата, приверженность Эмирата зеленому энергетическому переходу, их участие в климатических инициативах АЮС и проектах по использованию возобновляемой энергии, когда речь идет о коммерческих выгодах, отодвигают экологические и социальные проблемы на второй план.

Справедливости ради следует отметить, что привлекательность сотрудничества с ОАЭ для африканских стран обусловлена и тем, что скорость передачи Эмирата средств на реализацию того или иного проекта резко контрастирует с долгими процессами консультаций и перевода финансов из Европы, особенно из государственных источников. Кроме того, предприниматели из ОАЭ демонстрируют большую, нежели европейские и американские бизнесмены, склонность к риску, что позволяет им поддерживать проекты, от которых западные компании обычно уклоняются; арабы же поддерживают инициативы, которые могут окунуться в будущем.

Между тем разные уровни экономического развития Эмирата и стран АЮС позволяют ОАЭ оказывать давление на принимающие страны, влиять на их внутреннюю и внешнюю политику и создавать ощущение зависимости, которое зачастую сложно преодолеть [Mwangi, 2024].

ОАЭ как политический «партнер» африканских стран

Экономические успехи ОАЭ в странах АЮС в известной мере маскируют их стремление к усилению политического влияния на Ближнем Востоке и в Африке. Более того, религиозная общность со странами, например, Африканского Рога в основном используется для агрессивного вмешательства в их внутренние дела [Kourgiotis, 2020].

ОАЭ рассматривают безопасность, в том числе судоходства на Красном море, как гарантию внутренней политической стабильности, безопасности и удовлетворения экономических интересов. Именно этим целям служит расширение Эмирата своего политического влияния на обоих берегах стратегически важной акватории. Кроме того, ОАЭ рассматривают Африку и, в частности, регион АЮС как своего рода полигон для исследования различных видов вмешательства, способствующих укреплению статуса ОАЭ как регионального или даже мирового центра силы. Для этого они открывают новые посольства, все чаще выступают в качестве важных игроков в делах континента и позиционируют себя как не-примиримых борцов с терроризмом и исламским экстремизмом.

До середины 2010-х годов отношения ОАЭ со странами АЮС были преимущественно сосредоточены на пре-

14 The Gulf's 'New Scramble for Africa' // Internationalist 360°. – 2024. – July 18. – URL: <https://libya360.wordpress.com/2024/07/18/the-gulf-s-new-scramble-for-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

доставлении официальной помощи развитию (ОПР). Блокада и разрывы в 2017 г. дипломатических отношений с Катаром (поддерживавшим исламистов в лице «Братьев-мусульман»¹⁵), противостояние с Турцией и другие ближневосточные события привели к кризису в регионе Персидского залива – столь важному для африканских партнеров «восходящих азиатских держав», что этим событиям и возможной реакции на них в январе 2018 г. был посвящен специальный саммит Африканского союза, отчасти потому, что именно Африка стала регионом, в котором с особой силой столкнулись интересы ее ближневосточных партнеров. При этом Турция, хотя и выделяет мусульманским странам не меньшие, а зачастую и большие объемы ОПР, нежели Эмираты, она, не будучи арабской страной, в меньшей степени могла использовать фактор религиозно-культурной близости с африканскими государствами, такими как Сомали, Эритрея и Судан, где арабское влияние устанавливалось веками [Mugurtay, Muftuler-Bac, 2022].

Следует отметить, что принципы распределения Эмиратами ОПР заметно отличаются от подобных действий не только Запада, но и Китая. Представление ОАЭ помощи африканским странам сопровождается подписанием с ними военных соглашений, благодаря чему Эмираты заметно расширили свое присутствие на Африканском Роге, прежде всего в Эритрее, Джибути, Сомалиленде и Сомали. Главным мотивом подобной активизации ОАЭ во второй половине 2010-х годов стала война с Йеменом, которая началась в 2014 г. и

в которую в той или иной степени оказались вовлечеными страны не только Африканского Рога, но и некоторые государства Восточной Африки: в 2020 г. Абу-Даби вел переговоры с Кампалой относительно отправки в Йемен угандийских солдат [Heibach, 2020].

Конфликт в Йемене сделал регион Африканского Рога зоной особого внимания ОАЭ. В начале конфликта власти Эмиратов были встревожены маневрированием повстанцев-хуситов вокруг Баб-эль-Мандебского пролива, через который проходят торговые маршруты Эмиратов¹⁶. Чтобы обезопасить их путем военного развертывания на юеменском побережье, ОАЭ пришлось положиться на своих африканских партнеров, главным из которых сначала было государство Джибути, которое в 2008 г. доверило DP World управление портом Дорале. Однако во второй половине 2010-х годов из-за коррупционных скандалов двусторонние отношения ухудшились и DP World была изгнана из Джибути¹⁷, после чего Эмираты начали использовать эритрейский порт Асэб, где, в частности, для BBC ОАЭ была построена взлетно-посадочная полоса [Костелянец, 2016]. В разгар участия Эмиратов в юеменском конфликте база Асэб стала плацдармом для военных операций в Адене (2015), Мукалле (2016) и Ходейде (2018).

Хотя Эмираты, как и другие монархии Персидского залива, имеют исторические связи с Африканским Рогом, в том числе благодаря масштабным миграциям африканцев в ОАЭ, в последние годы важным компонентом их африканской политики стала борьба

15 Организация запрещена в России.

16 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

17 Ibid.

с исламистскими структурами, прежде всего с «Братьями-мусульманами».

Потрясения на Ближнем Востоке – подъем «Исламского государства»¹⁸, крах режима Муаммара Каддафи в Ливии, падение правительства Башара Асада в Сирии, нестабильность в Египте и опасения по поводу растущего влияния Ирана в регионе – сформировали в некоторых монархиях Персидского залива своего рода осадный менталитет. ОАЭ, как и КСА, начали воспринимать распространение радикального ислама в Азии и Африке как экзистенциальную угрозу, особенно важную в связи с тем, что конфликты в арабском мире становятся всё более взаимосвязанными и события в одной стране перекидываются на другие¹⁹. Отчасти именно поэтому ОАЭ пытаются реализовать в странах АЮС то, что некоторые исследователи называют «египетской моделью», предполагающей комплексную – дипломатическую, военную и финансовую – поддержку режимов, которые рассматриваются Эмиратаами в качестве наиболее способных сдерживать исламистскую угрозу [Guijarro, 2023, р. 7]. В результате ОАЭ начали постепенно отказываться от «китайской» модели сотрудничества, отличающейся невмешательством во внутренние дела партнеров, и ставить предоставление ОПР и инвестиций в зависимость от степени поддержки африканскими странами эмирской антиисламистской повестки.

Отчасти в этом ключе можно рассматривать действия ОАЭ в Судане.

В 2019 г. Эмираты оказали финансовою помощь оппозиции и суданским антиправительственным вооруженным группировкам в свержении многолетнего президента страны Омара аль-Башира и его исламистского правительства, тем самым в известной мере спровоцировав начало в 2023 г. гражданской войны [Kohner, 2023a], основными участниками которой стали Суданские вооруженные силы (СВС) и военизированные Силы быстрой поддержки (СБП), которым ОАЭ поставляют через Чад стрелковое оружие, боеприпасы, минометы, беспилотные боевые летательные аппараты и зенитные ракеты²⁰. Впрочем, поддержка СБП Эмиратаами объясняется и тем, что с контролируемыми ими территорий в ОАЭ поступает часть добываемого там золота [Sharp, 2024, р. 18]. Между тем, отрицая свою помощь СБП, Эмираты указывают на то, что с 2023 г. они предоставили Переходному совету Абделя Фаттаха аль-Бурхана помочь в размере 200 млн долл.²¹ То есть защита собственных интересов даже в ущерб африканским народам становится главным принципом внешней политики ОАЭ.

Между тем в попытке ослабить влияние своих региональных соперников в районах Красного моря и Африканского Рога ОАЭ начали проводить более активную политику в отношении соответствующих стран, в том числе немусульманских. В Эфиопии, например, этому способствовал приход в 2018 г. к власти нового премьер-ми-

18 Организация запрещена в России.

19 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

20 Full Text: UN Panel of Experts Report on Sudan // Sudan War Monitor. – 2024. – January 24. – URL: <https://martinplaut.com/2024/01/24/full-text-un-panel-of-experts-report-on-sudan> (дата обращения: 04.03.2025).

21 'Smoking gun' evidence points to UAE involvement in Sudan civil war // The Guardian. – 2024. – July 25. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/article/2024/jul/25/smoking-gun-evidence-points-to-uae-involvement-in-sudan-civil-war> (дата обращения: 04.03.2025).

нистра Абия Ахмеда, реформистские взгляды которого импонировали ОАЭ²². Эмираты укрепляли свои отношения с Эфиопией посредством официальных визитов, финансовой поддержки, а также путем содействия в подписании в 2018 г. мирного соглашения между Эфиопией и Эритреей, одновременно пообещав Аддис-Абебе помочь в размере 3 млрд долл., а Асмэре – лоббирование отмены международных санкций²³. Следует отметить, однако, что дипломатия ОАЭ, основанная на принципе «мир за деньги», не способствовала полной стабилизации эфиопско-эритрейских отношений²⁴. Кроме того, в ситуации с Эфиопией есть еще один аспект: расширение политического, экономического и военного присутствия ОАЭ в регионе в большей степени послужило укреплению позиций Эритреи – союзника Эмиратов в йеменском конфликте – и в известной мере подорвало усилия Аддис-Абебы по продвижению своего регионального лидерства [Feierstein, 2020, р. 10].

Но если дипломатия и помощь Эмиратов, а также Саудовской Аравии сыграли решающую роль в достижении перемирия между Эфиопией и Эритреей, то в других местах страны Персидского залива сыграли менее конструктивную роль.

Как уже упоминалось выше, с июня 2017 г. страны Залива были разделены конфликтом между Катаром и «арабским квартетом» (Саудовская Аравия,

ОАЭ, Бахрейн и Египет), которые установили блокаду Катара. Считается, что главной причиной раскола было недовольство «квартета» поддержкой Дохой исламистских движений, прежде всего «Братьев-мусульман», на Ближнем Востоке и благосклонное отношение Катара к Ирану. Представляется, однако, что немалую роль могло сыграть и соперничество Катара и ОАЭ в борьбе за статус «крупнейшего финансового центра» региона [Booiyouri, Selmi, 2020].

Кризис в Персидском заливе 2017 г., в результате которого КСА, ОАЭ, Бахрейн и Египет разорвали отношения с Катаром, подтолкнул лидеров по обе стороны раскола к усилению своих альянсов, в том числе на Африканском Роге. Правительству Сомали, например, пришлось выбирать, кого из важных экономических партнеров поддержать: Доху или Абу-Даби. То есть растущее экономическое и военное присутствие монархий в регионе способствовало еще большей его дестабилизации²⁵. Лишь сближение между Катаром, КСА и ОАЭ в январе 2021 г., положившее конец блокаде Катара, позволило африканским странам улучшить свои отношения с обеими сторонами [Samaan, 2021].

То есть, с одной стороны, растущее присутствие ОАЭ в странах АЮС приносит такие выгоды, как расширение торговли, развитие инфраструктуры и достижение мирных соглашений между недавними противниками; с другой –

22 Ethiopia welcomes stronger ties with UAE // Gulf News. – 2018. – September 15. – URL: <https://gulfnews.com/uae/government/ethiopia-welcomes-stronger-ties-with-uae-1.1161671> (дата обращения: 04.03.2025).

23 Saudi Arabia and the UAE look to Africa // The Cairo Review of Global Affairs. – 2018. – December 13. – URL: <https://www.thecairoreview.com/tahrir-forum/saudi-arabia-and-the-uae-look-to-africa> (дата обращения: 04.03.2025); The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

24 Ethiopia acquires 19% stake in DP World Berbera Port // Khaleej Times. – 2025. – February 14. – URL: <https://www.khaleejtimes.com/business/ethiopia-acquires-19-stake-in-dp-world-berbera-port> (дата обращения: 04.03.2025).

25 The United Arab Emirates in the Horn of Africa // Crisis Group. – 2018. – November 6. – URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/united-arab-emirates/b65-united-arab-emirates-horn-africa> (дата обращения: 04.03.2025).

развиваются клиентские отношения, которые вынуждают африканские государства выбирать ту или иную сторону в ближневосточном конфликте²⁶: Джибути и Эритрея поддерживали блокаду Катара, Судан и Сомали постарались остаться нейтральными, а Эфиопия и Кения метались из одной стороны в другую [Heibach, 2020].

В 2020-е годы Эмираты усилили свое присутствие в зоне Сахеля, передав более 30 млн долл. боровшейся с исламистами группе *G5 Sahel*. Они также создали Колледж обороны *G5 Sahel* в Нуакшоте и финансируют проекты по развитию военного потенциала местных армий [Guijarro, 2023, p. 11].

Заключение

Можно выделить несколько факторов, предопределивших рост в 2010–2020-е годы интереса ОАЭ к Африканскому континенту. Прежде всего, Эмиратаам необходимо было укрепить свою экономику после шока, вызванного пандемией *COVID-19*, затронувшей такие важные для арабских государств Залива отрасли, как авиация, логистика и туризм, а также падением цен на нефть. Именно поэтому они начали отдавать приоритет внешнеэкономическим связям, и Африка с ее потребительским рынком более чем в 1 млрд человек, растущим средним классом, неудовлетворенными потребностями в инфраструктуре (в том числе энергетической и транспортной) и богатыми природными ресурсами предоставила ОАЭ массу возможностей.

Кроме того, призывы Запада к зеленому переходу вызвали у стран Персидского залива опасения по поводу долгосрочной значимости нефтедобы-

вающих стран на фоне усилившегося вывоза Китаем из Африки стратегических минералов. Всё это побудило ОАЭ расширить свое участие в ненефтяных секторах, в том числе в производстве возобновляемой энергии и новых технологий. Африка, благодаря ее солнечному и ветровому потенциалу, а также большим запасам полезных ископаемых, необходимых для создания зеленых, цифровых и оборонных технологий, стала удобным местом для капиталовложений. В свою очередь, растущая потребность континента в доступе к энергии и перспективы резкого роста ее потребления быстро-растущими экономиками также предоставили Эмиратаам возможности для расширения своей доли африканского энергетического рынка.

Наконец, реконфигурация мирового порядка и эскалация напряженности в отношениях между мировыми державами предопределили появление у ОАЭ новых стимулов для усиления своей роли на международной арене. С этой целью они начали диверсифицировать свои стратегические альянсы, особенно с нетрадиционными союзниками на Глобальном Юге, в том числе с входящими в группу БРИКС, к которой ОАЭ присоединились в январе 2024 г. Эмираты также смогли извлечь пользу из растущего недовольства африканцев Западом, особенно Европой, из-за их «патерналистского» вмешательства во внутренние дела Африки и разграбления ресурсов континента. Это недовольство, не будучи новым явлением, усилилось в последние годы и нашло поддержку во всё более доступных альтернативных моделях взаимодействия, ориентирующих Китай и монархии Персидского залива на экономическое

²⁶ Et si les pays du Golfe utilisaient l'Afrique comme théâtre de guerre par procuration // Le Point. – 2018. – October 10. – Франц. яз. – URL: https://www.lepoint.fr/afrique/et-si-les-pays-du-golfe-utilisaient-l-afrigue-comme-theatre-de-guerre-par-procuration-23-10-2018-2265083_3826.php (дата обращения: 04.03.2025).

развитие и сотрудничество с Россией в сфере безопасности.

В 2021 г. был назначен первый государственный министр (представитель правящей семьи Абу-Даби), ответственный за сотрудничество с Африкой. Ему удалось создать обширную сеть контактов с африканскими лидерами и в 2022–2023 гг. встретиться с президентами ДРК, Республики Конго, Гвинеи, Мозамбика, ЮАР, Танзании, Уганды, Замбии и Зимбабве, что свидетельствовало о намерении ОАЭ укреплять отношения со всеми странами континента, а не только Африканского Рога.

Президент ОАЭ Мухаммад ибн Заид Аль Нахайян также в 2023 г. провел встречи с президентом ДРК Феликсом Чисекеди в Абу-Даби, а в Эфиопии с премьер-министром Абием Ахмедом. Последняя произошла в рамках его первого официального визита в страны АЮС. В обоих случаях было подписано несколько соглашений, касающихся сотрудничества в ряде секторов, в том числе в энергетике и горнодобывающей промышленности.

Между тем, развивая сотрудничество со странами АЮС, ОАЭ проявляют жесткий pragmatism, возможно, оправданный в современной geopolитической ситуации, но нацеленный на извлечение максимальной выгоды из политического и экономического партнерства с государствами континента, нередко в ущерб их интересам.

Список литературы

Васильев А.М. Саудовская Аравия. Новые вызовы королевству // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 9. – С. 53–69. – DOI: 10.31857/S032150750021786-6.

Костелянец С.В. Африканский фактор в юеменском конфликте // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 5. – С. 29–34.

Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. Каирско-турецкий и саудовско-эмиратский блок: борьба за влияние в Судане // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 4. – С. 29–36. – DOI: 10.31857/S032150750019730-5.

Хайруллин Т.Р., Коротаев А.В. ОАЭ в борьбе за региональное лидерство // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 9. – С. 27–35. – DOI: 10.31857/S032150750027592-3.

Хромова Н.Г. Арабские страны Персидского залива как «новые доноры» в мировом хозяйстве // Азия и Африка сегодня. – 2023. – № 6. – С. 62–69. – DOI: 10.31857/S032150750026138-3.

Bouoiyour J., Selmi R. The Gulf Divided: Economic Effects of the Qatar Crisis // Economic Research Forum. – 2020. – January 13. – URL: <https://theforum.erf.org.eg/2020/01/13/gulf-divided-economic-effects-qatar-crisis> (дата обращения: 20.02.2025).

Feierstein G.M. The Impact of Middle East Regional Competition on Security and Stability in the Horn of Africa // Middle East Institute. – 2020. – 17 p. – URL: <https://www.mei.edu/sites/default/files/2020-08/The%20Impact%20of%20Middle%20East%20Regional%20Competition%20on%20Security%20and%20Stability%20in%20the%20Horn%20of%20Africa.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

Guizarro O.G. Emiratis, Saudis and Qatars Cross the Red Sea: What are the Gulf Monarchs Doing in Africa? // IEEE. – 2023. – 21 p. – URL: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2023/DIEEEA45_2023_OSCGAR_Emiratos_ENG.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

Heibach J. Sub-Saharan Africa: A Theater for Middle East Power Struggles // Middle East Policy. – 2020. – Vol. 27, N 2. – P. 69–80. – DOI: 10.1111/mepo.12495.

Kohnert D. On the Impact of the 2023 Sudanese War on Africa and Beyond // SSRN. – 2023a. – June 10. – 32 p. – DOI: 10.2139/ssrn.4643258.

Kohnert D. The Impact of Foreign Relations Between Sub-Saharan Africa and the Arab Gulf States on African Migrants in the Region // SSRN. – 2023b. – November 24. – 32 p. – DOI: 10.2139/ssrn.4643258.

Koku P.S., Farha A.A. Other Sources of FDIs in Sub-Saharan Africa: The Case of Gulf Cooperation Council States // Journal of Business Research. – 2020. – Vol. 119, N 2. – P. 619–626. – DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.02.045.

Kourgiotis P. 'Moderate Islam' Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment // Religions. – 2020. – Vol. 11, N 1. – Article 43. – DOI: 10.3390/rel11010043.

Mugurtay N., Muftuler-Bac M. Turkish Power Contestation with the United Arab Emirates: an Empirical Assessment of Official Development Assistance // International Politics (The Hague). – 2022. – Vol. 60, N 3. – P. 659–684. – DOI: 10.1057/s41311-022-00422-8.

Mwangi J. Growing Influence of Gulf States in Eastern Africa and Implications on Regional Security // Mashariki Research and Policy Centre. – 2024. – July 5. – URL: <https://masharikirpc.org/growing-influence-of-gulf-states-in-eastern-africa-and-implications-on-re>

gional-security (дата обращения: 20.02.2025).

Procopio M., Čok C. Beyond Competition: How Europe can Harness the UAE'S Energy Ambitions in Africa // European Council on Foreign Relations. – 2024. – 27 p. – URL: <https://ecfr.eu/publication/beyond-competition-how-europe-can-harness-the-uaes-energy-ambitions-in-africa> (дата обращения: 20.02.2025).

Samaan J.L. The United Arab Emirates in Africa: The Partly Thwarted Ambitions of a New Regional Player // IFRI. – 2021. – 25 p. – URL: <https://coilink.org/20.500.12592/wxb8t1> (дата обращения: 20.02.2025).

Sharp J.M. The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. Policy // Congressional Research Service. – 2024. – August 8. – 23 p. – URL: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS21852.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

Yousef T.M. Deepening Gulf Engagement with Sub-Saharan Africa // Foresight Africa. Top priorities for the continent in 2022. – [S. l.] : Africa Growth Initiative, 2022. – P. 115–117. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/01/foresightafrica2022_fullreport.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

Africa and the Middle East: the Changing Landscape

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

From Trade to Geopolitics: The Transformation of the UAE's Role in Sub-Saharan Africa

Tatyana S. DENISOVA

PhD (History), Leading Researcher, Head of the Centre for the Study of Africa South of Sahara

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6321-3503

Sergey V. KOSTELYANETS

PhD (Political Sciences), Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological and Political Science Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9983-9994

CITATION: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2025). From Trade to Geopolitics:The Transformation of the UAE's Role in Sub-Saharan Africa. *Outlines of Global**Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 98–114 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.06

Received: 15.03.2025.

Revised: 12.04.2025.

ACKNOWLEDGEMENTS. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

ABSTRACT. In the late 2010s to early 2020s, the presence of so-called "middle powers" in Africa, including Sub-Saharan Africa (SSA), significantly expanded. Countries such as Turkey, Iran, Qatar, Saudi Arabia, the United Arab Emirates (UAE), and others, which act as regional "centers of power," have leveraged competition among

major global states (China, India, the U.S., France, etc.) to advance their interests. These middle powers increasingly influence the political and economic development of African nations by participating in peace-keeping missions and peace negotiations, supporting allied regimes, intervening in conflicts (including through arms supplies

to conflicting parties), and boosting investments in key sectors of African economies while expanding development assistance. The UAE has emerged as one of the largest geopolitical players in Africa, actively pursuing multidimensional cooperation with countries across the continent. Geographic proximity, religious ties with many African states and peoples, substantial investments, and development assistance have positioned the Emirates as one of the most desirable partners for African nations, including SSA states. This status is further reinforced by the UAE's accession to BRICS in 2024. While acknowledging the positive effects of UAE-Africa economic cooperation, the authors also highlight the negative consequences of the Emirates' interference in the internal affairs of African countries.

KEY WORDS: Sub-Saharan African countries, UAE, economic cooperation, political contacts, Red Sea region, military-political conflicts.

References

- Bouoiyour J., Selmi R. (2020). The Gulf Divided: Economic Effects of the Qatar Crisis. *Economic Research Forum*. January 13. Available at: <https://theforum.erf.org.eg/2020/01/13/gulf-divided-economic-effects-qatar-crisis>, accessed 20.02.2025.
- Feierstein G.M. (2020). *The Impact of Middle East Regional Competition on Security and Stability in the Horn of Africa*. Middle East Institute, 17 pp. Available at: <https://www.mei.edu/sites/default/files/2020-08/The%20Impact%20of%20Middle%20East%20Regional%20Competition%20on%20Security%20and%20Stability%20in%20the%20Horn%20of%20Africa.pdf>, accessed 20.02.2025.
- Guíjarro O.G. (2023). *Emiratis, Saudis and Qatars Cross the Red Sea: What are the Gulf Monarchies Doing in Africa?* IEEE, 21 pp. Available at: https://www.ieee.es/Galerias/fichero/docs_analisis/2023/DIEEEA45_2023_OSCGAR_Emiratos_ENG.pdf, accessed 20.02.2025.
- Heibach J. (2020). Sub-Saharan Africa: A Theater for Middle East Power Struggles. *Middle East Policy*. Vol. 27, no. 2, pp. 69–80. DOI: 10.1111/mepo.12495.
- Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2022). Qatari-Turkish and Saudi-Emirati Alliance: Struggle for Influence in Sudan. *Asia and Africa Today*. No. 4, pp. 29–36 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750019730-5.
- Khayrullin T.R., Korotayev A.V. (2023). UAE in the Struggle for Regional Leadership. *Asia and Africa Today*. No. 9, pp. 27–35 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750027592-3.
- Khromova N.G. (2023). The Arab Countries of the Persian Gulf as “New Donors” in the World Economy. *Asia and Africa Today*. No. 6, pp. 62–69 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750026138-3.
- Kohnert D. (2023a). *On the Impact of the 2023 Sudanese War on Africa and Beyond*. SSRN, June 10, 32 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4643258.
- Kohnert D. (2023b). *The Impact of Foreign Relations Between Sub-Saharan Africa and the Arab Gulf States on African Migrants in the Region*. SSRN, November 24, 32 pp. DOI: 10.2139/ssrn.4643258.
- Koku P.S., Farha A.A. (2020). Other Sources of FDIs in Sub-Saharan Africa: The Case of Gulf Cooperation Council States. *Journal of Business Research*. Vol. 119, no. 2, pp. 619–626. DOI: 10.1016/j.jbusres.2019.02.045.
- Kostelyanets S.V. (2016). The African Factor in the Yemen Conflict. *Asia and Africa Today*. No. 5, pp. 29–34 (in Russian).
- Kourgiotis P. (2020). ‘Moderate Islam’ Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment. *Religions*. Vol. 11, no. 1, article 43. DOI: 10.3390/rel11010043.
- Mugurtay N., Muftuler-Bac M. (2022). Turkish Power Contestation with the United Arab Emirates: an Empirical Assessment of Official Development Assistance.

- International Politics (The Hague)*. Vol. 60, no. 3, pp. 659–684. DOI: 10.1057/s41311-022-00422-8.
- Mwangi J. (2024). *Growing Influence of Gulf States in Eastern Africa and Implications on Regional Security*. Mashariki Research and Policy Centre, July 5. Available at: <https://masharikirpc.org/growing-influence-of-gulf-states-in-eastern-africa-and-implications-on-regional-security>, accessed 20.02.2025.
- Procopio M., Čok C. (2024). *Beyond Competition: How Europe can Harness the UAE'S Energy Ambitions in Africa*. European Council on Foreign Relations, 27 pp. Available at: <https://ecfr.eu/publication/beyond-competition-how-europe-can-harness-the-uaes-energy-ambitions-in-africa>, accessed 20.02.2025.
- Samaan J.L. (2021). *The United Arab Emirates in Africa: The Partly Thwarted Ambitions of a New Regional Player*. IFRI, 25 pp. Available at: <https://coilink.org/20.500.12592/wxb8t1>, accessed 20.02.2025.
- Sharp J.M. (2024). *The United Arab Emirates (UAE): Issues for U.S. Policy*. Congressional Research Service, 23 pp. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS21852.pdf>, accessed 20.02.2025.
- Vasiliev A.M. (2022). Saudi Arabia. The Time of Troubles: Both Repression and “Liberalization”. *Asia and Africa Today*. No. 10, pp. 15–26 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750022717-0.
- Yousef T.M. (2022). Deepening Gulf Engagement with Sub-Saharan Africa. In: *Foresight Africa. Top priorities for the continent in 2022*. S. l.: Africa Growth Initiative, pp. 115–117. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/01/foresightafrica2022_fullreport.pdf, accessed 20.02.2025.

УДК 339 (1*ЕТ)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.07

Институты распределения и использования официальной помощи развитию в Эфиопии

Софья Николаевна ЗАМЕСИНА

старший лаборант Центра изучения африканской стратегии БРИКС
Институт Африки РАН
ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001
E-mail: sofyazamesina@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1736-521X

Андрей Леонидович САПУНЦОВ

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра
изучения проблем переходной экономики
Институт Африки РАН
ул. Спиридоновка, д. 30/1, г. Москва, Российская Федерация, 123001
E-mail: andrew@sapuntssov.ru
ORCID: 0000-0001-5689-5737

ЦИТИРОВАНИЕ: Замесина С.Н., Сапунцов А.Л. Институты распределения и
использования официальной помощи развитию в Эфиопии // Контуры глобальных
трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 115–130.
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.07

Статья поступила в редакцию 24.08.2025.
Исправленный текст представлен 28.09.2025.

АННОТАЦИЯ. В работе проводится анализ потоков официальной помощи развитию, поступающей в Эфиопию; она структурирована по двум направлениям: по странам-донорам и по отраслям-получателям экономики Эфиопии. Особое внимание уделяется различиям официальной помощи развитию, выделяемой новыми донорами, к которым относят крупные развивающиеся страны, в частности Китай и Индию, а также некоторые арабские государства, и организациями, традиционно предоставляющими помощь развитию и возможностям для рацио-

нального использования указанных средств в целях повышения уровня жизни местного населения. Проводится исследование о взаимозависимости поступлений официальной помощи из-за рубежа как фактора экономического роста Эфиопии, в том числе источника ресурсов для развития инфраструктуры, сельскохозяйственных предприятий и организаций социальной сферы, включая медицину и образование. Разработанная эконометрическая модель с временным лагом учитывает факторы институциональной среды Эфиопии (такие как политическая

стабильность, качество государственного управления и нейтрализация коррупции) в связи с достижением уровня экономического роста и продуктивного использования внешнего финансирования в экономику Эфиопии. Результаты исследования показали корреляцию между качеством институтов экономики Эфиопии и объемами поступления официальной помощи развитию, однако дальнейшая абсорбция указанной помощи остается неоднозначной вследствие коррупции и нецелевого использования поступивших из-за рубежа финансовых ресурсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, бедность, борьба с коррупцией, качество государственного управления, официальная помощь развитию, экономические институты, экономический рост, Эфиопия.

Введение

Официальная помощь развитию (ОПР) представляет собой финансовые и иные экономические ресурсы, которые страны с относительно высоким уровнем развития предоставляют бедным странам в целях стимулирования экономического роста и повышения уровня благосостояния местного населения. В частности, такой категории придерживаются эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), выделяя следующие формы предоставления ОПР: гранты, займы на льготных условиях, техническая помощь, обмен опытом и знаниями, а также гуманитарная поддержка в чрезвычайных ситуациях. По последним данным Всемирного банка, всего в мире в 2021 г. было предоставлено помощи на сумму 202 млрд

долл., в том числе 62 млрд долл. странам Африки южнее Сахары (АЮС).¹

В методологии Министерства финансов Эфиопии, которое служит основным координатором использования поступающей из-за рубежа ОПР, особое внимание уделяется четкому терминологическому разграничению форм финансовой поддержки [MOFED, 2024]. Грант определяется как безвозмездная и безвозвратная передача денежных средств, товарных ресурсов или услуг, не предполагающая каких-либо обязательств со стороны получателя. Льготный кредит, в свою очередь, представляет собой заемные средства, которые должны бытьозвращены, но на условиях, существенно отличающихся от рыночных. Согласно международным стандартам ОЭСР, такой кредит должен содержать не менее 35% грантового элемента, что обеспечивается за счет пониженных процентных ставок (часто ниже рыночных), удлиненных льготных периодов (когда выплачиваются только проценты) и продолжительных сроков полного погашения (обычно 20–30 лет).

Объем и структура поступающей в Эфиопию ОПР

Эфиопия является одним из ключевых получателей международной помощи развитию. По объему привлекаемых средств страна занимает второе место в Африке. В период с 2017 по 2022 г. ежегодный приток помощи в Эфиопию в среднем превышал 5 млрд долл. США и продолжал устойчиво расти. Зависимость экономики страны от помощи является крайне высокой. Этот показатель, рассчитываемый как отношение объема ОПР к валовому национальному доходу, со-

¹ Net official development assistance and official aid received. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/dt.oda.allcd> (дата обращения: 26.06.2025).

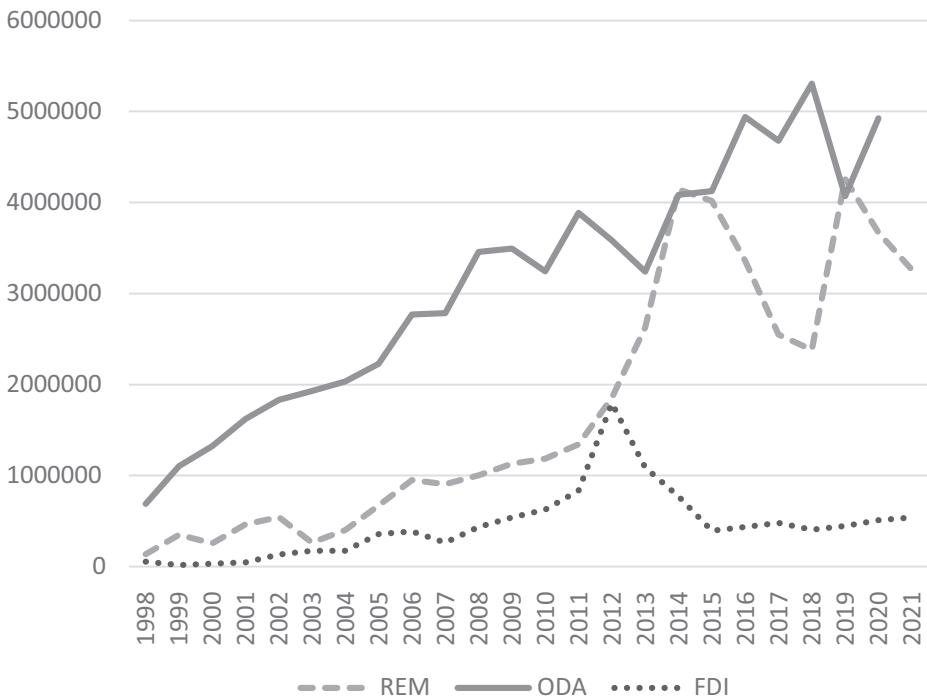

Рисунок 1. Соотношение объемов внешнего финансирования в Эфиопии в 1998–2021 гг., тыс. долл.

Figure 1. Ratio of external financing volumes in Ethiopia, 1998–2021, thousands of dollars

Примечание: REM – денежные переводы из-за рубежа, ODA – ОПР, FDI – прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

Источник: составлено по [MOFED, 2024] и данным Всемирного банка.

ставил в среднем 5,3%, что в 9 раз пре-вышает средний показатель по развивающимся странам (0,58%) и почти вдвое – средний уровень по странам АЮС (3%)². Такая значительная зависимость от внешнего финансирования отражает как структурные проблемы национальной экономики, так и осо-бый интерес международного сообщества к Эфиопии как стратегически важному региону Восточной Африки. Анализ структуры внешнего финан-сирования Эфиопии, представленный на рисунке 1, выявляет существенные

диспропорции между основными его компонентами.

Согласно данным рисунка 1, ОПР занимает доминирующее положение в структуре внешних денежных поступлений в экономику Эфиопии, устойчиво опережая по объемам другие фор-мы финансирования.

Структура распределения ОПР в 2022/23 ф. г. демонстрирует сущес-твенные изменения в приоритетах финан-сирования (рисунок 2). Из общего объема 4,9 млрд долл. на проекти раз-вития, реализуемые в рамках двусто-

2 Aid for Trade at a Glance 2022 // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/aid-for-trade-at-a-glance-2022_9ce2b-7ba-en/full-report.html (дата обращения: 21.01.2025).

- Сельское хозяйство (а)
- Энергетика (б)
- Водное обеспечение и очистка (в)
- Управление и гражданское общество (г)
- Демографическая политика (д)
- Торговая политика (е)
- Лесное хозяйство (ж)
- Другое (з)
- Здравоохранение (и)
- Многоотраслевая поддержка (к)

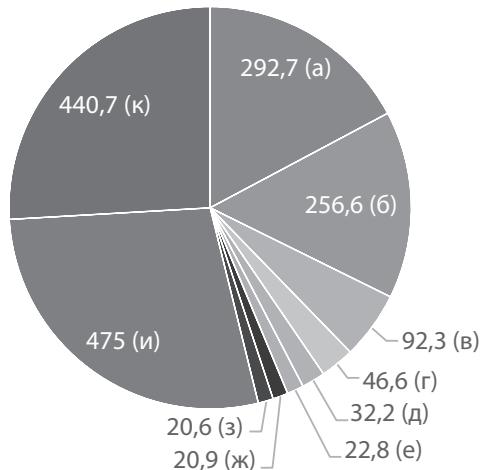

Рисунок 2. Отраслевая структура распределения ОПР в Эфиопии в 2022/2023 ф.г., млн долл.

Figure 2. Sectoral structure of ODA distribution in Ethiopia in FY2022/2023, millions of dollars

Источник: составлено по [MOFED, 2024].

ронных соглашений с Министерством финансов Эфиопии, было направлено 2,4 млрд долл. Примечательно, что уровень освоения этих средств снизился на 1,9% по сравнению с предыдущим отчетным периодом, что может свидетельствовать об определенных трудностях в реализации крупных инфраструктурных проектов. Параллельно наблюдался беспрецедентный рост объемов финансирования, распределяемого через неправительственные каналы, – 2,5 млрд долл. (увеличение на 213%), что было обусловлено резким увеличением гуманитарных ассигнований в связи с комплексным кризисом в стране [MOFED, 2024].

Региональные особенности поступления ОПР в Эфиопию

География доноров, отраженная в официальной эфиопской отчетности, демонстрирует лидерство стран Комитета содействия развитию (КСР)

(совокупно 1,055 млрд долл.), за которыми следуют Агентство США по международному развитию (USAID, 116 млн долл.) и Французское агентство развития (104 млн долл.). При этом совокупный вклад США с учетом гуманитарных программ значительно выше: согласно данным портала *Foreign Assistance*, объем американской помощи Эфиопии в 2023 ф. г. составил около 1,46 млрд долл., что подтверждает статус США как одного из крупнейших доноров страны. В 2022/23 ф. г. партнеры по развитию (включая членов КСР, а также не входящие в него лица) выделили Эфиопии 4,9 млрд долл. на проекты развития и гуманитарные мероприятия. Этот объем эквивалентен 1,5% ВВП страны. Секторальные приоритеты традиционных доноров распределились следующим образом: здравоохранение получило 475 млн долл., сельское хозяйство – 292 млн долл., тогда как межсекторальные программы составили

значительную часть финансирования [MOFED, 2024].

Основными факторами снижения объемов помощи стали перебои с выплатами бюджетной поддержки из-за продолжающегося вооруженного конфликта на севере страны в регионе Тыграй. Конфликтная ситуация привела к прекращению финансирования проектов в зоне боевых действий, эвакуации международных партнеров и консультантов, а также остановке реализации ряда программ [Ethiopia Aid Conference, 2024]. Дополнительными проблемами стали невыполнение исполнителями предварительных условий проектов, задержки с предоставлением отчетности о ходе реализации, а также нахождение некоторых проектов на завершающей стадии. Значительное влияние оказalo и перераспределение ресурсов в пользу гуманитарной помощи³. Эти факторы в совокупности привели к существенному недополучению запланированных объемов помощи и снижению показателей в расчете на душу населения, что требует пересмотра механизмов сотрудничества с донорами в условиях продолжающейся нестабильности [Marzocchi, Arribas Cámaras, 2024, р. 6–7].

Проведенный анализ охватывает традиционные формы ОПР, однако значительный пласт вопросов остается нераскрытым в отношении помощи, предоставляемой «новыми донорами», к которым относят крупные развивающиеся страны, в частности Китай и Индию, а также арабские государства. Термин «новые доноры» используется в отношении субъектов, которые не принадлежат к кругу «традиционных доноров», то есть к КСР. Приверженцы широкой трактовки от-

носят к «новым донорам» как государственных, так и негосударственных участников содействия международному развитию (например, частные фонды и неправительственные организации), тогда как узкая трактовка ограничивает их круг государствами, которые не входят в КСР [Бартенев, Глазунова, 2012]. Особую сложность представляет ранее ограниченная доступность сопоставимых данных по «новым донорам», что постепенно компенсируется накопленными исследовательскими базами: *AidData (Global Chinese Development Finance Dataset)* и *SAIS-CARI* по Китаю; отчетами *MOFED* (Эфиопия) по двусторонним соглашениям; материалами *Exim Bank of India* по кредитным линиям.

Всемирный банк традиционно концентрирует свои ресурсы на развитии социальной инфраструктуры и аграрного сектора, включая сельское, лесное и рыбное хозяйство. В отличие от этого, США делают основной акцент на программах демографической политики, репродуктивного здоровья и гуманитарной помощи. Великобритания, сохраняя фокус на социальной инфраструктуре с особым вниманием к образованию и здравоохранению, параллельно активно участвует в гуманитарных проектах. Европейские институты, в свою очередь, направляют значительные средства на развитие системы здравоохранения, транспортной инфраструктуры и логистики, одновременно поддерживая масштабные гуманитарные инициативы [Ethiopia Aid Conference, 2024]. Такая специализация отражает не только исторически сложившиеся приоритеты отдельных доноров, но и их стратегические интересы в регионе, создавая

3 Country programme document for Ethiopia 2020–2025 // UNDP. – 2025. – URL: <https://www.undp.org/ethiopia/publications/ethiopia-cpd-2021–2025> (дата обращения: 02.02.2025).

сложную мозаику международной помощи, которая требует тщательной координации на национальном уровне для достижения максимального эффекта развития.

Позиция эфиопского руководства в отношении международной помощи отличается двойственностью и избирательным подходом. С одной стороны, правительство официально признает ценность помощи от традиционных доноров, особенно в таких ключевых социальных сферах, как здравоохранение и образование, отмечая ее важную роль в сокращении бедности и развитии человеческого потенциала [Ramesh, Abebe, 2014, р. 654–655]. Однако в частных беседах и аналитических документах эфиопские чиновники выражают серьезные сомнения относительно трансформационного потенциала такой помощи, характеризуя ее как «сотрудничество ради выживания», которое не способно обеспечить переход к устойчивому процветанию [Gebregziabher, 2014, р. 521–522].

На этом фоне особенно выделяется роль Китая как крупнейшего «нетрадиционного» партнера. В официальной статистике ОПР грантовый компонент Китая действительно невелик (порядка 10 млн долл. в год), однако это не отражает реальный масштаб участия КНР: ключевой инструмент – льготные и связанные кредиты (часто с грантовым элементом ниже порога ОЭСР для ОПР), а также контрактное строительство и ПИИ. По оценкам исследовательских баз *AidData* и *SAIS-CARI*, совокупный портфель китайского финансирования инфраструктуры в Эфиопии – несколько миллиардов долларов.

Помимо Китая, важным «донором» стала Индия: по данным Экспортно-импортного банка Индии, совокупный объем открытых для Эфиопии кредитных линий превышает 1 млрд

долл., направленных на проекты железнодорожного сообщения и сахарной промышленности. Таким образом, вклад незападных «доноров» (прежде всего Китая и Индии) в развитие Эфиопии существенно возрос, хотя их деятельность отражена в официальной статистике неполно [Морозенская, Калиниченко, 2024, с. 188].

Проведенный анализ выявляет сложную и неоднозначную картину международной помощи Эфиопии. С одной стороны, страна остается одним из крупнейших получателей традиционной помощи развитию, которая играет важную роль в поддержании социальной сферы. С другой – нарастает разочарование эфиопского руководства в эффективности такой модели, что выражается в растущем интересе к альтернативным формам сотрудничества, предлагаемым нетрадиционными «донорами», прежде всего Китаем [Ziso, 2020].

Институциональные факторы поступления ОПР в Эфиопию

В экономике развития продолжаются дебаты о том, насколько эффективна официальная помощь развитию для стимулирования экономического роста в странах с низким уровнем дохода. Ученые сходятся во мнении, что эффективность влияния такой помощи сильно зависит от качества внутренних институтов стран-получателей.

Для оценки институциональной среды обычно используется методология Всемирного банка «Показатели Worldwide Governance Indicators (WGI)». Система показателей качества управления Всемирного банка WGI охватывает шесть ключевых институциональных параметров: право голоса и подотчетность, политическая стабильность, эффективность правительства, качество регулирования,

верховенство закона и борьба с коррупцией⁴. Необходимо определить влияние институциональных факторов на динамику социально-экономического развития Эфиопии, в том числе стимулируемую притоком внешних финансовых ресурсов. Эфиопский опыт опровергает тезис о неизбежном ослаблении институтов под влиянием масштабной внешней помощи, демонстрируя возможность их адаптации и укрепления при условии целенаправленной государственной политики [Girma, Tilahun, 2022, р. 19–20].

Эмпирические исследования показывают, что ОПР способствует росту прежде всего в странах с разумной макроэкономической политикой и сильными институтами управления [Dagne, 2024, р. 13]. Однако другие ученые оспаривают эту точку зрения, указывая, что связь между помощью и ростом часто остается слабой даже в странах с хорошим управлением. Они объясняют это нестабильностью потоков помощи и неэффективностью ее реализации. Другие исследования выявляют существенные различия во временных параметрах воздействия: если социальные эффекты ОПР могут проявляться относительно быстро (1–3 года), то инфраструктурные проекты требуют значительно большего времени (5–7 лет) для реализации своего полного потенциала; кроме того, результативность обоих видов внешней поддержки критически зависит от качества институциональной среды: повышение индекса эффективности государственного управления на 1 пункт увеличивает отдачу от помощи на 12–15% [The Role..., 2025].

В странах АЮС, для которых характерны значительные институциональные проблемы, ОПР часто не приводит

к достижению запланированных результатов. Ряд исследований показывает, что масштабный приток помощи может даже подорвать качество институтов, способствуя росту иждивенческих настроений и снижая подотчетность правительства перед собственными гражданами. В Эфиопии, несмотря на большой приток помощи, сохраняющиеся проблемы управления, такие как ограниченная политическая инклюзивность и бюрократическая неэффективность, сдерживают развитие страны [Головина, Безрукова, 2024, с. 41].

В научной литературе существуют два основных подхода к интерпретации модели развития Эфиопии: «авторитарное развитие» и «гибридное развитие». Согласно первой точке зрения, экономический рост в Эфиопии был достигнут мощным государственным вмешательством, но ценой политических репрессий и подавления частного сектора [Головина, Безрукова, 2024, с. 38]. Согласно второй, Эфиопия является частью общемирового тренда «гибридного развития», где быстрый рост, инициированный государством (как в Руанде, Китае и Вьетнаме), не обязательно сопровождается расширением политических свобод.

Существенные риски возникновения зависимости от ОПР, проявляющейся в ослаблении бюджетной дисциплины и снижении мобилизации внутренних ресурсов, лишь частично применимы к Эфиопии, сталкивающейся с комплексным финансовым дефицитом (бюджетным, сбережений и торгового баланса); внешнее финансирование остается для нее важнейшим ресурсом развития [Kebede, 2025, р. 3–4]. ОПР обеспечивает краткосрочную социальную стабилизацию и развитие человеческого капитала [Nagy, 2024, р. 237].

4 World Governance Indicators // World Bank. – 2024. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (дата обращения: 11.03.2025).

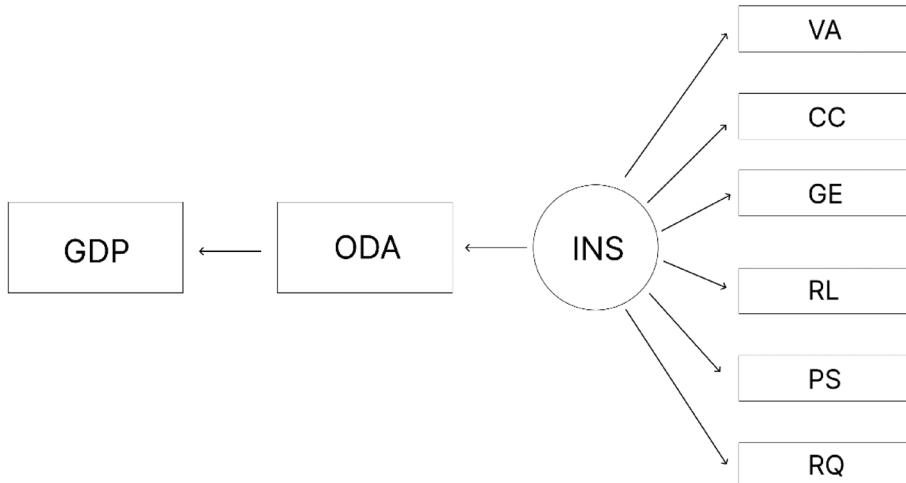

Рисунок 3. Схематичная модель эмпирического исследования

Figure 3. Schematic model of the empirical study

Примечание: ВВП – *GDP*, ОПР – *ODA*, институты – *INS*, право голоса и подотчетность – *VA*, контроль над коррупцией – *CC*, эффективность правительства – *GE*, верховенство закона – *RL*, политическая стабильность – *PS*, качество управления – *RQ*.

Количественная оценка экономических институтов Эфиопии

Методология исследования основана на качественном и количественном анализе притоков внешних источников финансирования, таких как официальная помощь развитию. В исследовании не рассмотрены портфельные инвестиции, поскольку фондовый рынок в Эфиопии находится на ранней стадии развития, и учрежденная в 1997 г. Эфиопская фондовая биржа до недавнего времени не функционировала; она возобновила работу только в 2025 г.⁵ Исследование базируется на предположении, что большая развитость институтов может усиливать или ослаблять эффекты от внешних поступлений.

На рисунке 3 приводится схематичная модель эмпирической части данного исследования, отражающая

смешанный характер применяемой методологии. В модели сведены как количественные, так и качественные параметры, а также показатели.

Выдвинутые гипотезы проверяются посредством регрессионного анализа причинно-следственных связей между институциональными факторами и ОПР в Эфиопии. Основная гипотеза, подвергаемая проверке, может быть сформулирована следующим образом:

H0: Институциональные факторы не оказывают влияние на экономический эффект от ОПР.

Соответственно нулевой гипотезе альтернативные гипотезы примут вид:

H1: Институциональные факторы влияют на эффекты от ОПР.

H2: Эффекты внешних поступлений носят положительную направленность.

H3: Институциональные факторы оказывают сильное влияние на эффекты от внешних поступлений.

⁵ Ethiopia: A Stock Market Relaunch Herald Economic Transformation // Global Finance. – 2025. – URL: <https://gfmag.com/news/ethiopia-stock-market-relaunch/>(дата обращения: 12.03.2025).

Множественность гипотез исследования объясняется тем, что экономический эффект от ОПР может различаться как по направленности, так и по силе воздействия. Кроме того, нужно учесть, что ОПР выступает не только экономическим, но и политическим инструментом.

Базовое уравнение проверки гипотезы выглядит следующим образом (формула 1):

$$GTP_{per\ capita_t} = \beta_0 + \beta_1 ODA_t + \sum_{i=1}^6 \gamma_i ISO_{i,t} + \epsilon_t$$

где

$GTP_{per\ capita_t}$ – зависимая переменная, отражающая экономический рост на момент времени t (ВВП на душу населения);

ODA_t – официальная помощь развитию;

$ISO_{i,t}$ – институциональное качество;

ϵ_t – ошибка модели (неучтенные факторы).

Первичный анализ данных проводился в рамках пакета *Gretl: GNU Regression, Econometrics, and Time-series Library*. Это статистический пакет с открытым исходным кодом, предназначенный для эконометрического моделирования. Выбор *Gretl* обоснован несколькими факторами. Во-первых, *Gretl* предоставляет интуитивно понятный графический интерфейс пользователя, а также поддерживает сценарии для опытных пользователей, что делает его подходящим как для новичков, так и для опытных эконометристов. В отличие от проприетарного программного обеспечения (например, *Stata*, *EViews*), *Gretl* является бесплатным с открытым исходным кодом, что обеспечивает воспроизводимость и доступность для академических исследований. Во-вторых, *Gretl* поддерживает линейные регрессионные модели, анализ панельных данных, эконометрику временных рядов (*ARIMA*,

GARCH) и регрессию инструментальных переменных (*IV*), которые необходимы для данного исследования, а также включает диагностические тесты (гетероскедастичность, автокорреляция, мультиколлинеарность), необходимые для проверки результатов регрессии. В-третьих, *Gretl* импортирует данные из наборов данных *Excel* и *CSV*, что облегчает беспрепятственную интеграцию с существующими базами данных.

Помимо пакета *Gretl*, в исследовании используется также *PLS-SEM*-анализ – моделирование структурных уравнений методом частичных наименьших квадратов. Необходимость привлечения этого более сложного инструментария обусловлено тем, что он позволяет комбинировать как количественные, так и качественные данные. Также этот метод позволяет работать с латентными переменными. Поскольку институциональные факторы – это ненаблюдаемые конструкторы, которые измеряются через индексы, *PLS-SEM* позволяет объединить их в единую модель с количественными наблюдениями. Наконец, *PLS-SEM* позволяет проанализировать модеративные и медиативные связи между переменными. *PLS-SEM* устойчива к маленьким выборкам и не требует строгой нормальности данных, что особо актуально в рамках работы с африканскими базами данных, которые отличаются малым количеством наблюдений. Таким образом, использование *PLS-SEM* вместе с *Gretl* позволит учесть качественную природу институтов и проверить наличие значимых модеративных и медиативных эффектов в исследовательской модели.

Источниками статистической информации послужили базы данных международных организаций, а также данные национальных статистических органов. Сведения по экономи-

ческому росту Эфиопии были взяты из базы данных Всемирного банка *World Development Indicators*⁶, по ОПР – из базы данных ОЭСР. Институциональные факторы проанализированы на основе методологии *WGI*. Уровень институционального развития изменяется шестью индикаторами (см. рисунок 3).

В модели используются временные ряды по Эфиопии за 2002–2020 гг. ($n = 19$). Перед построением модели был проведен дескриптивный анализ выборки. Среднее значение ВВП на душу населения (462,28) значительно выше медианы (410,34), что указывает на правостороннюю асимметрию и говорит о возможных выбросах в сторону высоких значений. Большое стандартное отклонение (272,75) говорит о сильной вариации данных за 20 лет.

Все индексы институционального качества (кроме контроля над коррупцией) находятся в низком диапазоне (0–100), что типично для развивающихся стран. Наибольшая изменчивость наблюдается у индекса «эффективность правительства», наименьшая – у индекса «качество управления». Политическая стабильность крайне низка, что согласуется с историческим контекстом Эфиопии. Коэффициент корреляции между показателем ВВП на душу населения и показателями ОПР составил 0,92, что указывает на очень сильную положительную линейную связь, что может говорить о том, что увеличение ОПР связано с ростом ВВП на душу населения. Можно предположить, что ОПР способствует инвестициям в инфраструктуру, здравоохранение или образование, что косвенно стимулирует экономический рост.

Для устранения потенциальных проблем спецификации проводились дополнительные тесты. Временной ряд значений показателя ВВП на душу населения был проверен с помощью ACF- и PACF-тестов с включением 4 лагов. Согласно проведенному тесту, ряд стационарен. Качество модели в целом можно оценить как высокое: коэффициент детерминации $R^2 = 0,954$ свидетельствует о том, что модель объясняет 95,4% вариации исследуемого показателя. Все проведенные тесты указывают на сложность интерпретации результатов модели. Выводы еще раз подтверждают необходимость проведения смешанного исследования с более сложным инструментарием.

Эмпирические результаты исследования

В качестве метода оценки параметров модели был выбран метод наименьших квадратов, что соответствует стандартной практике эконометрического анализа. Особое внимание уделялось проверке статистических гипотез относительно значимости коэффициентов и общей объясняющей способности модели. Зависимой переменной выступил показатель подушевого валового внутреннего дохода, что позволяет оценить непосредственное влияние официальной помощи развитию на уровень экономического благосостояния населения. Такой выбор объясняемой переменной согласуется с рекомендациями Всемирного банка по оценке эффективности использования внешней помощи.

Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1 и свидетельствуют о высоком уровне объясняющей способности модели.

⁶ World Development Indicators. – URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 26.07.2025).

Таблица 1. Основные результаты регрессионного анализа
Table 1. Main results of regression analysis

Показатель	Коэффициент	P-значение	Значение R ²	Уровень значимости
ODA	1,4457e-07	1,58e-11	0,924256	0,05

Коэффициент детерминации R^2 для всех переменных превышает 0,92, что указывает на то, что более 92% вариации зависимой переменной объясняется включенными в модель факторами. Согласно полученным значениям коэффициентов, ОПР положительно влияет на прирост ВВП на душу населения. Так, положительный коэффициент (1,4457e-07) указывает на то, что увеличение объема ОПР способствует росту ВВП на душу населения. Крайне низкое p -значение (1,58e-11) подтверждает статистическую значимость этого влияния. Полученные результаты согласуются с теоретиче-

скими ожиданиями и подтверждают альтернативные гипотезы.

Дальнейшее исследование проводилось с помощью метода PLS-SEM. Первая модель была построена для измерения медиативного эффекта институциональной среды на экономический эффект от ОПР (рисунок 4, таблица 2). Она проверяла гипотезу о том, что институциональная среда опосредует влияние ОПР на показатель ОПР на душу населения. На первом этапе исследования значимыми факторами оказались индекс коррупции и индекс верховенства закона, поэтому только они и были встроены в модель.

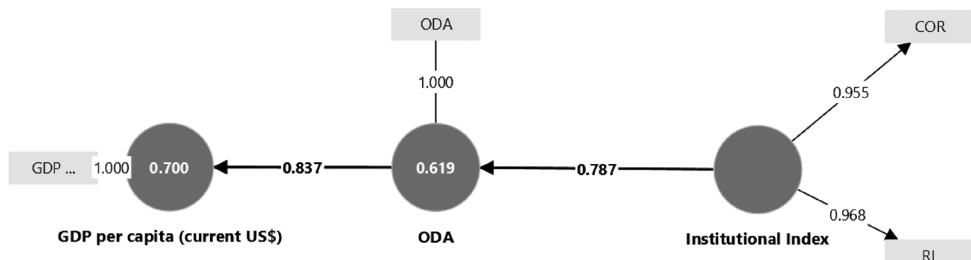

Рисунок 4. Влияние медиативного эффекта институциональных факторов на экономический эффект от ОПР

Figure 4. Mediation effect of institutional factors on the economic effect of ODA

Таблица 2. Результаты оценки качества первой модели

Table 2. Results of the first model quality assessment

Показатель	Composite reliability (rho_a)	AVE	Cronbach's Alpha	Composite Reliability (rho_c)
Значение	0,939	0,925	0,919	0,961

Таблица 3. Результаты анализа медиации между переменными ОПР, ВВП на душу населения и институционального фактора

Table 3. Results of the mediation analysis between the variables of ODA, GDP per capita and the institutional factor

	<i>Path coefficients</i>	<i>p-value</i>
<i>ODA</i> → <i>GDP per capita</i>	0,837	0,01
<i>Institutes</i> → <i>ODA</i>	0,787	0,01

Согласно результатам модели, качество институтов значимо положительно влияет на объем ОПР (таблица 3). Улучшение институционального индекса на 1 стандартное отклонение увеличивает приток ОПР на 0,787 SD. ОПР оказывает сильное положительное влияние на рост ВВП на душу населения. Увеличение ОПР на 1 SD приводит к росту ВВП на 0,837 SD. Косвенный эффект составил 0,659, что говорит о том, что через привлечение помощи развитию институты способствуют росту ВВП.

На рисунке 5 рассмотрен модеративный эффект институциональных факторов на взаимосвязь ОПР и ВВП на душу населения.

Как показано в таблице 4, институты незначительно ухудшают влияние ОПР на экономический рост, поскольку коэффициент взаимодействия составил -0,03. Это может объясняться тем, что формально улучшенные институты могут временно замедлять распределение помощи из-за сложных процедур.

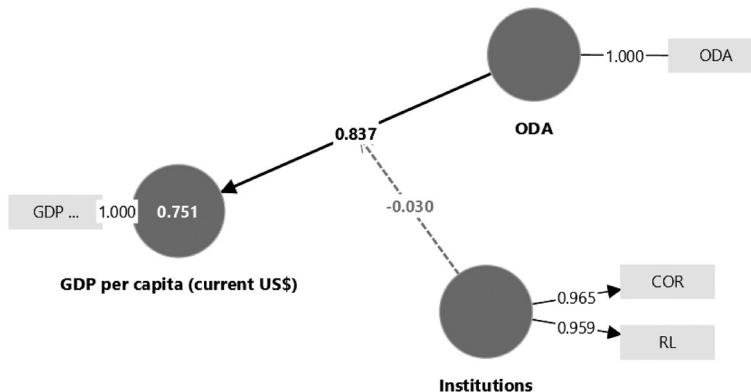

Рисунок 5. Модеративный эффект институциональных факторов на экономический эффект от ОПР

Figure 5. Moderator effect of institutional factors on the economic impact of ODA

Таблица 4. Результаты оценки качества второй модели

Table 4. Results of the second model quality assessment

Показатель	<i>Composite reliability</i> (<i>rho_a</i>)	<i>AVE</i>	<i>Cronbach's Alpha</i>	<i>Composite Reliability</i> (<i>rho_c</i>)
Значение	0,924	0,925	0,919	0,961

Таблица 5. Результаты анализа модеративного эффекта**Table 5.** Results of the moderator effect analysis

	<i>Path coefficients</i>	<i>p-value</i>
<i>ODA</i> → <i>GDP per capita</i>	0,571	0,001
<i>Institutes</i> → <i>GDP per capita</i>	0,348	0,001
<i>Institutes</i> × <i>ODA</i> → <i>GDP per capita</i>	-0,03	0,001

Выводы эмпирического исследования

Проведенное исследование выявило сложную и неоднозначную взаимосвязь между официальной помощью развития и экономическим ростом Эфиопии, опосредованную качеством институциональной среды. Высокий коэффициент взаимодействия ОПР и ВВП может отражаться в зависимости экономики от помощи, а не в ее эффективном использовании. Было выявлено, что институты практически не влияют на эффект от помощи, что в контексте Эфиопии может объясняться не только коррупцией и нецелевым расходованием ресурсов, но и слабостью ее экономической инфраструктуры. Последняя обусловлена многолетней политической нестабильностью и внутренними конфликтами (например, вооруженным противостоянием в регионе Тыграй в 2020–2022 гг., которое привело к замораживанию ряда проектов развития), институциональными проблемами планирования и реализации инвестиций, а также смещением приоритетов доноров в пользу гуманитарной и социальной помощи в ущерб инфраструктурным программам. Кроме того, отсутствие у Эфиопии выхода к морю и сложный горный рельеф повышают издержки развития транспортной и энергетической сети. В совокупности эти факторы препятствуют быстрому наращиванию инфраструктурного потенциала страны.

Проведенный эмпирический анализ позволяет сделать следующие выводы относительно сформулированных гипотез:

Основная гипотеза *H0* об отсутствии влияния институциональных факторов на экономический эффект ОПР частично отвергается (см. таблицу 5) – институциональные факторы действительно влияют на объем получаемой помощи (*Path coefficient*=0,787), но несколько ослабляют ее непосредственное воздействие на рост (-0,03).

Подтверждение нашли следующие альтернативные гипотезы:

1. *H1* – институты влияют на эффекты ОПР, преимущественно через механизм привлечения большего объема помощи.

2. *H3* – чистое влияние ОПР действительно положительно.

3. Гипотеза *H2* о сильном влиянии институтов подтверждается лишь частично: для ОПР институциональное воздействие умеренное.

Таким образом, исследование подтвердило ключевую роль институциональных факторов, но выявило нетривиальный характер их влияния, что может потребовать корректировки традиционных подходов к управлению внешним финансированием в условиях Эфиопии. Продолжение данного направления исследований применительно к другим странам АЮС позволит дополнить полученные результаты.

Список литературы

- Бартенев В.И., Глазунова Е.Н. Со-
действие международному развитию. –
Москва : Всемирный банк, 2012. – 408 с.
- Головина С.Г., Безрукова А.В. Разви-
тие социальной экономики в странах
Африки: пример Эфиопии // Журнал
монетарной экономики и менеджмен-
та. – 2024. – № 2. – С. 32–42. – DOI:
10.26118/2782-4586.2024.84.79.005.
- Морозенская Е.В., Калиничен-
ко Л.Н. Эфиопия: социально-эконо-
мическое развитие и возможности
сотрудничества с Россией в науке и
производстве // Контуры глобальных
трансформаций: политика, экономика,
право. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 181–200. –
DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10.
- Dagne G. Impact of Foreign Aid on
Economic Growth of Ethiopia // The Indi-
an Economic Journal. – 2024. – P. 1–15. –
DOI: 10.1177/00194662231213583.
- Ethiopia Aid Conference // Africa
Research Bulletin. – 2024. – April 16 –
May 15. – P. 24697.
- Gebregziabher F. The Long-Run Mac-
roeconomic Effects of Aid and Disaggre-
gated Aid in Ethiopia // Journal of Inter-
national Development. – 2014. – Vol. 26,
N 4. – P. 520–540. – DOI: 10.1002/jid.2978.
- Girma T., Tilahun S. Predictability of
foreign aid and economic growth in Ethio-
pia // Cogent Economics & Finance. –
2022. – Vol. 10, N 1. – P. 1–25. – DOI:
10.1080/23322039.2022.2098606.
- Kebede A.T., Ayal B.A., Alem Y.T. US
Sanctions on AGOA: A Political Eco-
nomy Analysis of Ethiopian Trade De-
velopment Challenges and Prospects //
Insight on Africa. – 2025. – P. 1–23. – DOI:
10.1177/09750878251338070.
- Marzocchi G., Arribas Cámar J. Land
Grabbing and Development: The Case
of Ethiopia // Journal of Asian and Af-
rican Studies. – 2024. – P. 1–18. – DOI:
10.1177/00219096241243281.
- MOFED. Annual Development Co-
operation Report of Ethiopia. Ethiopia
fiscal year 2015 (2022/2023) // FDRE, Mi-
nistry of Finance. – 2024. – 79 p. – URL:
https://www.mofed.gov.et/media/filer_public/0d/72/0d72a4a6-0f88-4fcf-96b0-8a2803b5d318/report_mof.pdf (дата об-
ращения: 13.12.2024).
- Nagy H., Abdulkadr A.A., Neszmelyi G.I. The Role of Transport, ICT and
Power Infrastructure in the Ethiopian
Economy // Экономика региона. –
2024. – Т. 10, № 1. – С. 235–247. – DOI:
10.17059/ekon.reg.2024-1-16.
- Ramesh R., Abebe A. Has Economic
Growth Contributed to Human De-
velopment in Ethiopia? // Journal of
Asian and African Studies. – 2014. –
Vol. 51, N 6. – P. 641–655. – DOI:
10.1177/0021909614555348.
- The Role of Institutional Quality, For-
eign Direct Investments, Financial De-
velopment and Official Development
Assistance in Promoting Agricultural
Development in Africa / Onyeneke R.U.,
Atta-Ankomah R., Chikezie C., Abiodun
Ihebuzor U., Obieche N.P. // Natural Re-
sources Forum. – 2025. – P. 1–16. – DOI:
10.1111/1477-8947.70027.
- Ziso E. The Political Economy of the
Chinese Model in Ethiopia // Politics Pol-
icy. – 2020. – Vol. 48, N 5. – P. 908–931. –
DOI: 10.1111/polp.12374.

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.07

Institutes of Distributing and Absorbing Official Development Assistance in Ethiopia

Sofya N. ZAMESINA

Senior Assistant, Centre for African Strategy in BRICS
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: sofyazamesina@mail.ru
ORCID: 0009-0002-1736-521X

Andrey L. SAPUNTSOV

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Centre for Transitional
Economy Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
Spiridonovka Street, 30/1, Moscow, Russian Federation, 123001
E-mail: andrew@sapuntsov.ru
ORCID: 0000-0001-5689-5737

CITATION: Zamesina S.N., Sapuntsov A.L. (2025). Institutes of Distributing
and Absorbing Official Development Assistance in Ethiopia. *Outlines of Global
Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 115–130 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.07

Received: 24.08.2025.

Revised: 28.09.2025.

ABSTRACT. The paper analyzes the flows of Official Development Assistance (ODA) into Ethiopia. The study is structured along two primary dimensions: by donor countries and by recipient sectors within the Ethiopian economy. Particular attention is paid to emerging donors – primarily members of BRICS – and traditional ODA-providing organizations, as well as to the opportunities for the rational utilization of these funds to improve the living standards of the local population. The research investigates the interdependence between incoming foreign ODA and its role as a factor in Ethiopia's economic growth. A developed econometric model with a time lag in-

corporates factors of Ethiopia's institutional environment – such as political stability, the quality of governance, and corruption mitigation – in relation to achieving economic growth targets. The findings indicate a correlation between the quality of Ethiopia's economic institutions and the volume of incoming ODA. However, the subsequent absorption of this assistance remains ambiguous due to corruption and the misallocation of incoming foreign financial resources.

KEYWORDS: Africa, poverty, anti-corruption efforts, quality of governance, official development assistance (ODA), economic institutions, economic growth, Ethiopia.

References

- Bartenev V.I., Glazunova E.N. (2012). *Assistance to International Development*. Moscow: World Bank, 408 pp. (In Russian).
- Dagne G. (2024). Impact of Foreign Aid on Economic Growth of Ethiopia. *The Indian Economic Journal*. Pp. 1–15. DOI: 10.1177/00194662231213583.
- Ethiopia Aid Conference (2024). *Africa Research Bulletin*. April 16 – May 15, p. 24697.
- Gebregziabher F. (2014). The Long-Run Macroeconomic Effects of Aid and Disaggregated Aid in Ethiopia. *Journal of International Development*. Vol. 26, no. 4, pp. 520–540. DOI: 10.1002/jid.2978.
- Girma T., Tilahun S. (2022). Predictability of foreign aid and economic growth in Ethiopia. *Cogent Economics & Finance*. Vol. 10, no. 1, pp. 1–25. DOI: 10.1080/23322039.2022.2098606.
- Golovina S.G., Bezrukova A.V. (2024). Development of Social Economy in African Countries: The Example of Ethiopia. *Journal of Monetary Economics and Management*. No. 2, pp. 32–42 (in Russian). DOI: 10.26118/2782-4586.2024.84.79.005.
- Kebede A.T., Ayal B.A., Alem Y.T. (2025). US Sanctions on AGOA: A Political Economy Analysis of Ethiopian Trade Development Challenges and Prospects. *Insight on Africa*. Pp. 1–12. DOI: 10.1177/09750878251338070.
- Marzocchi G., Arribas Cámara J. (2024). Land Grabbing and Development: The Case of Ethiopia. *Journal of Asian and African Studies*. Pp. 1–18. DOI: 10.1177/00219096241243281.
- MOFED (2024). Annual Development Cooperation Report of Ethiopia. Ethiopian fiscal year 2015 (2022/2023). *FDRE, Ministry of Finance Ethiopia*. 79 pp. Available at: https://www.mofed.gov.et/media/filer_public/0d/72/0d72a4a6-0f88-4cfc-96b0-8a2803b5d318/report_mof.pdf, accessed 13.12.2024.
- Morozenskaya E.V., Kalinichenko L.N. (2022). Ethiopia: Socio-Economic Development and Potential for Cooperation with Russia in Scientific and Production Spheres. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 4, pp. 181–200 (In Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.04.10.
- Nagy H., Abdulkadr A.A., Neszmelyi G.I. (2024). The Role of Transport, ICT and Power Infrastructure in the Ethiopian Economy. *Economy of Regions*. Vol. 10, no. 1, pp. 235–247. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-16.
- Ramesh R., Abebe A. (2014). Has Economic Growth Contributed to Human Development in Ethiopia? *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 51, no. 6, pp. 641–655. DOI: 10.1177/0021909614555348.
- The Role... (2025). Onyeneke R.U., Atta-Ankomah R., Chikezie C., Abiodun Ihebuzor U., Obieche N.P. The Role of Institutional Quality, Foreign Direct Investments, Financial Development and Official Development Assistance in Promoting Agricultural Development in Africa. *Natural Resources Forum*. Pp. 1–16. DOI: 10.1111/1477-8947.70027.
- Ziso E. (2020). The Political Economy of the Chinese Model in Ethiopia. *Politics Policy*. Vol. 48, no. 5, pp. 908–931. DOI: 10.1111/polp.12374.

В национальном разрезе

УДК 338.2 (1*BR)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.08

Экономическая и финансовая политика правительства Лулы да Силвы в 2023–2024 гг.

Людмила Николаевна СИМОНОВА

кандидат экономических наук, руководитель Центра экономических исследований

Институт Латинской Америки РАН

ул. Большая Ордынка, д. 21, г. Москва, Российская Федерация, 115035

E-mail: ludmila-simonova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1144-2392

ЦИТИРОВАНИЕ: Симонова Л.Н. Экономическая и финансовая политика правительства Лулы да Силвы в 2023–2024 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 131–149. DOI: 10.31249/kgt/2025.03.08

Статья поступила в редакцию 27.07.2025.

Исправленный текст представлен 01.09.2025.

АННОТАЦИЯ. В данной статье представлен анализ основных направлений экономической политики Бразилии в первой половине третьего президентского мандата Луиса Инасиу Лулы да Силвы – с 1 января 2023 г. до конца 2024 г., а также перспективы развития страны до 2026 г. Приведена диагностика современного состояния экономики и государственных финансов Бразилии, даны оценки возможностей и рисков проводимых преобразований. Центральными моментами экономической политики Л.И. Лулы да Силвы являются усиление роли государства в модернизации промышленности и инфраструктуры в соответствии с требованиями технологического и экологического перехода, повышение конкурентоспособности страны, улучшение бизнес-среды и создание условий для привлечения

частных инвестиций в реализуемые проекты. Действующее правительство стремится сосредоточить усилия на стратегических направлениях реформирования, одновременно решая задачи сбалансированного роста национальной экономики и достижения финансовой устойчивости государства. Значительным успехом стало проведение реформы налогово-бюджетной системы, направленной на достижение большей справедливости при налогообложении доходов бразильцев, облегчение налоговой нагрузки на бизнес, обеспечение гибкости и ответственности в расходовании бюджетных средств. По мнению автора статьи, от прогресса в выполнении этих задач зависят перспективы вхождения Бразилии в число глобальных лидеров по уровню экономического и технологического развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Бразилия, экономическая политика, национальные планы и стратегии, модернизация промышленности и инфраструктуры, реформа налогово-бюджетной системы, бюджетный дефицит, государственный долг.

Приход к власти лидера Партии трудящихся (*Partido dos Trabalhadores*, PT) Луиса Инасиу Лулы да Силвы (более известного как Лула) спустя 12 лет после окончания прошлого правления (2003–2010) ознаменовал начало нового политического цикла, сопровождающееся сменой приоритетов социально-экономического развития. По ключевым аспектам политика третьего срока правления Лулы стала продолжением стратегии предыдущих правительств левоцентристов, прерванной правоцентристским президентом М. Темером (2016–2018) и его праворадикальным преемником Ж. Болсонару (2019–2022). Экономические программы М. Темера и Ж. Болсонару включали традиционные меры по приоритетному использованию рыночных механизмов: приватизацию государственных компаний, поддержку частного сектора, привлечение иностранных инвестиций. На передний план были выдвинуты задачи по ограничению роста государственных расходов и уменьшению госдолга, снижению инфляции и безработицы [Бразилия..., 2019].

Вместе с тем бразильский вариант второго «левого поворота» развернулся в совершенно иных обстоятельствах. Перед администрацией Луиса Инасиу Лулы да Силвы стояли вызовы, сопряженные с расколом и поляризацией гражданского общества, а также непростым экономическим положением, вызванным

последствиями пандемии и непредсказуемостью общемировой ситуации. Главе государства приходится управлять страной в условиях контроля оппозиционных сил в парламенте, противостояния губернаторского корпуса, выступлений части населения, поддерживающей оппозиционные силы и экс-президента Ж. Болсонару [Okuneva, 2025].

Несмотря на сложный внутриполитический расклад, Луле да Силве удалось консолидировать значительную часть бразильского общества и представителей властных структур вокруг идей национального возрождения и утверждения Бразилии в качестве одного из влиятельных центров в многополярном мире. Главным завоеванием первой половины третьего мандата Лулы стало принятие Национальным конгрессом целого ряда законодательных актов, направленных на улучшение условий жизни наиболее уязвимых слоев населения и обеспечение устойчивого роста бразильской экономики. Положительную роль сыграл политический опыт Лулы да Силвы, его умение маневрировать и создавать союзы и коалиции с оппозиционными силами для выполнения предвыборных обещаний и продвижения социально-экономических реформ.

По оценке правительства Бразилии, возвращение и новое наполнение социальных программ, структурные экономические реформы, модернизация налогово-бюджетной системы и расширение диалога с производственными секторами и обществом стали отличительными чертами первых двух лет правления Лулы да Силвы. Страгическая цель проводимых преобразования – создание более сильной, более конкурентоспособной и социально справедливой Бразилии¹.

1 *Futuro Seguro. As ações do Ministério da Fazenda para garantir avanços sociais e estabilidade econômica.* Período: 2023/2024 // Ministério da Fazenda. – 2025. – 104 p. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/futuro-seguro/revista-pdf/revista-futuro-seguro-digital.pdf> (дата обращения: 19.07.2025).

Основные направления экономической политики Лулы да Силвы

По ключевым аспектам экономическая политика третьего президентства Луиса Инасиу Лулы да Силвы стала продолжением стратегии предыдущих правительств РТ. В ее основе лежит принцип ведущей роли государства в стимулировании устойчивого экономического роста, в обеспечении социальной справедливости, защите интересов населения и бизнеса, а также в поддержании стабильности в стране. Особое внимание уделяется модернизации объектов инфраструктуры, а также решению системных проблем, тормозящих выход промышленности на инновационный путь развития, за счет повышения эффективности производства, автоматизации и внедрения передовых цифровых технологий.

Вместе с тем политика Лулы неизбежно корректируется под давлением оппозиции и текущих реалий. Современные глобальные вызовы, характеризующиеся замедлением роста мировой экономики, геополитической турбулентностью, требованиями технологического и экологического перехода, заставляют действующее правительство максимально сосредоточить усилия на стратегических направлениях реформирования, одновременно решая задачи сбалансированного роста национальной экономики и достижения финансовой устойчивости государства, обеспечения гибкости и ответственности в расходовании бюджетных средств и снижения госдолга. В отличие от предыдущих программ акцент сделан на использовании государственных ресурсов для привлечения частных инвестиций, на совершенствовании механизмов государственно-частного партнерства (ГЧП), на укреплении системы государственных закупок, со-

кращении бюрократических преград в деловой среде и в системе регистрации интеллектуальной собственности.

Все программы и планы, принятые в Бразилии в первой половине третьего мандата Лулы, содержат положения, направленные на увеличение инвестиций в экологически устойчивые сегменты экономики. По мнению руководства страны, глобальная повестка по энергетическому переходу и смягчению последствий изменения климата открывает новые возможности для неоиндустриализации и развития Бразилии [Couto, Rosas, 2023].

Среди важнейших задач – проведение налоговой реформы, направленной на более справедливое налогообложение доходов бразильцев, облегчение налоговой и административной нагрузки на бизнес, устранение «налоговых войн» между штатами, создание условий для роста инвестиций и повышения конкурентоспособности страны.

Курс на модернизацию промышленности

Необходимость принятия новой промышленной политики назрела на фоне усиления процесса деиндустриализации, который сопровождался уменьшением доли промышленной продукции в национальном ВВП. В 2015–2020 гг. в Бразилии было закрыто 36,6 тыс. предприятий промышленности. Снизилась доля страны в мировом индустриальном производстве – с 2,8% в 1995 г. до 1,3% в 2021 г. При этом возросла зависимость от импорта машин и оборудования, а также химической продукции, лежащей в основе ряда производственных цепочек [Braga de Andrade, 2022].

К причинам деиндустриализации в Бразилии относят повышенные структурные издержки в промышленном производстве. Этот феномен, известный

как «бразильская цена» (*Custo Brasil*), отражает проблемы, связанные со сложностью системы налогообложения, слабым развитием инфраструктуры, недостаточным финансированием, дефицитом квалифицированных кадров, макроэкономической нестабильностью и недоверием к государственным институтам [Braga de Andrade, 2022].

По мнению известного российского экономиста В.А. Красильщика, проблемы деиндустриализации Бразилии не столько экономические, сколько социальные и институциональные. Прорывение «проиндустриальной» финансово-экономической политики является важным, но не достаточным условием для реиндустриализации на новой технологической основе. Адекватная финансово-экономическая политика должна быть дополнена соответствующей социальной политикой, направленной на формирование человеческого капитала [Красильщиков, 2018, с. 54].

Государственная промышленная политика (*Nova indústria Brasil, NIB*), утвержденная 22 декабря 2023 г., определила стратегические области для инвестиций до 2033 г. в соответствии с их потенциальным влиянием на социально-экономическое развитие страны². Декретом президента от 6 апреля 2023 г. была возобновлена деятельность Национального совета промышленного развития (CNDI), приостановленная в 2016 г.

В начале 2024 г. Федеральное правительство утвердило План действий по неоиндустриализации 2024–2026 (*Plano de Ação para a Neoindustrialização 2024–2026*). На него выделялось 60 млрд долл., в том числе 54 млрд долл. в фор-

ме льготных кредитов и 4,2 млрд долл. в виде субсидий. Большая часть ресурсов поступает через программы финансирования Национального банка экономического и социального развития (BNDES), Бразильской корпорации промышленных исследований и инноваций (EMBRAPY) и Финансовой корпорации исследований и проектов (FINEP)³.

Среди приоритетных секторов экономики на период до 2033 г. – агропромышленный комплекс, включающий пищевую промышленность, сельскохозяйственное машиностроение и производство удобрений, здравоохранение, а также городская инфраструктура, информационные технологии, биоэкономика и национальная оборона [Пономарев, Симонова, 2024].

Предусмотрены налоговые льготы и специальные фонды для стимулирования некоторых секторов экономики. В список стратегических отраслей включены нефтехимия, производство удобрений, пластмассы, волокна, каучука, активных ингредиентов для лекарств, добавок для продуктов питания. Отдельная программа господдержки направлена на развитие автомобилестроения, увеличение производства электроники и полупроводников⁴. Налоговые льготы представляются производителям солнечных панелей в целях снижения зависимости от их импорта.

Расширены возможности использования госзакупок для стимулирования развития тех отраслей, которые считаются стратегическими для бразильской экономики. Приоритет в закупках и контрактах отдается продукции,

² Brasil ganha nova política industrial com metas e ações para o desenvolvimento até 2033 // MDIC. – 2024. – Janeiro 23. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/mdic/pt-br/assuntos/noticias/2024/janeiro/brasil-ganha-nova-politica-industrial-com-metas-e-acoes-para-o-desenvolvimento-ate-2033> (дата обращения: 27.07.2025).

³ Plano de Ação para a Neoindustrialização 2024–2026 // CNDI, MDIC. – 2024. – Janeiro 25. – 102 р. – Порт. яз. – URL: <https://telesintese.com.br/wp-content/uploads/2024/01/nova-industria-brasil-plano-de-acao-2024.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

⁴ Os 5 grandes fatos que marcaram o setor automotivo em 2023. – Порт. яз. – URL: <https://www.metagal.com.br/blog/confira-5-fatos-que-alavancaram-o-setor-automotivo-em-2023/> (дата обращения: 27.07.2025).

произведенной в Бразилии. Принята Национальная стратегия государственных закупок (*Estratégia Nacional de Contratações Públicas, ENCP*). Она призвана координировать работу правительства по определению потребностей, поиску и привлечению оптимальных подрядчиков. С целью обеспечения гибкости и прозрачности проведения тендера и заключения договоров подряда с 2024 г. действует Новый закон о государственных тендерах (*Nova Lei de Licitações*) как один из инструментов NIB⁵.

Новая промышленная политика Бразилии, несмотря на всю ее важность в плане стимулирования экономического развития страны, неоднозначно была оценена обществом и экспертами. Многочисленность принятых программ и законов (их список далеко не исчерпывается перечисленными выше документами), широкий охват сфер производства, привлечение к реализации многих министерств, фондов и отраслевых советов создают ряд рисков, связанных с бюрократической сложностью системы управления, которую правительство планировало выстроить посредством NIB. В то же время масштабное льготное кредитование рискует усугубить проблемы госдолга и бюджетного дефицита в случае, если вложения государства в промышленность не оправдаются и не принесут должного дохода [Taíar, Jubé, 2024].

Новая программа ускорения роста

Программа *Novo PAC*, объявленная президентом Лулой да Силва 11 августа 2023 г., представляет собой усовершенствованную версию прежней програм-

мы ускорения роста. Правительственный десятилетний план, охватывающий период до 2033 г. (*PAC-3*), направлен на стимулирование экономического роста за счет целевых инвестиций в такие области, как инфраструктура, жилищное строительство и обеспечение устойчивого развития. Объем инвестиций определен в 347 млрд долл., в том числе 287 млрд долл. планируется освоить в 2023–2026 гг. и 60 млрд долл. – после 2026 г.⁶

По оценке Всемирного банка, только для преодоления инфраструктурного разрыва Бразилии потребуется инвестировать 778 млрд долл. (3,7% ВВП в год) до 2030 г. На техническое обслуживание и замену активов приходится половина (345,3 млрд долл.) общих потребностей в инвестициях в инфраструктуру [World Bank, 2022, р. 10].

Первые две программы (*PAC-1*, запущенная во время второго президентского срока Лулы в 2007 г., и *PAC-2*, прерванная после ухода с поста президента Дилмы Руссефф в 2014 г.) не избежали критики экспернского сообщества относительно шансов выполнения и эффективности принятых инициатив. Проблемы варьировались в зависимости от задержек с реализацией, перерасхода бюджета, чрезмерной бюрократизации до рисков коррупции. Ряд инфраструктурных проектов вызвали обеспокоенность по поводу негативного воздействия на окружающую среду и переселения местных сообществ. Критики *PAC* также говорят, что программа повлекла за собой чрезмерные госрасходы, усугубив финансово-экономический кризис в Бразилии 2015–2016 гг.⁷

5 Plano de Ação para a Neoindustrialização 2024–2026 // CNDI, MDIC. – 2024. – Janeiro 25. – P. 21–22. – Порт. яз. – URL: <https://telesintese.com.br/wp-content/uploads/2024/01/nova-industria-brasil-plano-de-acao-2024.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

6 «NOVO PAC» is to invest BRL 1.7 trillion across all Brazilian states // Planalto. – 2023. – August 16. – URL: <https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2023/08/novo-pac-is-to-invest-brl-1-7-trillion-across-all-brazilian-states> (дата обращения: 27.07.2025).

7 Brazil to invest \$ 347.5B to boost infrastructure, ecology // NRI Nation. – 2023. – August 12. – URL: <https://www.mynriation.com/brazil/2023/08/12/brazil-to-invest-3475b-to-boost-infrastructure-ecology> (дата обращения: 27.07.2025).

Следует также учитывать, что большая часть инвестиций в государственный сектор Бразилии осуществляется региональными и местными администрациями. Штатам и муниципалитетам часто не хватает технических возможностей для подготовки и реализации масштабных инфраструктурных проектов. Кроме того, их планы не всегда согласуются с федеральными приоритетами, а строгий мониторинг расходов на инфраструктуру на разных уровнях власти затруднен [Пономарев, Симонова, 2024].

В дополнение к традиционным проектам в сфере инфраструктуры и транспорта (с акцентом на эффективность и устойчивость) третье издание программы включает ряд новых направлений. Предусмотрены ускоренная цифровизация, расширение охвата населения современными услугами мобильной связи, обеспечение доступа в Интернет, развитие науки и технологий, создание инклюзивной социальной среды и формирование устойчивых городов. Сопутствующие социальные расходы предусматривают соответствующие вложения в образование, здравоохранение и спорт. С другой стороны, приняты меры, направленные на повышение обороноспособности страны.

На первоначальном этапе важнейшей задачей правительства остается реализация незавершенных проектов, включенных в предыдущие PAC. Так, речь идет о программе доступного жилья, завершении строительства нефтеперерабатывающего завода в Пернамбуку, железнодорожной ветки, соединяющей муниципалитет Салгейро с портом Суапе (штат Пернамбуку), продлении зеленой линии метрополитена Сан-Паулу, а также

развитии железнодорожного сообщения между Сан-Паулу и Кампинасом. Еще один обновленный проект – АЭС «Ангра-3».

Выбор новых проектов осуществляется на основе конкурса предложений, которые должны быть представлены штатами и муниципалитетами. Более трети общей суммы (около 125 млрд долл.) правительство намерено потратить на обновление городской инфраструктуры, порядка 110 млрд долл. предназначено для энергетики, в первую очередь на проекты электрификации и развитие солнечной и ветровой энергетики. Еще свыше 70 млрд долл. власти собираются вложить в модернизацию путей сообщения. Средства пойдут на строительство дорог, на развитие морского, речного, железнодорожного и авиационного транспорта. В целом на подпрограммы «Энергетический переход и безопасность», «Эффективность и устойчивость на транспорте» и «Формирование устойчивых городов» приходится свыше 73% затрат, запланированных в рамках PAC-3⁸.

Принципиальное отличие новой программы заключается в том, что приоритетным вариантом финансирования являются частные инвестиции, реализуемые с использованием механизма концессий и тендера (инфраструктурные проекты, такие как автомагистрали, железные дороги, порты, аэропорты) или в рамках ГЧП (транспортная инфраструктура, санитария, энергетика и другие сектора). При этом ресурсы казначейства (*Tesouro Nacional*) будут направлены в проекты, которые не могут быть выполнены на основе партнерства с частными инвесторами, но имеют большое социальное значение.

8 New PAC presentation (Portuguese) // Planalto. – 2023. – URL: https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/noticias/2023/09/alckmin-brasil-vive-bom-momento-e-tem-grandes-oportunidades-para-atrair-investimentos-com-o-novo-pac/apresentacao_pac_portugues.pdf (дата обращения: 26.07.2025).

По данным правительства, 76 млрд долл., или 22% общего объема, будет инвестировано на федеральном уровне, в то время как государственные компании, такие как нефтяной гигант *Petrobras*, вложат 71 млрд долл. (20%). Ожидается, что частный сектор инвестирует в общей сложности 126 млрд долл. (36%), финансирование, предоставленное государственными банками, составит 74 млрд долл. (21%)⁹.

Программа государственно-частного партнерства (*Programa de Parcerias de Investimentos, PPI*) представляет собой один из основных механизмов стимулирования инвестиций в транспортную инфраструктуру, в производство и распределение электроэнергии, а также освоение нефтегазовых месторождений. К середине 2025 г. в инвестиционном портфеле *PPI* значилось более 500 инфраструктурных проектов, из которых 274 удалось реализовать. К приоритетным направлениям относятся проекты по развитию транспортной инфраструктуры, включая строительство и модернизацию железных дорог, аэропортов и портовых терминалов¹⁰. Инвестиционные проекты также реализуются через *BNDES*, который в Бразилии остается основным институтом развития.

Расширение и модернизация инфраструктуры не только создают рабочие места и стимулируют экономическую активность, но и улучшают внутренние и внешние связи страны, повышая эффективность международной торговли. Это, в свою очередь, может укрепить позиции Бразилии как привлекательного торгового партнера и более влиятельного игрока на международной арене, способствуя заключению многосторонних соглашений, в том числе

в рамках БРИКС. Кроме того, учет экологических требований при реализации проектов и программ, направленных на экономический рост, позволит привлечь дополнительные иностранные инвестиции и получить доступ к передовым зеленым технологиям.

Впрочем, важно отметить, что успехи *PAC-3*, как и программы «Новая промышленность Бразилии», будут зависеть от эффективности управления ресурсами, совершенствования планирования при реализации проектов, усиления взаимодействия и контроля на субрегиональном уровне. Эксперты ОЭСР, признавая необходимость повышения роли государства в стимулировании экономического роста, отмечают, что в ближайшие годы бюджетные возможности Бразилии для значительного увеличения государственных инвестиций в инфраструктуру будут по-прежнему ограничены, учитывая среди прочего высокие социальные обязательства и растущий госдолг [OECD, 2023, р. 71].

Налоговая реформа

Серьезным завоеванием правительства Бразилии стало принятие в конце 2023 г. поправок к Конституции страны, обеспечивающих проведение реформы одной из самых сложных и обременительных налоговых систем в мире. Утвердить «историческую налоговую реформу», затрагивающую **порядок взимания налога на потребление**, до конца 2023 г. было целью президента Лулы да Силвы. Федеральное правительство направило законопроекты по переходу на новую систему налогообложения потребления в парламент в апреле 2024 г., чтобы обеспе-

9 «NOVO PAC» is to invest BRL 1.7 trillion across all Brazilian states // Planalto. – 2023. – August 16. – URL: <https://www.gov.br/planalto/en/latest-news/2023/08/novo-pac-is-to-invest-brl-1-7-trillion-across-all-brazilian-states> (дата обращения: 26.07.2025).

10 *Programa de Parcerias para Investimentos (PPI)*. – Порт. яз. – URL: <https://ppi.gov.br/projetos/> (дата обращения: 20.07.2025).

чить их рассмотрение Национальным конгрессом до конца года¹¹.

Налоговая реформа – последняя и наиболее показательная в серии структурных реформ в Бразилии. В 2017 г. трудовое законодательство было модернизировано при М. Темере. В период президентства Ж. Болсонару Конгресс одобрил пенсионную реформу, которая повысила пенсионный возраст.

Чтобы понять, почему налоговая реформа считается революционной, рассмотрим нынешнюю систему. Конституция, принятая в 1988 г., наделила все три уровня власти – федеральный, штата и муниципальный – полномочиями взимать налоги на потребление. Это делает Бразилию исключением из 174 стран, в которых действует наиболее распространенный налог на потребление – налог на добавленную стоимость (НДС). В подавляющем большинстве случаев НДС взимается на национальном уровне. Бразилия уникальна тем, что распределяет ответственность за налогообложение между штатами и муниципалитетами и предоставляет им высокую степень свободы в том, как это делать. Поскольку в Бразилии в общей сложности 27 регионов (26 штатов и Федеральный округ) и 5570 муниципалитетов, страна¹², по мнению бывшего министра финансов Майлсона да Нобреги, превратилась в «сумасшедший дом из-за налогов»¹³.

В стране действует система налогов на потребление товаров и услуг, состоящая из пяти основных платежей. Три из них являются федеральными: про-

грамма социальной интеграции (*PIS*), взнос на финансирование социального обеспечения (*Cofins*) и налог на промышленную продукцию (*IPI*). Еще два налога – *ICMS*, *ISS* (каждый из которых имеет несколько вариаций) – взимаются на уровне штатов и муниципалитетов. Всё это приводит к высокой ставке налогообложения, низкой прозрачности, большим административным издержкам и конфликтам между федеральным центром и субъектами федерации.

По данным Всемирного банка, в 2020 г. налоговая нагрузка в Бразилии составляла 31,1% ВВП, что является одним из самых высоких показателей среди развивающихся экономик, но немного ниже среднего показателя по странам ОЭСР (33,6% ВВП). Хотя размер налогового бремени может быть оправдан недавним расширением сферы социальных услуг, за этой кажущейся нормальностью скрывается регрессивная и неэффективная налоговая система [World Bank, 2023, р. 155].

Хаотичная система налогообложения привела к многочисленным судебным разбирательствам. По оценкам Всемирного банка, в 2019 г. компаниям требовался 1501 час в год для соблюдения налогового законодательства Бразилии (для сравнения: средний показатель по миру – 234 часа). Многие предприятия сомневаются в том, какие налоги они должны платить и какому юридическому лицу. Зачастую компании обращаются в суд с требованием переквалифицировать свою продукцию, чтобы избежать уплаты налогов. Получение налоговых льгот по сделкам

11 Governo envia projeto de regulamentação do novo sistema de tributação do consumo ao Congresso Nacional // Ministério da Fazenda. – 2024. – Abril 24. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/assuntos/notícias/2024/abril/governo-envia-projeto-de-regulamentacao-do-novo-sistema-de-tributacao-do-consumo-ao-congresso-nacional> (дата обращения: 27.07.2025).

12 Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. Cidades e Estados. – Порт. яз. – URL: <https://www.ibge.gov.br/cidades-e-estados> (дата обращения: 27.07.2025).

13 Can Lula fix Brazil's fiscal mess? // The Economist. – 2024. – January 29. – URL: <https://www.economist.com/the-americas/2024/01/29/can-lula-fix-brazils-fiscal-mess> (дата обращения: 27.07.2025).

между штатами является еще более сложной задачей. Наконец, в Бразилии фирмам могут потребоваться годы, чтобы получить накопленные льготы от налоговых органов. Стоимость текущих дел в бразильских судах, связанных с налоговыми льготами, в 2023 г. превышала 5 трлн реалов (1 трлн долл. США), что эквивалентно 75% ВВП страны¹⁴.

Порядок сбора налогов также вносит искажения: налог на потребление выплачивается там, где товар произведен, а не там, где он потребляется. Это привело к тому, что штаты и города стали предлагать налоговые льготы для привлечения компаний. По оценкам МВФ, такие льготы приводят к ежегодной потере доходов в размере более 5% ВВП.

Существующая система налогообложения повышает себестоимость производства и наносит ущерб инвестициям. Многие налоги в Бразилии являются кумулятивными. Это означает, что производственные компании должны платить налог с каждого приобретенного товара (сырье, комплектующие и др.) без обеспечения возврата средств, как это происходит в других странах. Поэтому выпуск технологически сложной продукции, требующей высоких затрат, является непропорционально обременительной.

После трех с половиной десятилетий обсуждений и попыток реформа потребительского налога наконец была одобрена. 20 декабря 2023 г. Национальный конгресс принял поправку к Конституции (EC-132), которая изменяет систему налогообложения потребления в стране¹⁵.

Налоговая реформа заменяет пять налогов на потребление на международный стандарт двойного НДС: налог на товары и услуги (CBS), который будет взиматься федеральным правительством, и налог на товары и услуги штатов и муниципалитетов (IBS). Реформа создает селективный налог, носящий регулятивный характер, чтобы препятствовать потреблению товаров и услуг, наносящих вред здоровью и окружающей среде. Он сохраняет общую налоговую нагрузку на потребление, а также устанавливает нулевую или пониженную ставку для определенных товаров и услуг (базовая продовольственная корзина, сельскохозяйственные ресурсы и производство, лекарства, средства гигиены и чистящие средства, образовательные услуги, транспорт, культурные и спортивные мероприятия и другие).

Региональные налоги подлежат согласованию на федеральном уровне, что положит конец принятию решений по усмотрению штатов и муниципалитетов. Налоги больше не суммируются, зачеты затрат будут автоматическими. Таким образом, правительство надеется положить конец дифференцированным сборам для различных секторов, что обеспечит более благоприятную и эффективную деловую среду для бразильской экономики.

Изменения планируется вводить поэтапно с 2026 г., а некоторые из действующих налогов будут отменены с 2027 г. Стандартная ставка НДС может составить 27,5% к концу 2033 г., когда реформа должна полностью вступить в силу. Этот показатель по-прежнему будет самым высоким среди всех

14 Can Lula fix Brazil's fiscal mess? // The Economist. – 2024. – January 29. – URL: <https://www.economist.com/the-americas/2024/01/29/can-lula-fix-brazils-fiscal-mess> (дата обращения: 27.08.2025).

15 Congresso Nacional promulga Emenda Constitucional que muda o sistema de tributação do consumo // Ministério da Fazenda. – 2023. – Dezembro 21. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/assuntos/noticias/2023/dezembro/congresso-nacional-promulga-emenda-constitucional-que-muda-o-sistema-de-tributacao-do-consumo> (дата обращения: 20.07.2025).

крупных экономик, но существенно ниже 34%, которые могут применяться сегодня¹⁶.

Прогнозы Министерства финансов показывают, что проведение налоговой реформы может обеспечить дополнительный прирост ВВП Бразилии в размере 12–20% до 2033 г. Ожидается, что в результате ее реализации будет создано от 7 млн до 12 млн рабочих мест¹⁷.

Наконец, стоит выделить *реформу подоходного налога* (*Imposto de Renda, IR*), предложенную исполнительной властью в мае 2025 г. и вступающую в силу в случае одобрения парламентом с 2026 г. Реформа является финансово нейтральной, то есть не оказывает дополнительного влияния на доходы бюджета, но вносит структурные изменения в систему налогообложения физических лиц. Соответствующее предложение было направлено в Национальный конгресс в рамках законопроекта 1087/2025, который предполагает расширить освобождение от налога лиц с низкими доходами. Кроме того, устанавливается дополнительный минимальный налог, взимаемый с налогоплательщиков с очень высокими доходами. Реформа нацелена на обеспечение большей налоговой справедливости, освобождая от уплаты подоходного налога более 15,8 млн бразильцев, получающих до двух минимальных заработных плат. В пояснительной записке к вышеупомянутому законопроекту подчеркивается высо-

кая концентрация доходов в самом богатом социальном слое населения Бразилии: на долю 1% населения страны приходится 70% доходов¹⁸.

Для физических лиц с доходом до 5 тыс. реалов подлежащий уплате налог будет равен нулю. Новое изменение более чем в 2 раза увеличивает минимальный круг людей, которым не нужно платить подоходный налог. Это крупнейшее и наиболее эффективное изменение в таблице подоходного налога в новейшей истории Бразилии. Налогоплательщики с доходом от 5 тыс. до 7 тыс. реалов получат частичное освобождение от налога¹⁹.

Чтобы компенсировать выпадающие доходы, правительство предлагает ввести дополнительный налог на доходы, превышающие 600 тыс. реалов в месяц. Эффективная ставка линейно растет от 0 до 10% для валового дохода от 600 тыс. до 1,2 млн реалов в год и остается на уровне 10% для доходов свыше 1,2 млн реалов. При этом учитываются все доходы, полученные в течение года, включая зарплату, арендную плату, дивиденды, проценты и другие доходы²⁰.

Законопроект 1087/2025, основанный на принципе прогрессивности, направлен на устранение искажений, которые исторически характеризуют бразильскую налоговую систему. Это делает налогообложение доходов бразильцев более справедливым, способствуя снижению социального неравен-

16 Can Lula fix Brazil's fiscal mess? // The Economist. – 2024. – January 29. – URL: <https://www.economist.com/the-americas/2024/01/29/can-lula-fix-brazils-fiscal-mess> (дата обращения: 17.07.2025).

17 Mitos e Verdades // Ministério da Fazenda. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/reforma-tributaria/mitos-e-verdades> (дата обращения: 27.07.2025).

18 Projeto de Lei de Diretrizes Orçamentárias – PLDO. IV.2. Anexo de Metas Fiscais Anuais 2026 // Ministério do Planejamento e Orçamento. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/planejamento/pt-br/assuntos/orcamento/orcamentos-anuais/2026/pldo/3-anexo-iv-2-anexo-de-metas-fiscais-anuais.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

19 FAQ – Ampliação da Isenção do Imposto de Renda e tributação mínima das altas rendas // Ministério da Fazenda. – 2025. – Março 18. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/acesso-a-informacao/perguntas-frequentes/isencao-iprf/isencao-iprf> (дата обращения: 20.07.2025).

20 Projeto de Lei de Diretrizes Orçamentárias – PLDO. IV.2. Anexo de Metas Fiscais Anuais 2026 // Ministério do Planejamento e Orçamento. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/planejamento/pt-br/assuntos/orcamento/orcamentos-anuais/2026/pldo/3-anexo-iv-2-anexo-de-metas-fiscais-anuais.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

ства. В целом принятые федеральным правительством фискальные меры призваны содействовать устойчивому экономическому росту, сокращению безработицы и получению дополнительных доходов в бюджет.

Новые бюджетные правила

В августе 2023 г. Национальный конгресс одобрил новые бюджетные правила (*Novo arcabouço de regras fiscais, NAF*), призванные повысить среднесрочную предсказуемость государственных финансов и добавить гибкости, особенно в отношении инвестиций²¹.

Увеличение объема госинвестиций в Бразилии сдерживается особенностями бюджетного процесса, распределением доходов и обязательными минимальными расходами по определенным статьям. Конституция 1988 г. ввела минимальные доли расходов, предназначенных для здравоохранения, образования и социального обеспечения. Например, не менее 18% налоговых поступлений должно направляться на образование на федеральном уровне и 25% – на региональном, что, по мнению экспертов ОЭСР, ограничивает гибкость налогово-бюджетной системы с учетом демографических изменений или адаптации к неблагоприятным экономическим потрясениям. Бюджетная жесткость способствует проциклиности фискальной политики и связана с более низкой эффективностью государственных расходов. Так, 91% предлагаемого бюджета на 2023 г. отражал обязательные расходы, оставляя новому правительству очень огра-

ниченное бюджетное пространство для реализации приоритетов политики, а также для государственных инвестиций [OECD, 2023, р. 27–28].

Принятие новых бюджетных правил стало одним из основных условий, выдвинутых финансово-экономическим блоком правительства при одобрении пакета социальных мер в конце 2022 г. в рамках выполнения предвыборных обязательств Лулы да Силвы. Конституционная поправка о переходном периоде (*Emenda Constitucional da Transição*) увеличила первичный дефицит федерального бюджета на 2023 г. для обеспечения выплат социальных пособий по программе *Bolsa Família*²² и предоставления другой социальной поддержки бедным слоям населения. Дополнительные средства также были выделены для реализации государственных инвестиционных программ, включая строительство социального жилья, а также для повышения заработной платы и пенсий в государственном секторе [IMF, 2023].

Новые правила заменяют правило предельного уровня расходов, ограничивающее рост государственных расходов уровнем инфляции, и устанавливают зависимость между увеличением расходов и доходов, создавая условия для наращивания инвестиций и снижения госдолга. *NAF* легли в основу стратегии налогово-бюджетной политики, принятой на 2024 г. и последующее десятилетие. Соответствующие положения юридически закреплены в Дополнительном законе № 200/2023 (*LC 200/2023*), который ввел понятие «устойчивый налоговый режим» (*regime fiscal sustentável*) [PwC, 2023].

21 По определению МВФ, бюджетные правила устанавливают количественные ограничения на отдельные бюджетные параметры (величину государственного долга, дефицит бюджета, расходы (% ВВП), темпы роста), доходы. См.: [IMF, 2009].

22 По данным на конец сентября 2024 г., число бенефициаров программы обусловленных социальных трансфертов составило 20,83 млн семей, расходы федерального правительства равнялись 14,2 млрд реалов (2,8 млрд долл.) в месяц. Общий бюджет обновленной *Bolsa Família* эквивалентен 1,5% ВВП; *Pagamento dos benefícios do Bolsa Família de setembro de 2024 realizado // Informe. Bolsa Família. – 2024. – N 56. – Outubro 25. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/mds/pt-br/acoess-e-programas/bolsa-familia/informes/informes-bolsa-famí> (дата обращения: 20.07.2025).*

Допускается реальный рост государственных расходов не более чем на 70% от роста доходов предыдущего года. Это гарантирует, что расходы не будут основываться на нереалистичных оценках будущих доходов. Новая система также содержит механизм возвращения первичного баланса к целевому показателю при возникновении отклонений: если фактический первичный баланс бюджета находится ниже нижнего предела допустимого диапазона, рост государственных расходов в следующем году будет ограничен 50% от роста доходов. Включены два контриклических механизма, применяемые в периоды подъема или спада в экономике. Если гипотетически доходы вырастут на 7%, то расходы могут увеличиться максимум на 2,5%. Однако в противном случае, если наступит рецессия, расходы вырастут на 0,6%²³.

Предусмотрены меры по предотвращению использования чрезвычайных доходов для увеличения текущих расходов. Дополнительные доходы, которые приведут к более высокому, чем ожидалось, первичному профициту, должны быть использованы для финансирования государственных инвестиций и сокращения государственного долга. Так, до 70% превышения первичного баланса по отношению к целевому показателю может быть использовано для увеличения капитальных расходов. Если правительство не выполнит поставленную задачу, экономическая команда будет вынуждена ограничить расходы мерами, которые включают в себя предотвращение новых налоговых льгот или освобождений [IMF, 2023].

Новая налогово-бюджетная основа предусматривает разработку среднесрочного плана, который прилагается

к закону о годовом бюджете. Применяется скользящий четырехлетний целевой показатель первичного баланса с диапазоном допустимых отклонений 0,25 процентных пункта, что обеспечивает возможность адаптации к умеренным потрясениям, влияющим на государственные финансы. Закон о годовом бюджете должен включать прогнозы государственного долга на 10 лет при условии соблюдения установленных целевых показателей первичного баланса для оценки соответствующей траектории соотношения долга к ВВП и бюджетной устойчивости.

По оценке экспертов ОЭСР, приведенной в экономическом обзоре «Бразилия 2023», новая бюджетная система и налоговая реформа призваны способствовать долговой устойчивости и экономическому росту Бразилии. Вместе с тем расчеты показывают, что в ближайшие 2–3 года проблема ограничения роста госдолга и бюджетного дефицита будет оставаться актуальной, учитывая значительные социальные расходы и планы правительства по стимулированию экономического роста за счет государственного финансирования проектов промышленности и инфраструктуры [OECD, 2023].

Диагностика состояния экономики и государственных финансов

В 2021–2022 гг. экономика Бразилии пережила сильный подъем после неустойчивого роста в 2014–2019 гг. и резкого падения ВВП в 2020 г. из-за пандемии COVID-19. Темпы экономического роста составили 4,8% в 2021 г. и 3,0% в 2022 г., чему способствовали сильные бюджетные стимулы, успешная кампа-

23 Ministério da Fazenda apresenta nova regra fiscal e planeja zerar o déficit primário // Ministério da Fazenda. – 2023. – Março 30. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/fazenda/pt-br/assuntos/noticias/2023/marco/ministerio-da-fazenda-apresenta-nova-regra-fiscal-e-planeja-zerar-o-deficit-primario> (дата обращения: 20.07.2025).

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели в 2019–2024 гг.**Table 1.** Key macroeconomic indicators in 2019–2024

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Население, млн чел.*	210,9	211,7	212,6	207,9	209,2	210,1
ВВП, млрд долл. США в текущих ценах	1873,3	1476,1	1670,7	1951,8	2191,1	2171,3
ВВП на душу населения, долл. США в текущих ценах	9010,5	7057,1	7951,6	9256,5	10350,4	10214,0
Темпы прироста ВВП, %	1,2	-3,3	4,8	3,0	3,2	3,4
Уровень инфляции (среднегодовой), %	3,7	3,2	8,3	9,3	4,6	4,4
Уровень безработицы, % ЭАН	12,0	13,8	13,2	9,3	8,0	7,0
Инвестиции в основной капитал, % ВВП	15,5	16,6	17,9	17,8	16,4	17,0
Государственные доходы**, % ВВП	38,2	34,5	37,7	39,5	37,6	38,8
Государственные расходы**, % ВВП	43,0	46,2	40,4	43,4	45,3	45,5
Первичное сальдо госбюджета**, % ВВП	-1,20	-9,79	-0,40	0,55	-2,42	-0,39
Баланс госбюджета**, % ВВП	-5,40	-13,30	-4,92	-4,45	-8,03	-7,67
Первичное сальдо баланса госсектора, % ВВП	-0,84	-9,24	0,72	1,25	-2,28	-0,40
Финансовый баланс госсектора, % ВВП	-5,81	-13,34	-4,26	-4,57	-8,84	-8,05
Госдолг, % ВВП (по методологии МВФ)	87,1	96,0	88,9	83,9	84,0	87,3

* – численность населения скорректирована с учетом данных переписи 2022 г.;

** – федеральное правительство, правительства штатов и муниципалитетов.

Источник: составлено по: World Economic Outlook Database // IMF. – 2025. – April. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2025/april/select-subjects?c=223> (дата обращения: 27.07.2025); Fiscal statistics // Banco Central do Brasil. – URL: <https://www.bcb.gov.br/en/statistics/fiscalstatistics> (дата обращения: 27.07.2025).

ния вакцинации, благоприятная конъюнктура мирового рынка и повышение спроса на услуги.

В 2023 г. объем ВВП Бразилии в постоянных ценах увеличился на 3,0%, что обусловлено высоким урожаем сельскохозяйственных культур, увеличением экспорта, ростом потребления домашних хозяйств и госсектора. При этом инвестиции, несмотря на стимулирующие меры правительства, оставались на низком уровне, а норма капиталовложений сократилась до 16,4% (к ВВП) по сравнению с 17,8% 2022 г. (таблица 1).

По данным Института географии

и статистики Бразилии, в 2024 г. ВВП увеличился на 3,4%. Рост зарегистрирован в промышленности (3,3%) и сфере услуг (3,7%). В результате негативного воздействия наводнения в Риу-Гранди-Ду-Сул выпуск продукции сельского хозяйства сократился на 3,2%. Реализация проектов в сфере инфраструктуры (дороги, порты, электросети), стимулирование внутренних инвестиций в аграрный и промышленный сектора, а также поддержка малого и среднего бизнеса через налоговые льготы позволили восстановить инвестиции в основной капитал до 17% ВВП. Средний уровень безработицы снизился с 7,8%

в 2023 г. до 6,6% в 2024 г., что является самым низким показателем в исторической серии, начатой в 2012 г.²⁴

Одним из факторов замедления темпов роста экономики в 2025 г. (до 2,3%, по оценке Министерства планирования и бюджета Бразилии) стала политика Центрального банка Бразилии по сдерживанию инфляции. В 2026 г. правительство прогнозирует рост ВВП на 2,5%²⁵. По заявлению министра финансов Ф. Аддада, правительство продолжит политику активного инвестирования в инфраструктуру, поддержки малого и среднего бизнеса, а также стимулирования внутреннего спроса. По оценке Центрального банка Бразилии, внешние сценарные условия остаются сложными главным образом из-за торговой и налогово-бюджетной политики Соединённых Штатов и ее последствий для глобальных финансовых рынков. При этом страна демонстрирует устойчивость в условиях торговых войн США и Китая²⁶.

Прогноз международных финансовых организаций более пессимистичный, чем прогноз правительства и Центрального банка Бразилии. Согласно апрельскому отчету МВФ, в 2025–2026 гг. экономика страны будет расти на 2,0% в год [IMF, 2025].

В 2022 г. отмечался резкий скачок цен в Бразилии, в том числе под влиянием глобальной инфляции, дисбаланса между спросом и предложением на товары и услуги, повышения цен на энергоносители и продовольствие, а также в результате принятых мер

по поддержке экономики и населения в период COVID-19. С целью борьбы с инфляцией, которая в апреле – июле 2022 г. колебалась вокруг 12%, Центральный банк Бразилии повысил базовую ставку *Selic* до 13,8% и удерживал ее на этом высоком уровне фактически год, до августа 2023 г.

В результате своевременно принятых мер по ужесточению денежно-кредитной политики в 2023 г. произошло замедление инфляции до 4,6%. Достижение целевых показателей позволило Центральному банку Бразилии понизить учетную ставку до 12,25% в декабре 2023 г. В 2024 г. снижение продолжилось – до 10,5% к сентябрю 2024 г. Однако до конца года Центральный банк Бразилии был вынужден трижды повышать базовую процентную ставку. По итогам 2024 г. индекс потребительских цен составил 4,4%.

На заседании 18 июня 2025 г. Комитет по денежно-кредитной политике (*Copom*) повысил базовую ставку до 15%. По мнению регулятора, на ужесточение монетарных условий в стране повлияли растущая инфляция (около 5% по итогам года), внешние риски, а также ожидания относительно роста национальной экономики. Целевой показатель инфляции в стране на последующие два года определен на уровне 3% с допустимым отклонением в 1,5 процентных пункта²⁷.

Главным условием положительной динамики экономических показателей Бразилии является продолжение структурных реформ. При этом экс-

24 PIB cresce 3,4% em 2024 e fecha o ano em R\$ 11,7 trilhões // IBGE. Agencia de Notícias. – 2025. – Março 7. – Порт. яз. – URL: <https://agenciadenoticias.ibge.gov.br/agencia-sala-de-imprensa/2013-agencia-de-noticias/releases/42774-pib-cresce-3-4-em-2024-e-fecha-o-ano-em-r-11-7-trilhoes> (дата обращения: 20.07.2025).

25 Projeto de Lei de Diretrizes Orçamentárias – PLDO. IV.2. Anexo de Metas Fiscais Anuais 2026. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/planejamento/pt-br/assuntos/orcamento/orcamentos-anuais/2026/pldo/3-anexo-iv-2-anexo-de-metas-fiscais-anuais.pdf> (дата обращения: 25.07.2025).

26 Copom increases the Selic rate to 15.00% p.a. // Banco Central do Brasil. – 2025. – June 18. – Порт. яз. – URL: <https://www.bcb.gov.br/en/pressdetail/2615/nota> (дата обращения: 27.07.2025).

27 Copom increases the Selic rate to 15.00% p.a. // Banco Central do Brasil. – 2025. – June 18. – Порт. яз. – URL: <https://www.bcb.gov.br/en/pressdetail/2615/nota> (дата обращения: 27.07.2025).

перты МВФ указывают на существенное повышение глобальных рисков, способных негативно повлиять на динамику мировой экономики и торговли и перспективы экономического роста Бразилии.

Состояние государственных финансов Бразилии в 2023 г. в значительной степени определялось принятием правительством мер по увеличению социальных расходов в соответствии с предвыборными обещаниями Лулы да Силвы. Бюджетные позиции ухудшились на фоне замедления роста доходов и увеличения социальных трансфертов. Первичный дефицит центрального правительства (до выплаты процентов по госдолгу) составил 2,42% ВВП по сравнению с профицитом в 0,55% ВВП годом ранее. Баланс бюджета центрального правительства (после выплаты процентов) составил –8,03% ВВП.

В 2024 г. финансовая ситуация оставалась напряженной. По итогам года первичный дефицит достиг 0,39% ВВП, после выплаты процентов – 7,67% ВВП, что существенно выше установленных правительством индикативных показателей. Государственный долг (федерального правительства, правительств штатов и муниципалитетов) увеличился на 2,7 процентных пункта, до 76,5% ВВП. По методике МВФ он составил 87,5% ВВП²⁸.

В 2025 г. планируется снижение первичного дефицита до 0,23% ВВП. Очевидно, что достижение этой цели потребует жесткой финансовой дисциплины и сокращения расходов, в том числе на социальные выплаты. При этом номинальный баланс бюдже-

та ожидается на уровне предыдущего года (–7,6%), учитывая ужесточение денежно-кредитной политики Центрального банка Бразилии для снижения уровня инфляции до целевого показателя в 3%²⁹.

По мнению правительства Бразилии, принятие новых правил и фискальных мер сделало налоговую-бюджетную систему более гибкой, способной приспособливаться к экономическим потрясениям без ущерба для последовательной реализации задач, направленных на улучшение условий жизни для наиболее уязвимых слоев населения и сокращение неравенства. В свою очередь, они призваны содействовать устойчивому экономическому росту и снижению безработицы. При этом очевидно, что достижение цели бюджетной консолидации в среднесрочной и долгосрочной перспективе требует соблюдения фискальной ответственности, адекватности бюджетной политики экономическому циклу и денежно-кредитной политике. Бразилии еще предстоит пройти сложный путь укрепления налогово-бюджетной структуры и поиска финансовой устойчивости государства, ориентированной на обеспечение сбалансированного роста и создание условий для стабилизации и последующего снижения государственного долга.

Результаты и выводы

Подводя итоги первой половины третьего мандата Л.И. Лулы да Силвы, можно отметить, что команде президента в основном удалось воплотить в жизнь положения предвыборной про-

²⁸ Fiscal statistics // Banco Central do Brasil. – 2025. – April. – URL: <https://www.bcb.gov.br/en/statistics/fiscalstatistics> (дата обращения: 27.07.2025).

²⁹ Projeto de Lei de Diretrizes Orçamentárias – PLDO. IV.2. Anexo de Metas Fiscais Anuais 2026. – Порт. яз. – URL: <https://www.gov.br/planejamento/pt-br/assuntos/orcamento/orcamntos-anuais/2026/pldo/3-anexo-iv-2-anexo-de-metas-fiscais-anuais.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

граммы и найти компромиссные решения в сфере социально-экономического развития. В целом следует подчеркнуть гибридный характер проводимой политики. С одной стороны, перед Лулей стояли задачи по возобновлению социальных программ, прерванных в период президентства Ж. Болсонару, и обеспечению прогресса в экономической модернизации, что требует расширения участия государства в хозяйственном процессе. С другой стороны, он вынужден адаптировать экономическую политику к реальным условиям и возможностям, поддерживая проведение реформ, направленных на достижение устойчивости и предсказуемости государственных финансов, снижение госдолга, а также повышение гибкости и ответственности в расходовании бюджетных средств.

Перспективы реализации социальных программ Л.И. Лулы да Силвы, направленных на преодоление бедности, социального неравенства, повышения уровня образования, доступности и качества медицинских услуг, в значительной степени зависят от финансовых возможностей и бюджетной политики государства, которая претерпела существенные изменения после утверждения новых бюджетных правил. Очевидно, что часть социальных программ, принятых на волне предвыборных обещаний, во второй половине президентского срока будет скорректирована, что способно осложнить политическую судьбу Лулы в случае выдвижения его кандидатуры на выборах 2026 г.

Новый этап экономического развития страны проходит в контексте взаимосвязанных процессов декарбонизации, реиндустириализации и цифровизации. Реализуемые правительством Лулы программы модернизации нацелены на существенный рывок в преодолении технологического отставания от центров мировой экономики

и в повышении конкурентоспособности страны. Они носят долгосрочный характер и будут определять вектор развития страны на ближайшее десятилетие независимо от результатов президентских выборов 2026 г. При этом успех проводимых преобразований в значительной степени будет зависеть от эффективности управления ресурсами, совершенствования планирования при реализации проектов, усиления взаимодействия и контроля на субрегиональном уровне.

В обозримой перспективе России будет довольно комфортно взаимодействовать с Бразилией, включая расширение диалога в рамках БРИКС. Положительную роль способно сыграть прагматическое признание национальных интересов, а также стремление к многополярности мира и повышению статуса новых мировых держав. Бразильская экономика демонстрирует модернизацию широким фронтом в духе продекларированной неоиндустриализации. Перспективы связаны с реализацией масштабных инвестиционных и научно-технических проектов, что открывает дополнительные возможности для сотрудничества в таких областях, как производство удобрений, нефтепереработка, атомная энергетика, добывающая промышленность, АПК, зеленая экономика, широкая гамма высоких технологий, транспортная инфраструктура.

Бразилия, как и Россия, сохраняет за собой статус «экорезерва», или «кредитора» биомассы. Обе страны располагают месторождениями углеводородов и другого сырья, обширными лесными территориями, значительными запасами такого стратегического природного ресурса, как пресная вода. Обе страны могут столкнуться с усилением амбиций третьих стран в отношении их богатых природными ресурсами, но малозаселенных территорий –

Сибири и Амазонии. Эта общность дает основания для сближения позиций в вопросах сохранения и защиты природно-ресурсных потенциалов, адаптации к климатическим изменениям.

Список литературы

Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле / Серия «Саммит»; отв. ред. В.М. Давыдов. – Москва : ИЛА РАН, 2019. – 144 с.

Красильщиков В.А. Деиндустриализация в Бразилии: уроки для России // Экономическое возрождение России. – 2018. – № 3. – С. 46–62.

Пономарёв Е.А., Симонова Л.Н. Новая экономическая политика Бразилии // Латинская Америка. – 2024. – № 10. – С. 6–20. – DOI: 10.31857/S0044748X24100019.

Braga de Andrade R. (2022). Reversão da desindustrialização é crucial para o Brasil crescer de forma sustentável // Agência de Notícias da Indústria. – 2022. – October 2. – Порт. яз. – URL: <https://noticias.portaldaindustria.com.br/artigos/robson-braga-de-andrade/reversao-da-desindustrializacao-e-crucial-para-o-brasil-crescer-de-forma-sustentavel/> (дата обращения: 20.07.2025).

Couto F, Rosas R. Brazil must improve rules to lead energy transition // Valor International. – 2023. – March 11. – URL: <https://valorinternational.globo.com/economy/news/2023/11/03/brazil-must-improve-rules-to-lead-energy-transition.ghml> (дата обращения: 26.07.2025).

IMF. Country Report No. 23/288 Brazil 2023 Article IV Consultation // IMF Press Release. – 2023. – July. – 99 p. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/07/31/Brazil-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-Staff-Supplement-and-537328> (дата обращения: 20.07.2025).

Brazil-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-Staff-Supplement-and-537328 (дата обращения: 20.07.2025).

IMF. Fiscal Rules: Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances // International Monetary Fund. – 2009. – 72 p. – URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2009/121609.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

IMF. World Economic Outlook, April 2025 // International Monetary Fund. – 2025. – April. – 190 p. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/04/22/world-economic-outlook-april-2025> (дата обращения: 27.07.2025).

OECD. Economic Surveys: Brazil 2023. – Paris : OECD Publishing, 2023. – 126 p. – URL: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2024/03/ocde-estudo-brasil-18dez2023.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

Okuneva L. Dinâmica Del Proceso Político En Brasil: El tercer mandato de Luiz Inácio Lula Da Silva // Iberoamérica. – 2025. – N 2. – P. 105–126. – Исп. яз. – DOI: 10.37656/s20768400-2025-02-06 (дата обращения: 31.08.2025).

World Bank. Brazil – Infrastructure Assessment : Synthesis Report (English) // World Bank. – 2022. – 132 p. – URL: <https://documents1.worldbank.org/cu-rated/en/099140006292213309/pdf/P1745440133da50c0a2630ad342de1ac83.pdf> (дата обращения: 27.07.2025).

World Bank. The Brazil of the Future Towards Productivity, Inclusion, and Sustainability // World Bank. – 2023. – 239 p. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/publication/brazil-future-towards-productivity-inclusion-sustainability> (дата обращения: 27.07.2025).

National Peculiarities

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.08

Economic and Financial Policies of the Lula da Silva's Government in 2023–2024

Ludmila N. SIMONOVA

PhD (Econ.), Head of the Center for Economic Research

Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences

B. Ordynka Street, 21, Moscow, Russian Federation, 115035

E-mail: ludmila-simonova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1144-2392

CITATION: Simonova L.N. (2025). Economic and Financial Policies of the Lula da Silva's Government in 2023–2024. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 131–149 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.08

Received: 27.07.2025.

Revised: 01.09.2025.

ABSTRACT. The article provides an analysis of the main economic policy directions of Brazil in the first half of the third presidential mandate of Luiz Inácio Lula da Silva (Lula) – from January 1, 2023 to the end of 2024, as well as the prospects for the country's development until 2026. The article offers a diagnosis of the current state of the Brazilian economy and public finances, and assesses the opportunities and risks of the ongoing transformations. The central points of Lula da Silva's economic policy are strengthening the role of the state in modernizing industry and infrastructure in accordance with the requirements of technological and environmental transition, increasing the country's competitiveness, improving the business environment, and creating conditions for attracting private investment in ongoing projects. The current government is striving to focus its efforts on strategic areas of reform, while also addressing the challenges of balanced economic growth and financial sustainability. One notable achievement has been

the implementation of a fiscal reform aimed at achieving greater fairness in the taxation of Brazilian citizens' income, reducing the tax burden on businesses, and promoting flexibility and accountability in budget management. According to the author, progress in these areas is crucial for Brazil's prospects of becoming a global leader in economic and technological development.

KEYWORDS: Brazil, socio-economic policy, national plans and strategies, modernization of industry and infrastructure, tax and budgetary system reform, budget deficit, public debt.

References

Braga de Andrade R. (2022). Reversing deindustrialization is crucial for Brazil to grow sustainably. *Agência de Notícias da Indústria*. October 2 (in Portuguese). Available at: <https://noticias.portaldaindustria.com.br>.

- com.br/artigos/robson-braga-de-andrade/reversao-da-desindustrializacao-e-crucial-para-o-brasil-crescer-de-forma-sustentavel/, accessed 20.07.2025.
- Braziliya... (2019). Davydov V.M. (ed.). *Brazil: Shifting Priorities in a New Political Cycle*. The Summit Series. Moscow, ILA RAN, 144 pp. (in Russian).
- Couto F., Rosas R. (2023). Brazil must improve rules to lead energy transition. *Valor International*. March 11. Available at: <https://valorinternational.globo.com/economy/news/2023/11/03/brazil-must-improve-rules-to-lead-energy-transition.ghtml>, accessed 26.07.2025.
- IMF (2009). *Fiscal Rules: Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances*. 72 pp. Available at: <https://www.imf.org/external/np/eng/2009/121609.pdf>, accessed 27.07.2025.
- IMF (2023). Country Report No. 23/288 Brazil 2023 Article IV Consultation. *IMF Press Release*. July, 99 pp. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/07/31/Brazil-2023-Article-IV-Consultation-Press-Release-Staff-Report-Staff-Supplement-and-537328>, accessed 20.07.2025.
- IMF (2025). *World Economic Outlook, April 2025*. 190 pp. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2025/04/22/world-economic-outlook-april-2025>, accessed 27.07.2025.
- Krasilshchikov V. (2018). Deindustrialisation in Brazil: implications for Russia. *The Economic Revival of Russia*. No. 3, pp. 46–62 (in Russian).
- OECD (2023). *Economic Surveys: Brazil 2023*. Paris: OECD Publishing, 126 pp. Available at: <https://www.developmentaid.org/api/frontend/cms/file/2024/03/ocde-estudo-brasil-18dez2023.pdf>, accessed 27.07.2025.
- Okuneva L. (2025). Dynamics of the Political Process in Brazil: The Third Term of Luiz Inácio Lula Da Silva. *Iberoamérica*. No. 2, pp. 105–126 (in Spanish). DOI: 10.37656/s20768400-2025-02-06.
- Ponomarev E., Simonova L. (2024). Brazil's New Economic Policy. *Latin America*. No. 10, pp. 6–20 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X24100019.
- Taiar E., Jubé A. (2024). Q&A: Brazil's new industrial policy may exceed R\$300bn. VP says. *Valor International*. Janeiro 26. Available at: <https://valorinternational.globo.com/politics/news/2024/01/26/qanda-brazils-new-industrial-policy-may-exceed-r300bn-vp-says.ghtml>, accessed 31.08.2025.
- World Bank (2022). *Brazil – Infrastructure Assessment: Synthesis Report (English)*. 132 pp. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099140006292213309/pdf/P1745440133da50c0a2630ad342de1ac83.pdf>, accessed 25.08.2025.
- World Bank (2023). *The Brazil of the Future Towards Productivity, Inclusion, and Sustainability*. 239 pp. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/publication/brazil-future-towards-productivity-inclusion-sustainability>, accessed 27.08.2025.

УДК 338.2:338.45(1*IR)
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.09

Развитие индустрий редкоземельных металлов и лития в Иране как фактор национальной энергетической и технологической безопасности

Илья Дмитриевич БАСКАКОВ

младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ilya_baskakov00@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2842-4804

ЦИТИРОВАНИЕ: Баскаков И.Д. Развитие индустрий редкоземельных металлов и лития в Иране как фактор национальной энергетической и технологической безопасности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 150–165.

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.09

Статья поступила в редакцию 26.02.2025.

Исправленный текст представлен 21.04.2025.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-01479 «Новое “открытие” Россией Юго-Западной и Южной Азии: взаимозависимость внешнеэкономических связей и geopolитики», <https://rscf.ru/project/25-28-01479/>

АННОТАЦИЯ. В последние годы в мировой политике и в академической среде наблюдается значительный рост интереса к проблеме доступа стран к критически важным материалам и ноу-хау по их эксплуатации, в частности, речь идет о необходимых для прогресса в высокотехнологичных отраслях литии и редкоземельных металлах. В статье рассматривается вопрос развития индустрии редкоземельных металлов и лития в Иране в контексте национальной модели модернизации, реализуемой данным государ-

дарством. Прослеживается динамика становления и эволюции национальной индустрии редкоземельных металлов и лития в Иране с учетом внутренних научно-технологических наработок и возможностей международного сотрудничества. Учитывается фактор санкционного давления со стороны США против горнодобывающей и металлургической промышленности Ирана. Автор полагает, что развитие индустрии редкоземельных металлов и лития может способствовать достижению ряда ключевых положений доктрины «эко-

номика сопротивления»: обеспечить высокие темпы роста экономики, предотвратить негативное воздействие санкций в соответствующей отрасли, реализовать внутренние возможности, достичь самообеспеченности по стратегическим товарам, сократить зависимость от нефтяных доходов, способствовать созданию инновационной экономики. В условиях значительного контроля рынков редкоземельных металлов и лития рядом государств или картелей компаний Иран заинтересован в развитии национальных индустрий данных критически важных материалов, что в перспективе имеет ключевое значение для достижения стратегических целей данного государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иран, экономика сопротивления, редкоземельные металлы, литий, модернизация, санкции, энергетика, технологии, горнодобывающий сектор.

Введение

Стремительное научно-техническое развитие является одним из факторов современной мировой политики. Технологии определяют внутренний социально-экономический ландшафт государств и ориентиры их внешней политики. При этом реализация технологических проектов требует как доступа к инженерным разработкам, так и к ресурсам для их воплощения. В условиях глобальной турбулентности и растущей геополитической напряженности особое значение приобретают критически важные материалы, необходимые для поддержания работоспособности промышленных экосистем ведущих стран мира. К группе критически важных сырьевых материалов, чья роль обозначилась в 2020-е годы, относятся в том числе редкоземельные металлы и литий.

Проблематика доступа к критически важным материалам и возможности их эксплуатации затрагивает и Иран – государство, находящееся в сложных внешнеполитических условиях конфронтации с США и союзному им блоку стран. При этом характерной чертой Ирана, его внутренней и внешней политики служит тесное переплетение идеализма и прагматизма, идеологических устремлений и соображений обеспечения национальной безопасности. Потому и вопрос такой части иранской экономики, как existence индустрии редкоземельных металлов и лития, есть вопрос одновременно концептуальный и практический, вопрос, который следует рассматривать через призму концепции «экономики сопротивления» и соображений национальной энергетической и технологической безопасности.

«Экономика сопротивления» как инструмент защиты иранской модели модернизации

Исламская Республика Иран как восходящая региональная держава, претендующая на статус центра силы нового мироустройства [Кузнецов, 2022, с. 112], опирается на свой собственный национальный проект модернизации. В истории Ирана после революции 1979 г. можно выделить два крупных этапа реализации этого проекта: ранний постреволюционный (1979–1988) и современный (с 1989 г.). Безусловно, современный этап реализации иранского национального проекта модернизации неоднороден и также включает в себя различные по временным рамкам модели и подходы к его осуществлению.

Исламский режим в Иране, «осуществляющий “священно-коллективистскую” (Дэвид Альтер) модернизацию», «совмещает исламские идеи

с основами демократии как процедурной формы и демонстрирует способность к эволюции, активно отстаивая национальные интересы, особенно в области внешней политики, ядерной программы и экономики» [Кудряшова, 2012, с. 131].

Общей фундаментальной чертой современного этапа реализации иранского проекта модернизации в сравнении с ранним постреволюционным является представление о соотношении Ирана и окружающей его мирополитической среды. Ранний постреволюционный Иран, руководствуясь мессианским внешнеполитическим курсом и идеей «экспорта революции», стремился активно изменить внешнюю среду в соответствии со своими представлениями, что позволило бы ему «расторваться» в ней. В тех условиях иранская экономика могла бы стать частью более широкой внешней экономической среды, преобразованной по иранским революционным лекалам (будь то вся глобальная экономическая система или значимая совокупность национальных экономических систем).

Однако ранний постреволюционный курс привел к тому, что «Иран временно потерял признание мирового сообщества и перестал быть системным игроком на международной арене» [Юртаев, 2012, с. 24]. Последовал пересмотр представления о соотношении Ирана и внешней среды, и на современном этапе развития Иран взял курс на интеграцию в мирополитическую систему, пусть и стремясь при этом отстоять свои национальные интересы. В этих условиях реализация национального проекта модернизации вне зависимости от состояния и давления внешней среды стала ключевой задачей для руководства Ирана. Как отмечают Е.В. Дунаева и Н.М. Мамедова, «представляется, что долгосрочной целью всей политики режима, в том числе его внешней политики, является успешная реализация

исламского проекта. Установление и сохранение исламской формы правления для Ирана – это проект и национальный (позволяет сохранить многонациональное государство как единое), и региональный (позволяющий стать региональным лидером), и глобальный (повышает роль ислама как политического фактора в международных отношениях)» [Дунаева, Мамедова, 2011]. Одновременно с этим иранский проект модернизации стал одним из ответов на кризис распространенных теорий модернизации, пришедшийся на середину 1980-х годов [Володин, 2003].

И если с экономической точки зрения до середины 2000-х годов внешняя среда не оказывала критического давления на Иран, а значит, экономическая сторона национального проекта модернизации могла стабильно развиваться, то последующие сильные волны санкционного воздействия потребовали от руководства страны разработки комплекса защитных мер. Этим комплексом мер стала доктрина «экономики сопротивления». Таким образом, концепция «экономики сопротивления» стала инструментом защиты экономического измерения иранского проекта модернизации на современном этапе от критического давления извне.

Концепция «экономики сопротивления» диктует необходимость укрепления самодостаточности Ирана в промышленности. Как отмечает В.И. Белов (Юртаев), основная идея «экономики сопротивления», запущенной в Иране в 2013 г., заключается в «полном использовании внутренних резервов роста в целях интенсивного развития реального сектора экономики и национального производства», развитии научно-кемких производств и отраслей по глубокой переработке природного сырья с ориентацией на экспорт, «создании в ИРИ независимых от внешних поставок отраслей» [Юртаев, 2017, с. 71–73].

«Экономику сопротивления» как «частично самодостаточная экономическая система с сильным государственным присутствием, основной целью которой является обеспечение выживания режима во враждебной среде», в своей нынешней форме оформилась «с введением в отношении ИРИ наиболее жестких в ее истории санкционных мер 2010–2015 гг. и с 2018-го по нынешнее время» [Кожанов, 2023, с. 73–82].

Исследователи факультета права и политологии Тегеранского университета М. Дж. Джавади-Арджманд и А. Ализаде в своей работе анализируют «экономику сопротивления» через призму теории национальной экономии немецкого ученого Фридриха Листа. Ф. Лист в своем труде «Национальная система политической экономии» подчеркивал роль национальных особенностей хозяйственного развития отдельных стран. Иранские исследователи отмечают, что «экономику сопротивления» сходна с национальной экономией Ф. Листа в том, что обе делают упор на экономическую эндогенность (нацеленность на полное задействование национального потенциала в национальном производстве) и экономическую «экстравертivность» (нацеленность на экономическую мощь и активное взаимодействие для экспорта национальной продукции). Однако «экономику сопротивления» отличает опора на религиозные принципы, которая, к примеру, диктует, что экономика страны должна быть неразрывно связана со справедливостью [Джавади-Арджманд, Ализаде, 2021].

Индустрия редкоземельных металлов в Иране: динамика развития

По словам главы Иранской организации по развитию и реконструкции шахт и горнодобывающей промышленности (*IMIDRO*), Иран ежегодно импортирует около 180 тонн редкоземельных металлов для внутренних нужд¹. Это обходится стране в 3,5 млн долл. каждый год². Статистику по импорту Ираном редкоземельных металлов приводит также Всемирный банк. Данные, предоставляемые этой организацией, хоть и заканчиваются 2021 г., тем не менее дают представление об общих трендах в упомянутой отрасли. Так, можно отметить, что с середины 2010-х годов импорт Ираном редкоземельных металлов рос, достигнув максимума в 2020 г., после чего несколько снизился в 2021 г.³ Основными партнерами, от которых Иран в указанный период получал редкоземельные металлы, являлись КНР, ОАЭ, Турция. В целом эти данные подтверждают востребованность редкоземельных металлов в иранской экономике и вытекающую отсюда необходимость развития внутреннего потенциала Ирана в данной области в контексте идей «экономики сопротивления».

Редкоземельные металлы (РЗМ) являются одним из стратегических ресурсов в современной мировой политике. Они используются в различных высокотехнологичных отраслях экономики, в том числе в создании экологически чистых видов транспорта,

1 Iran begins producing rare earth for first time // Press TV. – 2020. – January 28. – URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2020/01/28/617294/Iran-rare-earth-minerals-mining-added-value> (дата обращения: 02.09.2024).

2 Rubin M. Iran: Increasing Production of Rare Earth Elements // American Enterprise Institute. – 2020. – March 01. – URL: <https://www.aei.org/articles/iran-increasing-production-of-rare-earth-elements/> (дата обращения: 02.09.2024).

3 Iran, Islamic Rep. Rare-earth metals, scandium and yttrium imports by country in 2021 // World Integrated Trade Solution. – URL: <https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/IRN/year/2021/tradeflow/Imports/partner/ALL/product/280530> (дата обращения: 02.09.2024).

альтернативных источников энергии, авиационной и космической техники, электроники и телекоммуникаций, современных видов вооружения и т.д. И хотя в целом в мире имеются значительные запасы редкоземельных металлов, не все типы руд и месторождения рентабельны. Рентабельность производства редкоземельных металлов на территории Китая позволила ему занять доминирующие позиции в глобальных цепочках поставок данных материалов, обеспечивая превалирующие объемы как спроса, так и предложения на РЗМ [Самсонов, 2018, с. 46–49]. Данный фактор привел к секьюритизации проблемы доступа к редкоземельным металлам на Западе и перевел данную проблематику из чисто экономической в политическую плоскость. Исследователями отмечается, что в силу разной концентрации РЗМ цены на них варьируются, и наибольшей стоимостью в силу особого дефицита обладают редкоземельные металлы тяжелой группы [Самсонов, 2018, с. 49].

Объемы производства и потребления редкоземельных металлов стали признаком развития национальной промышленности стран, его технологичности и инновационной составляющей [Крюков, Яценко, Крюков, 2020, с. 68]. И в то время как Китаю удалось успешно реализовать свой редкоземельный потенциал, обеспечивая значительные в мировом масштабе объемы поставок и потребления этих элементов, страны Запада (США, государства ЕС и Япония) «сумели не просто сформировать цепочки поставок РЗМ-сырья вне Китая, но и начали их контролировать, а в некоторых случаях даже регулировать» [Крюков, Яценко, Крюков, 2020, с. 69].

После введения санкций 2012 г. руководство Ирана сделала ставку на диверсификацию экономики страны и активизацию ненефтяного экспорта, что включало среди прочего укрепление горнорудной промышленности. Для поддержки производственного сектора активно привлекались ресурсы Фонда национального развития [Кожанов, Исаев, 2019, с. 25]. С июля 2014 г. *IMIDRO* стала уделять более значительное внимание редкоземельным металлам (и их тяжелым разновидностям в частности), организация активно рассматривала возможности по добыче редкоземельных металлов из железа, фосфатной руды и фосфатных хвостов с целью создания большей добавленной стоимости [Butcher, 2016].

После частичного снятия санкций в 2016 г. руководство Ирана заявило о планах значительных инвестиций в область добычи стали, алюминия, меди, золота, угля, а также редкоземельных элементов. Готовность участвовать в этих проектах выражали западные и китайские компании. Однако новая волна санкций со стороны Вашингтона в рамках кампании «максимального давления» затормозила реализацию амбициозных планов руководства Ирана. С мая 2018 г. США ввели ряд запретов на торговлю и производство металлов в Иране⁴.

Тем не менее в период «потепления» в отношениях с Западом Иран успел предпринять шаги для развития индустрии редкоземельных металлов. В 2015 г. Иран начал «национальную операцию по разведке редкоземельных элементов» посредством сотрудничества Геологической службы Ирана, частного сектора страны и европейского консультанта с целью

4 Iran begins producing rare earth for first time // Press TV. – 2020. – January 28. – URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2020/01/28/617294/Iran-rare-earth-minerals-mining-added-value> (дата обращения: 02.09.2024).

определить доказанные запасы элементов на территории страны. В ходе разведки была обнаружена минеральная зона Санган, расположенная в северо-западной провинции Разави Хорасан. В зоне площадью 12 тыс. кв. км были обнаружены значительные запасы редкоземельных элементов, а также золота, меди, свинца, цинка и железной руды⁵.

В феврале 2016 г. Иран представил свой первый редкоземельный слиток чистотой 99% под названием мишметалл, состоящий из четырех редкоземельных элементов (церия, лантана, неодима и иттрия), которые были добыты на рудниках в центральных районах Ирана. А Иранская организация по развитию и реконструкции шахт и горнодобывающей промышленности, по сообщениям, изучала методы добычи и эксплуатации ванадия, галлия, никеля, кадмия и вольфрама и была готова вскоре начать производство этих редкоземельных слитков и сплавов⁶.

Возможные санкции со стороны Запада могут нарушить импорт редкоземельных металлов в Иран, что окажет существенное негативное влияние на нефтеперерабатывающую отрасль и производство электроники⁷. Также редкоземельные металлы важны для атомной энергетики, на развитие которой Иран делает ставку в своем экономическом планировании. В связи с этим более насущной становится вопрос развития индустрии по добыче редкоземельных металлов в Иране.

Добыча редкоземельных металлов удачно встраивается в общую экономическую линию развития страны и с точки зрения ядерной энергетики. Так, озвучивалось, что Иран может добывать редкоземельные металлы как побочный продукт при добыче урана. Такие планы озвучивал глава Организации по атомной энергии Ирана, отмечая, что соответствующие контракты уже были подписаны к 2016 г. с местными компаниями⁸.

В январе 2020 г. было объявлено, что Иран запустил пилотный проект по извлечению редкоземельных металлов после получения технологии глубокой добычи. Заявив о старте проекта, глава Иранской организации по развитию и реконструкции шахт и горнодобывающей промышленности (IMIDRO) Х. Гарипур отметил, что Иран смог получить ноу-хау для извлечения редкоземельных металлов, которые требуют глубокой добычи и являются дорогостоящими в переработке⁹.

В феврале 2021 г. было объявлено о первом успешном извлечении редкоземельных элементов из месторождений железной руды усилиями Иранской научно-исследовательской группы по стали и металлургии в сотрудничестве с университетами страны. Глава проекта М. Муди отметил значимость РЗМ в различных областях экономики страны и существующую необходимость их импорта. По словам М. Муди, в условиях санкционного режима и препятствий

5 Iran Gains Ground in Rare Earth Industry // Financial Tribune. – 2023. – July 22. – URL: <https://financialtribune.com/articles/economy-business-and-markets/43537/iran-gains-ground-in-rare-earth-industry> (дата обращения: 02.09.2024).

6 Ibid.

7 Rubin M. Iran: Increasing Production of Rare Earth Elements // American Enterprise Institute. – 2020. – March 01. – URL: <https://www.aei.org/articles/iran-increasing-production-of-rare-earth-elements/> (дата обращения: 02.09.2024).

8 Iran to Produce Rare Earth Elements: Nuclear Chief // Tasnim News Agency. – 2016. – April 10. – URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2016/04/10/1044208/iran-to-produce-rare-earth-elements-nuclear-chief> (дата обращения: 02.09.2024).

9 Iran begins producing rare earth for first time // Press TV. – 2020. – January 28. – URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2020/01/28/617294/Iran-rare-earth-minerals-mining-added-value> (дата обращения: 02.09.2024).

в импорте этих материалов успех руководимого им проекта имеет стратегическое значение и реализуется заданный духовным лидером курс на достижение Ираном самодостаточности и локализацию технологий. Главной проекта по извлечению РЗМ было отмечено, что существование препятствий на пути продажи необработанныхрудных полезных ископаемых служит импульсом для развития проектов по извлечению ценных металлов, которые планируется вывести на уровень полупромышленного и промышленного масштаба производства в ближайшем будущем¹⁰.

В мае 2022 г. Иранская организация по развитию и реконструкции шахт и горнодобывающей промышленности представила данные, демонстрирующие, что за последние 8 лет в стране было обнаружено 85 млн тонн редкоземельных металлов¹¹.

В феврале 2024 г. научный сотрудник Иранской исследовательской организации по науке и промышленности отмечал, что годом ранее данному исследовательскому центру удалось получить концентрат редкоземельных элементов в пилотном масштабе по заказу промышленного сектора. Однако, по словам ученого, хотя технологии добычи РЗМ получены, главный вызов для развития этой индустрии в Иране – это выход на рыночное производство, ведь для этого нужно соревноваться с другими государствами за выгодность продукции (в частности, с КНР)¹².

Литий в иранской экономике

Говоря об импорте Ираном лития, следует отметить, что значимые объемы импорта этого металла, по данным Всемирного банка, были в 2016–2018 гг. с пиком в 2017 г. То есть речь идет о периоде ослабления санкционного режима во время действия СВПД. Главным поставщиком лития в Иран в данные три года выступала Турция¹³.

Литий также является ключевым элементом современной мировой экономики. Его используют в различных производствах: металлургии, стекольном и др. Однако (что актуально в рамках заданной темы) литий также необходим для нужд ядерной энергетики, для производства литий-ионных и щелочных батарей, для создания авиации и военной техники.

Добыча лития ведется двумя способами: через испарение рассолов соленых озер и шахтной разработкой руд. Первый вариант связан с наиболее богатыми и дешевыми месторождениями, но второй вариант обеспечивает основной прирост добычи в мире. Отмечается, что в области производства лития образовался картель компаний, преимущественно из Китая, США, Чили. При этом констатируется, что Китай движется к мировому доминированию на рынке лития [Синюгин, Березкин, Дегтярев, 2019, с. 98–100].

В марте 2023 г. представитель Министерства промышленности, рудников и торговли Ирана объявил, что в стра-

10 Новый способ добычи редкоземельных элементов из месторождений железа в центральном Иране = Равеш-е новин-е эстехрадж-е анасор-е надер-е хаки аз канарха-ье ахон-е Иран-е маркази // Chila Online. – 2021. – 28 февраля. – Персид. яз. – URL: <https://chilanonline.com/2021/02/28/34814/> (дата обращения: 03.09.2024).

11 New mineral reserves worth over \$ 28b discovered in Iran in 8 years // Tehran Times. – 2022. – May 07. – URL: <https://www.tehrantimes.com/news/472323/New-mineral-reserves-worth-over-28b-discovered-in-Iran-in-8> (дата обращения: 02.09.2024).

12 Получение nou-хай касательно использования редкоземельных элементов в стране = Дастьябі бе данеш-е фани-ье эстхсал-е анасор-е надер-е хаки дар кешвар // ISNA. – 2024. – 26 февраля. – Персид. яз. – URL: <https://www.isna.ir/news/1402120703850> (дата обращения: 03.09.2024).

13 Iran, Islamic Rep. Lithium carbonates imports by country in 2017 // World Integrated Trade Solution. – 2017. – URL: <https://wits.worldbank.org/trade/comtrade/en/country/IRN/year/2017/tradeflow/imports/partner/ALL/product/283691> (дата обращения: 02.09.2024).

не впервые, на северо-западе, в провинции Хамадан, были обнаружены запасы лития. Запасы оценивались в 8,5 млн тонн¹⁴. Если данные верны, то это превращает Иран в один из крупнейших держателей запасов лития в мире. По данным геологической службы США за январь 2023 г., это в теории выводило Иран на 4-е место по запасам лития в мире после Боливии (21 млн тонн разведанных и предполагаемых запасов лития), Аргентины (20 млн тонн), Чили (11 млн тонн). Следом шли Австралия (7,9 млн тонн), Китай (6,8 млн тонн)¹⁵. И хотя сами по себе заявленные запасы являются действительно значительными, важным оставалось выяснение качества металла и экономической целесообразности его добычи¹⁶. Ведь исследователи при анализе наличия лития в той или иной стране различают ресурсы (*resource*; вся подсчитанная совокупность наличного лития) и запасы (*reserve*; часть ресурсов, экономически выгодная для извлечения) данного элемента [Sharma, 2023].

При этом в отличие от стран «литиевого треугольника» (Боливии, Аргентины и Чили) Иран расположен на евразийском пространстве, что в теории упрощает транспортировку лития из него в страны Европы и Азии.

Должностные лица Ирана заявляли о планах по началу добычи лития из новооткрытых месторождений в течение двух лет. Министерство промышленности, рудников и торговли Ирана объявляло о намерении привлечения к партнерству по данному вопросу частных

инвесторов, рассматривался потенциал привлечения опыта Китая по извлечению и обработке лития (в том числе в странах Латинской Америки)¹⁷. Следует учитывать, что получаемый в природе литий подлежит последующей обработке перед его использованием. Ирану потребуются как иностранные инвестиции, так и передовые технологии для эффективной добычи и обработки элемента [Sharma, 2023].

Исследователи отмечают, что в соответствии с Законом о чистом воздухе (2017) в Иране стимулируется производство электромобилей, а значит, обнаруженные запасы лития могут служить достижению поставленным в данной области целям [Sharma, 2023]. Хотя и следует учитывать, что недостаток необходимой инфраструктуры и низкие по мировым меркам цены на бензин в стране служат сильным препятствием в этой области [Бизяев, 2019, с. 36].

В условиях ограниченности контактов с Западом Иран в добыче и обработке лития, помимо собственных сил, может полагаться на партнерство с крупнейшими региональными и не западными центрами силы. Так, возможным представляется сотрудничество по данному вопросу с Саудовской Аравией, для которой это способствовало бы реализации задач программы «Видение-2030». Перспективным видится сотрудничество с КНР как крупнейшим потребителем лития в мире. Имеется потенциал взаимодействия с Индией, который, тем не менее, го-

14 Discovered: first Iranian lithium deposit unearthed with 8.5mln tonnes reserves // Yole Group. – 2023. – March 06. – URL: <https://www.yolegroup.com/industry-news/discovered-first-iranian-lithium-deposit-unearthed-with-8-5mln-tonnes-reserves/> (дата обращения: 02.09.2024).

15 Lithium. Mineral Commodity Summaries, January 2023 // United States Geological Survey. – 2023. – URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023-lithium.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

16 В мире начался парад «литиевых суверенитетов». Теперь и Иран претендует на статус литиевой державы // Pro Metall. – 2023. – 15 марта. – URL: https://www.prometall.info/analitika/gornodobicha/v_mire_nachalsya_parad_litiyevykh_suverenitetov?ysclid=ly7083w6th793992344 (дата обращения: 02.09.2024).

17 Huge «white gold» discovery draws spotlight on Iran's mining industry // Tehran Times. – 2023. – March 11. – URL: <https://www.tehrantimes.com/news/482759/Huge-white-gold-discovery-draws-spotlight-on-Iran-s-mining> (дата обращения: 02.09.2024).

раздо сильнее, чем в случае с Китаем, ограничен антииранским санкционным режимом [Sharma, 2023]. Нельзя исключать и развитие сотрудничества по данному вопросу с Россией. После 2022 г. на иранском рынке растет присутствие инвестиций из России [Мамедова, 2024, с. 168], и область добычи и переработки лития может стать одной из точек приложения российских инвестиций.

По мнению главного аналитика SFA Oxford Т. Чендлера, Иран не обладает достаточными ресурсами для освоения столь крупного месторождения и ему потребуются китайские инвестиции для добычи и переработки лития¹⁸. В этом смысле обнаруженные запасы лития имеют двойственное значение для Ирана. С одной стороны, для их полноценной эксплуатации нужны инвестиции. С другой стороны, сам факт их наличия служит позитивным фактором для привлечения инвестиций в Иран и «картой», которую Иран может разыграть в диалоге с Западом по снятию санкций¹⁹.

Доцент филиала Исламского университета Азад в г. Исфаган А.Н. Асфахани отмечает, что Иран действительно не обладает достаточными технологиями для извлечения лития. По словам ученого, технология извлечения лития доступна в основном развитым странам, а значит, Ирану придется проводить собственные исследования в данной области для ее получения. Также важным моментом, который необходимо определить, по мнению исследователя, является концентрация лития в обнаруженном месторождении²⁰.

Обеспечение развития индустрии по добыче столь значительных запасов лития (при условии верности оценки объемов запасов и экономической целесообразности их добычи) может в перспективе предоставить Ирану ресурс для двух направлений, возможности на каждом из которых будут определяться ситуацией внутри страны и вокруг нее на мировой арене. Первое – это потенциальное покрытие внутренних потребностей; причем отдельным вопросом здесь является то, насколько будут возрастать внутренние потребности Ирана в данном металле, что будет определяться общей макроэкономической обстановкой в стране. Второе – перспективы превращения экспорта лития в значимую составляющую бюджетных поступлений государства; здесь ключевым вопросом служит то, какую форму будет иметь санкционный режим в отношении Ирана к моменту, когда он сможет обрести мощности для подобной деятельности, что во многом будет определять возможности по нахождению рынков сбыта.

Фактор международной среды: санкции и сотрудничество

В 2013 г. в рамках Закона о полномочиях в сфере национальной обороны США был принят Акт о свободе и ядерном нераспространении Ирана (*The Iran Freedom and Counter-Proliferation Act; IFCA*). Акт среди прочего включал возможность введения санкций против лиц, связанных с передачей в Иран или из

18 В мире начался парад «литиевых суверенитетов». Теперь и Иран претендует на статус литиевой державы // Pro Metall. – 2023. – 15 марта. – URL: https://www.prometall.info/analitika/gornodobicha/v_mire_nachalsya_parad_litievykh_suverenitetov?ysclid=ly7083w6th793992344 (дата обращения: 02.09.2024).

19 Iran's lithium find is a potential game changer // Press TV. – 2023. – June 12. – URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2023/06/12/705150/Iran-lithium-mining-geological-significance> (дата обращения: 02.09.2024).

20 Почему враги Ирана в ужасе от обнаружения месторождения лития в провинции Хамадан = Чера дошманан-е Иран az kashf-e moazdan-e litium-e Xamadan vaheem darand? // IMNA. – 2023. – 1 июля. – Персид. яз. – URL: <https://www.imna.ir/news/670503/> (дата обращения: 03.09.2024).

Ирана следующих материалов: «графит, необработанные или полуобработанные металлы, такие как алюминий и сталь, уголь и программное обеспечение для интеграции промышленных процессов», которые могут использоваться в энергетическом, судоходном или судостроительном секторах Ирана или любых других секторах экономики Ирана, которые, по мнению США, контролируются КСИР, или же могут быть поставлены иранскому лицу, включенному в санкционный список Министерства финансов США, или же могут быть использованы в ядерной, военной или баллистической ракетной программах Ирана²¹.

В 2019 г. США вводят новые санкции против metallurgicalного сектора Ирана: согласно Исполнительному указу № 13871 под санкции могли подпадать производители и импортеры иранского железа, стали, алюминия, меди²². Как отмечает Н.М. Мамедова, данные санкции несли серьезный удар для экономики Ирана, так как до их введения в ненефтяном экспорте металлы занимали 9–10% [Мамедова, 2020, с. 164]. В 2020 г. принимается Исполнительный указ № 13902, нацеленный на строительный, горнодобывающий, обрабатывающий и текстильный секторы иранской экономики²³.

Исследователи констатируют, что перед Ираном в области развития индустрий критически важных минеральных ресурсов стоят «уникальные вызовы из-за ограниченного доступа

к технологиям, инвестициям и сотрудничеству». В условиях сохраняющихся сложностей на фоне санкций «привлечение значительных инвестиций, необходимых для постройки инфраструктуры по извлечению и обработке, остается ключевым препятствием для Ирана» [Pouran, 2023].

При этом Иран стремится развивать международное сотрудничество в рассматриваемых областях. Так, в 2015 г. в Тегеране состоялась организованная IMIDRO крупная конференция – саммит рудников и горнодобывающей промышленности Ирана, в которой приняли участие 20 иностранных компаний [Butcher, 2016]. В 2016 г. прошел второй аналогичный саммит, в котором участвовали фирмы 17 стран мира²⁴. Третий саммит, который должен был состояться в июле 2018 г., так и не состоялся (на официальном сайте указано, что мероприятие отложено)²⁵.

С другой стороны, регулярно проводятся конференции *Iran CONMINE* (Международная выставка шахт, горной добычи, строительной техники, связанных областей и оборудования). 18-я выставка подобного формата состоялась в ноябре 2024 г. в Тегеране²⁶. Также проводятся выставки *MINEX* (Международная выставка по инвестиционным возможностям в иранские рудники и горнодобывающую промышленность), 13-я прошла в сентябре 2024 г. в Иране²⁷.

21 Iran Freedom and Counter-Proliferation Act of 2012 // U.S. Department of State. – URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/204023.pdf> (дата обращения: 02.09.2024).

22 Executive Order 13871 of May 8, 2019. Imposing Sanctions With Respect to the Iron, Steel, Aluminum, and Copper Sectors of Iran // Federal Register. – URL: <https://ofac.treasury.gov/media/14146/download?inline> (дата обращения: 02.09.2024).

23 Executive Order 13902 of January 10, 2020. Imposing Sanctions With Respect to Additional Sectors of Iran // U.S. Department of Justice. – URL: <https://www.justice.gov/eoir/page/file/1234236/dl> (дата обращения: 02.09.2024).

24 Iran holds international mining industries summit // Azernews. – 2016. – December 11. – URL: <https://www.azernews.az/region/106350.html> (дата обращения: 02.09.2024).

25 3rd Iran Mines and Mining Industries Summit – URL: <http://iicic.com/imis2018/en> (дата обращения: 02.09.2024).

26 Iran CONMINE 2024: The 18th International Exhibition of Mines, Mining, Construction Machinery & Related Industries & Equipment. – URL: <https://mmcm-expo.ir/> (дата обращения: 02.09.2024).

27 13th International Investment Opportunities in Iran's Mines and Mining Industries Exhibition. – URL: <https://www.minex.ir/en/> (дата обращения: 02.09.2024).

Индустрии редкоземельных металлов и лития в контексте идей «экономики сопротивления»

Развитие индустрий редкоземельных металлов и лития в Иране может непосредственно способствовать достижению более чем половины из основных положений «экономики сопротивления», означенных духовным лидером А. Хаменеи²⁸. Обозначим данные положения подробнее.

1. *Динамичность развития (высокие темпы роста)*. Рынок редкоземельных металлов является молодым и обладающим крайне быстрыми темпами роста [Крюков, Яценко, Крюков, 2020, с. 68], потому его укрепление в Иране может обеспечить искомый эффект при соответствующем курсе технологического развития государства и его поддержке.

2. *Способность противостоять различным потрясениям – от природных аномалий до санкций*. Сюда можно отнести потенциальное разрушение существующих цепочек поставок критических элементов и продукции с их применением.

3. *Опора на внутренние возможности (научные, природные, финансовые, географические)*. Этими возможностями являются как существующие и обнаруженные в стране запасы РЗМ и лития, так и уже обретенные иранским научным сообществом методики их получения и использования.

4. *Создание необходимых резервов продовольствия и стратегических товаров <...>, и достижение самообеспеченности по этим товарам*. К таким стратегическим товарам, для производства которых необходимы РЗМ и литий, являются, к примеру, компо-

ненты электроники для военной сферы и телекоммуникаций, а также литий-ионные батареи.

5. *Сокращение зависимости от нефтяных доходов*. Безусловно, многое в вопросе достижения этой цели будет зависеть от уровня санкционного режима в отношении Ирана и его направленности на соответствующие индустрии как касательно экспорта самих критических материалов, так и продукции из них.

6. *Курс на использование научных достижений, на создание инновационной экономики*. Производство высокотехнологичной продукции с высокой добавленной стоимостью требует стабильного наличия в рамках национальной экономики критических материалов.

Развитие индустрий по добыче и переработке редкоземельных металлов и лития в Иране происходит в условиях, когда мировая политическая и экономическая конъюнктура поместила Исламскую Республику «между молотом и наковальней». С одной стороны – санкционный режим со стороны США, резко усилившийся в конце 2010-х годов, являющийся определенной преградой для развития этого сектора иранской экономики и имеющий перспективы усугубления; с другой – значительный контроль рынков РЗМ и лития отдельными странами или компаниями, монополизация рынка РЗМ Китаем вкупе с контролем альтернативных цепочек поставок группой западных стран и существование картеля компаний в области производства лития.

Такие миросистемные условия воздействуют на современную иранскую политическую культуру и имманентно присущее ей стремление

²⁸ Для ознакомления с полным перечнем основных положений «экономики сопротивления», см., например: [Мамедова, 2014].

к независимости. Пройдя через тест ирано-иракской войны, это ощущение стремления к независимости породило идеологический и материальный акцент на самодостаточности [Fathollah-Nejad, 2021, р. 106–107], ставший ключевым постулатом иранской политики. В связи с этим можно сделать предположение, что, если индустрии редкоземельных металлов и лития в Иране не получат значительного развития в ближайшем будущем, этой проблематике будет суждено позднее пройти более резкую секьюритизацию на высшем национальном политическом уровне по ходу прогресса в технологической сфере, ядерной и возобновляемой энергетике в стране.

Развитие индустрии редкоземельных металлов и лития соответствует постулатам «экономики сопротивления». А успешная реализация концепции «экономики сопротивления» определяет выживание иранского национального проекта модернизации как основу внутренней и внешней политики страны.

Заключение

«Декаплинг» США и КНР как один из ключевых трендов современных международных отношений стал «спусковым крючком» для секьюритизации критических материалов, включая редкоземельные металлы и литий, на Западе. А значит, проблематика обладания и доступа к этим ресурсам стала частью мировой политики и так или иначе затронула каждую страну мира, включая Иран.

Исламская Республика Иран нуждается в доступе к редкоземельным металлам и литию для поддержания своего энергетического и технологического суверенитета, предполагающего развитие ядерной энергетики,

нефтепереработки, электроники, осуществление энергетического перехода и т.д. Необходимость для экономики Ирана полагаться на экспортёров редкоземельных металлов и лития, в первую очередь КНР, Турцию, ОАЭ, идет вразрез с постулатами доктрины «экономики сопротивления». Вкупе с перспективами диверсификации экономики и расширения ненефтяного экспорта это подталкивает руководство страны к поиску путей раскрытия внутреннего потенциала Ирана касательно запасов редкоземельных металлов и лития.

Серьезным препятствием для развития индустрии добычи и обработки редкоземельных металлов и лития в Иране выступает санкционное давление со стороны США на горнодобывающий и metallurgический сектора промышленности Исламской Республики. Американские санкции обуславливают проблемы с доступом к современному оборудованию и технологиям, равно как и сложности с финансированием проектов. При этом в условиях значительного контроля рынков редкоземельных металлов и лития отдельными государствами, группами государств или картелями компаний Иран, следуя идее самодостаточности, ощущает необходимость развития индустрий критических материалов.

Успешная реализация Ираном проектов в области лития и редкоземельных металлов способна ответить на базовые постулаты доктрины «экономики сопротивления», являющейся методом защиты иранской национальной модели модернизации. В этом смысле пока еще только находящиеся на начальном этапе своего развития области промышленности могут определить успешность достижения целей внутренней и внешней политики Исламской Республики Иран.

Список литературы

- Бизяев А.И. Технологические инновации в транспортном секторе на примере стран Ближнего Востока // Восточная аналитика. – 2019. – № 3. – С. 31–47.
- Володин А.Г. Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 8–29.
- Дунаева Е.В., Мамедова Н.М. Особенности формирования внешней политики ИРИ // Институт Ближневосточного Востока. – 2011. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=12154> (дата обращения: 02.09.2024).
- Кожанов Н.А. Между развитием, ростом и выживанием: о некоторых особенностях модели социально-экономического развития Ирана на современном этапе // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 72–91. – DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91.
- Кожанов Н.А., Исаев Л.М. Иран и санкции: опыт преодоления и влияние на социально-экономическое развитие // Азия и Африка сегодня. – 2019. – № 7. – С. 24–31. – DOI: 10.31857/S032150750005565-3.
- Крюков В.А., Яценко В.А., Крюков Я.В. Редкоземельная промышленность – реализовать имеющиеся возможности // Горная промышленность. – 2020. – № 5. – С. 68–84.
- Кудряшова И.В. Иран как случай исламской модернизации // Политическая наука. – 2012. – № 2. – С. 107–134.
- Кузнецов А.В. Разнообразие возможных центров силы нового мироустройства // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 107–120. – DOI: 10.31249/poln/2022.04.05.
- Мамедова Н. Иран в преддверии выборов 2024 года // Свободная мысль. – 2024. – № 1 (1703). – С. 159–172.
- Мамедова Н.М. Ситуация в Иране в свете новых санкций // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 2 (24). – С. 159–175.
- Мамедова Н.М. Экономическая политика правительства Хасана Роухани // ИРАН: история и современность : под ред. Л.М. Кулагиной, Н.М. Мамедовой; сост. И.Е. Федорова, Л.М. Раванди-Фадаи. / ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 202–214.
- Самсонов Н.Ю. Глобальные цепочки поставок редкоземельных и редких металлов как высокотехнологичного сырья в рамках международной кооперации // Пространственная экономика. – 2018. – № 3. – С. 43–66. – DOI: 10.14530/se.2018.3.043-066.
- Синюгин О.А., Березкин М.Ю., Дегтярев К.С. Структура мирового рынка литья, как основного элемента в аккумуляторах энергии // Окружающая среда и энерговедение. – 2019. – № 3 (3). – С. 97–101. – DOI: 10.5281/zenodo.3539180.
- Юртаев В.И. Иран в ситуации трансформации санкционного режима // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 66–80. – DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-66-80.
- Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран в 1979–2010 гг. : автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Москва : РУДН, 2012. – 43 с.
- Butcher T. Iran: Mineral Resources and Opportunities // MMTA. – 2016. – March 14. – URL: <https://mmta.co.uk/iran-mineral-resources-and-opportunities/> (дата обращения: 02.09.2024).
- Fathollah-Nejad A. Iranian geopolitical imaginations: A critical account // Iran in an Emerging New World Order. – London : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 53–122.
- Pouran H. The Middle East's critical mineral resources: A key to the clean

energy transition? // The Middle East Institute. – 2023. – December 4. – URL: <https://www.mei.edu/publications/middle-east-critical-mineral-resources-key-clean-energy-transition> (дата обращения: 02.09.2024).

Sharma H. Iran-China Cooperation in Lithium Industry: Prospects and Challenges // Vivekananda International Foundation. – 2023. – October 9. – URL: <https://www.vifindia.org/article/2023/october/09/Iran-China-Cooperation-in-Lithium-Industry-Prospects-and-Challenges> (дата обращения: 02.09.2024).

ium-Industry-Prospects-and-Challenges (дата обращения: 02.09.2024).

Джавади-Арджманд М.Дж., Ализаде А. Анализ «политической экономии сопротивления» через теорию Фридриха Листа = Джавади-Арджманд М.Дж., Ализаде А. Тахлил-е «эгтесад-е сийаси-ье магавеммати» дар чарчуб-е назарийе «эгтесад-е мелли-ье Фридрик Лист» // Фаслнамэ-ье сийасат. – 2021. – № 3. – С. 693–714. – Персид. яз. – DOI: 10.22059/JPQ.2021.250282.1007211.

10.31249/kgt/2025.03.09

Development of Rare Earth Metals and Lithium Industries in Iran as a Factor of National Energy and Technological Security

Ilya D. BASKAKOV

Junior Research Fellow, Department of Middle and Post-Soviet East Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: ilya_baskakov00@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2842-4804

CITATION: Baskakov I.D. (2025). Development of Rare Earth Metals and Lithium Industries in Iran as a Factor of National Energy and Technological Security. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 150–165 (in Russian).
DOI: [10.31249/kgt/2025.03.09](https://doi.org/10.31249/kgt/2025.03.09)

Received: 26.02.2025.

Revised: 21.04. 2025.

ACKNOWLEDGMENT. The research is accomplished under the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-01479, <https://rscf.ru/project/25-28-01479/>

ABSTRACT. In recent years, global political and academic circles have shown a significant increase in interest regarding the problem of countries' access to critical materials and the know-how required for

their exploitation, in particular lithium and rare earth metals, which are essential for progress in high-tech industries. The article examines the development of the rare earth metals and lithium industry in Iran

in the context of the national modernization model implemented by the state. The dynamics of the formation and evolution of the Iran's national rare earth metals and lithium industry are traced, taking into account domestic scientific and technological developments and opportunities for international cooperation. The factor of U.S. sanctions pressure on Iran's mining and metallurgical industry is also taken into account. The author argues that the development of the rare earth metals and lithium industry can contribute to achieving of a number of key principles of the "resistance economy" doctrine: ensuring high rates of economic growth, preventing the negative impact of sanctions on the relevant industry, utilizing domestic capacities, achieving self-sufficiency in strategic goods, reducing dependence on oil revenues, and contributing to the creation of an innovative economy. Given the significant control of rare earth metals and lithium markets by certain states or company cartels, Iran is interested in developing national industries for these critical materials, which in the long term is key to achieving the state's strategic goals.

KEYWORDS: *Iran, resistance economy, rare earth metals, lithium, modernization, sanctions, energy, technologies, mining sector.*

References

- Bizyaev A.I. (2019). Technological innovations in transportation: evidence from middle eastern countries. *Eastern Analytics*. No. 3, pp. 31–47 (in Russian).
- Butcher T. (2016). Iran: Mineral Resources and Opportunities. MMTA. March 14. Available at: <https://mmta.co.uk/iran-mineral-resources-and-opportunities/>, accessed 02.09.2024.
- Dunaeva E.V., Mamedova N.M. (2011). Specific features of IRI's foreign policy making. *Middle East Institute*. February 14. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=12154>, accessed 02.09.2024 (in Russian).
- Fathollah-Nejad A. (2021). Iranian geopolitical imaginations: A critical account. In: *Iran in an Emerging New World Order*. London: Palgrave Macmillan, pp. 53–122.
- Javadi Arjmand M.J., Alizadeh A. (2021). An Analysis of "Resistance Political Economy" within the Framework of Friedrich List's Theory. *Political Quarterly*. No. 3, pp. 693–714 (in Persian). DOI: 10.22059/jpq.2021.250282.1007211.
- Kozhanov N.A. (2023). Between development, growth and survival: some current features of Iran's model of socio-economic development. *International Analytics*. No. 1, pp. 72–91 (in Russian). DOI: 10.46272/2587-8476-2023-14-1-72-91.
- Kozhanov N.A., Isaev L.M. (2019). Iran and sanctions: experience of overcoming and influence on socio-economic development. *Asia and Africa Today*. No. 7, pp. 24–31 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750005565-3.
- Kryukov V.A., Yatsenko V.A., Kryukov Ya.V. (2020). Rare Earth Industry – How to Take Advantage of Opportunities. *Mining Industry*. No. 5, pp. 68–84 (in Russian).
- Kudryashova I.V. (2012). Iran as a case of Islamic modernization. *Political Science*. No. 2, pp. 107–134 (in Russian).
- Kuznetsov A.V. (2022). The diversity of possible centers of power of the new world order. *Political Science*. No. 4, pp. 107–120. DOI: 10.31249/poln/2022.04.05.
- Mamedova N. (2024). Iran on the eve of elections in 2024. *Free Thought*. No. 1, pp. 159–172 (in Russian).
- Mamedova N.M. (2014). Economic Policy of the government of Hassan Rouhani. In: *IRAN: History and current situation*. Moscow, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, pp. 202–214 (in Russian).

- Mamedova N.M. (2020). The situation in Iran in the context of renewed sanctions. *Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World.* No. 2, pp. 159–175 (in Russian).
- Pouran H. (2023). The Middle East's critical mineral resources: A key to the clean energy transition? *The Middle East Institute.* December 4. Available at: <https://www.mei.edu/publications/middle-east-critical-mineral-resources-key-clean-energy-transition>, accessed 02.09.2024.
- Samsonov N.Yu. (2018). Global Chains of Supply of Rare-Earth and Rare Metals as High-Tech Raw Materials Within the Framework of International Industrial Cooperation. *Prostranstvennaya Ekonomika.* No. 3, pp. 43–66 (in Russian). DOI: 10.14530/se.2018.3.043-066.
- Sharma H. (2023). Iran-China Cooperation in Lithium Industry: Prospects and Challenges. *Vivekananda International Foundation.* October 9. Available at: <https://www.vifindia.org/article/2023/octo-ber/09/Iran-China-Cooperation-in-Lithium-Industry-Prospects-and-Challenges>, accessed 02.09.2024.
- Sinyugin O.A., Berezkin M.Yu., Degtyarev K.S. (2019). The structure of the global lithium market as the main element in energy storage. *Journal of Environmental Earth and Energy Study.* No. 3, pp. 97–101 (in Russian). DOI: 10.5281/zenodo.3539180.
- Volodin A.G. (2003). Modern theories of modernization: paradigm crisis. *Political Science.* No. 2, pp. 8–29 (in Russian).
- Yurtaev V.I. (2017). Iran in Situation of the Sanction Regime Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law.* Vol. 10, no. 2, pp. 66–80 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-2-66-80.
- Yurtaev V.I. (2012). *Islamic Republic of Iran: Special Features and Realization of its Foreign Policy in 1979–2010.* Abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow: RUDN, 43 pp. (in Russian).

Цифровые трансформации

УДК 339.92+005.7

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.10

Открытые цифровые технологии как новое направление сотрудничества стран БРИКС

Дмитрий Александрович КАБАНОВ

аспирант Высшей школы бизнеса

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российской Федерации, 101000

E-mail: dkabanov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-0279-3847

ЦИТИРОВАНИЕ: Кабанов Д.А. Открытые цифровые технологии как новое направление сотрудничества стран БРИКС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 166–185.
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.10

Статья поступила в редакцию 07.06.2025.

Исправленный текст представлен 29.06.2025.

АННОТАЦИЯ. Открытые цифровые технологии приобретают всё более значимую роль в развитии стран БРИКС. На базе открытых разработок построена преобладающая часть цифровой инфраструктуры государств объединения: от госсервисов и социальных сетей до систем искусственного интеллекта. При этом страны БРИКС заинтересованы не только в использовании и адаптации сторонних открытых решений, но и в развитии собственных разработок за счет открытого подхода. Такая стратегия позволяет привлекать дополнительные ресурсы и экспертизу, эффективнее выводить цифровые продукты на зарубежные рынки и выстраивать доверительные отношения с заказчиками и широким спектром заинтересованных сторон. Тем не менее до сих пор вни-

мание ученых было сосредоточено исключительно на опыте стран Запада, сформировавших сам институт открытых цифровых технологий и являющихся лидерами в этой области. В связи с этим приобретает актуальность вопрос: каковы особенности и перспективы развития цифровых технологий на базе открытого подхода в странах БРИКС? Изучение данного вопроса позволит улучшить понимание того, как государства-участники объединения извлекают из открытого подхода стратегические преимущества: укрепляют технологический суверенитет, задают темпы инновационного развития на локальном и международном уровне и формируют новые контуры кооперации. Целью настоящей статьи является анализ развития открытых технологий в странах БРИКС в рамках

смены парадигмы: от работы с ними как с внешним фактором к трансформации восприятия открытых решений и появлению возможностей для кооперации на базе организаций – участниц открытых проектов. Данные аспекты не рассматривались в комплексе в отечественной и зарубежной научной литературе, лишь фрагментарно охватывающей проблематику открытых цифровых технологий. Настоящая статья обладает и практической значимостью для управленцев и корпоративных стратегов – раскрывает контекст развития открытых цифровых решений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: БРИКС, цифровые технологии, технологический суверенитет, открытые технологии, новые формы кооперации, стратегическое управление.

Введение

Влияние цифровых технологий – вычислительных и программных решений, в том числе систем искусственного интеллекта, – на политику, экономику и инновационное развитие стран БРИКС продолжает возрастать. В повестке БРИКС цифровые технологии занимают одно из центральных мест и обсуждаются наравне с проблемами глобального управления [Формирование повестки..., 2024]. При этом особенный интерес для данного объединения стран представляют *открытые* цифровые технологии, демонстрирующие высокую динамику развития и широкое распространение в мире. На их основе построена преобладающая часть цифровой инфраструктуры стран БРИКС – от государственных сервисов до маркетплейсов.

Открытый подход к совершенствованию и распространению цифровых решений был сформирован и инсти-

туционализирован на Западе, в частности в США. Американские технологические и научно-исследовательские организации в течение нескольких десятков лет задавали темп развития и правила игры в этой сфере: принимали активное участие в общемировых открытых проектах и разрабатывали собственные решения в открытом формате, что позволяло им пользоваться преимуществом первоходца, формировать стандарты и создавать целевые рыночные ниши в области цифровых технологий. Для стран БРИКС, в свою очередь, открытые цифровые технологии долгое время оставались устойчивым внешним фактором развития. Государства – участники объединения вплоть до 2010-х годов рассматривали такие решения в основном с операционной точки зрения – выступали в роли «пользователей», заинтересованных в их внедрении. Например, переводили госучреждения на программные продукты с открытым исходным кодом, руководствуясь в основном соображениями экономии на закупках проприetaryных решений.

Смене парадигмы способствовал «Сноуден-гейт»: кризис в области цифровой безопасности стал стимулом к повышению технологического суверенитета стран БРИКС [Belli, Magalhaes, 2024; Jiang, Belli, 2025]. Получившая широкую огласку информация о глобальной слежке и скрытых уязвимостях западных проприетарных цифровых решений усилила интерес участников объединения не только к *использованию* технологий с открытыми «исходниками», но и к их углубленному изучению и адаптации. Как следствие, в странах БРИКС увеличилось число организаций, занимающихся как внедрением, так и масштабной доработкой открытых решений, а также поставкой на местные рынки их коммерческих версий. В процессе совершенствова-

ния открытых цифровых технологий такие организации аккумулировали уникальную экспертизу и начали принимать деятельное участие в общемировых проектах: предлагать варианты их улучшения и влиять на ход развития открытых решений. Вклад таких организаций сделал страны БРИКС заметнее в данной сфере [The geography of open source..., 2022] и сформировал потенциал для развития инноваций и новых форм взаимодействия на базе открытой модели.

Действительно, в рамках открытого подхода страны БРИКС могут не только обеспечить себе новые возможности по укреплению цифрового суверенитета и достижению технологического лидерства, но и повысить свою привлекательность с точки зрения межстороннего партнерства. Открытый формат развития цифровых решений позволяет расширять географию их внедрения и устанавливать стандарты¹ в целевой технологической сфере [Ganten, Seyffarth, Kuhlmann, 2025]. Кроме того, такой подход стимулирует предпринимательскую активность и способствует появлению новых разработок с высоким экспортным потенциалом, например в таких направлениях, как искусственный интеллект, вычисления и телекоммуникации [Славин, 2024; Wright, Nagle, Greenstein, 2023].

Однако для того, чтобы государства – участники объединения могли в полной мере воспользоваться данными преимуществами, важно ответить на следующий исследовательский вопрос: каковы особенности и перспективы развития цифровых технологий на базе открытого подхода в странах БРИКС? Дело в том, что внимание ученых до сих пор было сосредоточено на достижениях западных структур, наиболее заметных в данной

области. Формирующийся опыт стран и организаций, представляющих БРИКС, наоборот, рассматривался не столь активно, что в определенном смысле ограничивает их возможности извлекать из открытого подхода стратегические преимущества. В связи с этим цель работы состоит в анализе развития открытых цифровых технологий в БРИКС: от работы с такими решениями как с внешним фактором до особенностей управления организациями – лидерами в сфере открытых цифровых технологий.

Внешний контекст рассматриваемого вопроса

Прежде чем перейти к непосредственному анализу открытых моделей в БРИКС, стоит охарактеризовать общемировой контекст – глобальные тенденции технологического сотрудничества, в рамках которых открытые модели развиваются и способствуют появлению новых контуров кооперации. Переосмысление данных контуров сегодня происходит главным образом в свете ослабления американского лидерства [Гринин, Гринин, Коротаев, 2024], в том числе технологического, а также позиционирования БРИКС как площадки для свободного продвижения альтернативных технологий и цифровых решений. Ценность данной площадки и кооперации на ее основе ярко проявляется на фоне разворачивающейся геополитической и технологической конкуренции США и КНР [Столетов, 2022], а также соперничества Запада с другими действующими и перспективными участниками БРИКС.

Рост конкурентной динамики в мире создает благоприятную почву для гибких партнерств и нестандартных моделей технологического сотруд-

1 Open source в России: команда Аэродиска делится опытом запуска Open vAIR – первого открытого проекта компании / Кабанов Д.А. [и др.] // Habr. – 2025. – 4 июня. – URL: <https://habr.com/ru/articles/915404/> (дата обращения: 06.06.2025).

ничества, причем с акцентом на формирование доверительных, долгосрочных взаимоотношений [Володенков, Каинин, Крайнов, 2024; Ревенко, Ревенко, 2024]. В таких моделях сегодня заинтересованы не только мировые «тяжеловесы», но и многие другие игроки, например страны Глобального Юга. С одной стороны, они тяготеют к стабильному сотрудничеству на базе передовых решений, а с другой – хотели бы продвигать свои разработки в определенных нишах [Столетов, 2022], оказывать влияние на развитие и коммерциализацию инноваций. В этом свете особенную роль начинают играть модели некоммерческого взаимодействия, а также открытые проекты [Ревенко, Ревенко, 2024].

Для воплощения в жизнь и совершенствования таких моделей кооперации определяющими становятся новые, гибкие методы управления организациями, выступающими носителями технологий и развивающими их в крайне динамичной среде [Ревенко, Ревенко, 2024]. Именно на базе организаций происходит эффективное объединение внутренней и внешней технологической экспертизы, а также формирование особых условий для поддержания высоких темпов развития инноваций. Усиление способности организаций к наращиванию и объединению профессиональной экспертизы в свою очередь стимулирует новые глобальные тенденции, отражающие сокращение значимости транснациональных корпораций за счет использования новых принципов взаимодействия [Славин, 2024], отхода от поглощений компаний с целью обладания ноу-хау, а также кооперации на основе технологического равноправия [Технологическое сотрудничество..., 2023].

Перспективной сферой применения данных принципов являются цифровые технологии. В этой сфере наблюдается высокий взаимный интерес и достаточно близкий (для интенсивной

кооперации) уровень развития стран БРИКС [Чеклина, 2024]. За счет внедрения новых, гибких моделей управления организациями, развивающими цифровые технологии, могут появиться возможности для выгодного сотрудничества и во многих других областях [Технологическое сотрудничество..., 2023]. Одной из многообещающих моделей, способствующих появлению новых контуров для такой кооперации, выступает открытый подход к разработке цифровых решений. Он позволяет привлекать внешнюю экспертизу и открывает возможности для формирования новых рыночных ниш и индустриальных стандартов, а также позволяет не только использовать открытые решения, но и предлагать варианты их развития. Кроме того, открытая модель способствует коммерциализации цифровых решений на зарубежных рынках, минуя многие «традиционные» экономические барьеры. Поэтому, несмотря на «западное» происхождение, открытый подход к развитию цифровых технологий становится всё более значимым в мире, в том числе в БРИКС.

Институционализация открытой модели

Открытый подход к совершенствованию и распространению цифровых технологий в его базовом виде сформировался во второй половине XX в. В то время спрос на цифровые разработки существенно вырос, а новый подход позволил инженерам, программистам и ученым эффективнее совершенствовать и внедрять их, например за счет свободного обмена программным кодом и совместной работы над его улучшением.

Поначалу открытые цифровые решения развивались исключительно в научной среде. Именно так в конце 1970-х годов появился «дистрибутив

программ Беркли», основу которого заложили в корпорации *AT&T*, а доработали в Калифорнийском университете. Как только решения команды из Беркли вышли за пределы университета, специалисты в других организациях начали адаптировать их к имеющимся компьютерам. Это стало возможным благодаря открытому исходному коду и отсутствию запрета на его видоизменение как в исследовательских, так и в коммерческих целях. Через некоторое время распространением такого рода модификаций заинтересовались в *DARPA*. Аналитики Управления перспективных исследовательских проектов были обеспокоены ростом разнообразия цифровых технологий, осложнившим работу организации с многочисленными подрядчиками [Salus, 1994]. Поэтому в *DARPA* сделали ставку на развитие универсальных решений, а в качестве одного из них коллеги из Беркли представили свой «дистрибутив программ» и получили многолетнюю поддержку государственного агентства. Последнее же, опираясь на свободно распространяемые открытые продукты, приобрело в том числе возможность оптимизировать свои затраты на «закрытые» коммерческие решения. За счет спроса со стороны американских госструктур и подрядчиков, экономивших на закупках цифровых продуктов и стремившихся к обеспечению интероперабельности систем, развивались и более современные открытые проекты. В подобном контексте приобрели популярность операционная система *Linux* и другие разработки с открытым исходным кодом.

Однако решающую роль в развитии таких решений и становлении института открытых цифровых разработок сыграли западные корпорации: *HP*,

IBM и другие. Они начали оказывать поддержку (в том числе финансовую) открытым общемировым проектам, а также развивать собственные решения по открытой модели. За счет такой стратегии западные корпорации укрепили свои позиции и нарастили влияние в области цифровых технологий. Динамика развития и распространения открытых проектов позволила им задавать новые стандарты и темпы инноваций в профильных областях, а также аккумулировать уникальную экспертизу и использовать ее в работе с целевой аудиторией (например, заказчиками и сотрудниками). Уникальный отношенческий подход и другие конкурентные преимущества [Perr, Appleyard, Sullivan, 2010], которые обеспечивала открытая модель, сделали ее невероятно востребованной среди американских технологических корпораций, что только увеличило их активность и влияние в данной сфере.

Так западные структуры заняли и долгие годы сохраняли доминирующее положение в данной области. К середине 2000-х годов открытые цифровые решения использовались уже практически повсеместно. Страны БРИКС не были исключением и приступили к внедрению свободно распространяемых разработок еще за несколько лет до учреждения объединения.

Во-первых, они стремились по примеру Запада сократить бюджеты на закупку программного обеспечения. Поэтому внедрение открытых решений в госсекторе стало лейтмотивом того периода: соответствующие инициативы начали появляться² в Бразилии, Индии и КНР, а также в ЮАР, где они быстро приобрели поддержку на уровне правительственные структур. В России же внедрением открытого про-

2 Free and open-source software: implications for ICT policy and development // UNCTAD: E-Commerce and Development Report. – 2003. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ecdr2003ch4_en.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

граммного обеспечения в госучреждениях (первоначально в школах) занялись³ лишь ближе к концу нулевых.

Во-вторых, в данных странах начали появляться первые центры компетенций в области открытых цифровых технологий. На базе таких центров компании – разработчики цифровых продуктов, некоммерческие организации и государственные структуры начали обмениваться лучшими практиками внедрения и интеграции открытых решений. Например, еще в первой половине 2000-х под эгидой Министерства науки и технологий КНР появился *Open Source Software Promotion Alliance* – один из первых институтов такого типа в стране [Pan, Bonk, 2007]. В тот же период в ЮАР начал работу *Open Source Center*, основанный Советом по научным и промышленным исследованиям с целью распространения лучших практик по внедрению открытых решений, преимущественно в госсекторе и сфере образования.

В-третьих, во второй половине нулевых появились первые межстрановые центры компетенций. На их основе начался обмен опытом и лучшими практиками в соответствующей области среди некоторых (в том числе будущих) участников БРИКС. Так, в 2009 г. был сформирован *Asian Open Source Software Center*, в работе которого приняли участие более 10 стран региона, в том числе КНР, Индия и Индонезия, а также Малайзия и Таиланд. Примечательно, что в Индонезии, которая присоединилась к БРИКС в январе 2025 г., а также в Малайзии и Таиланде, получивших статус партнеров объединения, ближе к концу 2000-х годов развивались процессы, схожие с теми,

что наблюдались в Бразилии, России, Индии, КНР и ЮАР. Помимо межстратнового сотрудничества на базе *Asian Open Source Software Center*, данные страны также приступили к внедрению открытых технологий в госсекторе. Кроме того, Индонезия и Малайзия сформировали свои центры компетенций в сфере открытых цифровых технологий.

Акцент на *внедрении* открытых решений преобладал в БРИКС практически до середины 2010-х. Как следствие, вклад государств – участников объединения (в том числе будущих) в развитие общемировых открытых проектов был несопоставим с вкладом стран Запада [The geography of open source..., 2022]. Последние полностью владели инициативой в этой области и пользовались не только прямыми, но и косвенными экономическими, а также многими другими преимуществами открытого подхода к разработке цифровых технологий. Например, стимулировали предпринимательскую и инновационную активность [Wright, Nagle, Greenstein, 2023], формировали стандарты и «правила игры» в перспективных для себя сферах деятельности и направлениях [Ganten, Seyffarth, Kuhlmann, 2025].

Трансформация роли открытых технологий

Существенный рост значимости открытых цифровых технологий и усиление их влияния на развитие стран БРИКС произошли на фоне разоблачений Эдварда Сноудена. Информация о глобальной слежке, осуществляемой западными спецслужбами, привлекла повышенное внимание к проблемам

³ Рейман Л.Д. Значительная доля продуктов, поставляемых в школы в составе пакета лицензионных программ, разработаны отечественными компаниями // Веб-сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – 2008. – URL: <https://digital.gov.ru/news/l-d-rejman-znachitelnaya-dolya-produktov-postavlyayemyh-v-shkol-y-v-sostave-paketa-licenzionnyh-programm-razrabotany-otechestvennymi-kompaniyami> (дата обращения: 05.06.2025).

цифровой безопасности и подтолкнула страны содружества к интенсивной работе по обеспечению технологического суверенитета [Belli, Magalhaes, 2024; Jiang, Belli, 2025]. Зависимость от проприетарных цифровых решений с закрытыми «исходниками» на тот момент оставалась высокой. В БРИКС на такие решения полагались не только в общественной сфере, но и во многих чувствительных с позиции кибербезопасности областях.

В этом контексте открытые цифровые технологии выступили в роли подходящей альтернативы. К середине 2010-х годов в странах БРИКС стали не только активнее внедрять их, но и чаще проводить глубокую экспертизу открытых «исходников» с целью их безопасного использования и адаптации. Данные вопросы начали рассматривать и на уровне всего объединения. Так, в 2018 г. при участии экспертов и ученых из ведущих университетов стран БРИКС был запущен проект *Cyber-BRICS* [Belli, 2021]. Целью проекта стала выработка лучших практик и рекомендаций в сферах кибербезопасности, цифровой трансформации и систем искусственного интеллекта, реализуемых в том числе с использованием открытых технологий.

В целом с развитием экономик и цифровых рынков в странах БРИКС возросла потребность в динамичной адаптации цифровых решений к стремительно меняющимся потребностям электронной коммерции, финансового и технологического сектора. Поэтому в 2010-е в странах содружества появилось кратко больше организаций (от системных интеграторов до поставщиков отдельных программных продуктов), специализирующихся на доработке и адаптации открытых цифровых решений. Деятельность таких организаций стала востребованной и по другим причинам.

Во-первых, решения на базе открытых технологий обеспечили потребителям (например, компаниям) защиту от *vendor lock-in* – зависимости от единственного продавца, обладающего единоличным доступом и правом на модификацию исходного кода цифровых продуктов. Так потребители получили возможность выбирать поставщика из широкого спектра интеграторов и других компаний, способных внедрить и адаптировать ту или иную открытую технологию (либо представить свой продукт на ее основе), а также возможность менять такого поставщика с минимальными издержками [Appleyard, Chesbrough, 2017; Ganten, Seyffarth, Kuhlmann, 2025]. Что примечательно, впоследствии данная логика оказалась справедлива и на страновом уровне: при ограничении доступа к определенным технологиям (в силу санкций и других обстоятельств) развитие цифровых решений продолжалось на базе открытых и свободно распространяемых разработок.

Во-вторых, потребители цифровых решений, заинтересованные в сотрудничестве с компетентными поставщиками, получили возможность выбирать их из числа организаций, подтвердивших свою технологическую экспертизу в ходе участия в общемировых открытых проектах. Тот факт, что сообщество открытого проекта охотно принимало предложения по его совершенствованию от лица локальной организации, стал универсальным свидетельством ее высокого профессионализма. К началу 2010-х годов такого рода сигналы уже доказали свою значимость на западных рынках и стали получать положительный отклик в БРИКС. В частности, по этой причине количество организаций, участвующих в общемировых открытых проектах, увеличилось во всех странах объединения. Одной из таких организаций стала

российская *Postgres Professional*. С середины 2010-х эта компания является одной из ведущих по вкладу в общемировой проект по совершенствованию открытой системы управления базами данных *PostgreSQL*. За счет уникальной экспертизы в данной технологии компания входит в число лидеров российского рынка и успешно сотрудничает с коммерческими и государственными структурами.

Благодаря росту активности организаций, представляющих БРИКС в общемировых проектах, к началу 2020-х годов влияние участников объединения в соответствующей области возросло. Если в 2010-м в десятку стран по объему вклада в открытые проекты на платформе *GithHub* входили только Россия и Бразилия, то к началу 2020-х к ним присоединились Индия и КНР, причем КНР вышла на 2-е место, следом за США [The geography of open source..., 2022]. Распределение по миру «центров развития» открытых решений стало более равномерным, что свидетельствует о сокращении западного доминирования в данной области, а также о существенной трансформации отношения к открытым цифровым технологиям в странах БРИКС.

Контуры новых стратегий в БРИКС

К началу 2020-х годов открытый подход к развитию цифровых технологий приобрел стратегическую значимость для БРИКС. С его помощью страны, в первую очередь КНР, начали эффективнее конкурировать с США и стали устойчивее к возможному давлению со стороны Запада не только в области программного обеспечения,

но и в сфере полупроводников. За счет вклада таких компаний, как *Alibaba* и *Huawei*, КНР нарастила влияние в проекте *RISC-V* по разработке открытых стандартов и архитектур микропроцессоров и микроконтроллеров, а также начала активнее развивать собственные решения, локализованные на базе *RISC-V*. Усиление роли КНР в этом проекте привело в числе прочего к переносу штаб-квартиры фонда *RISC-V* из США в Швейцарию. Несмотря на участие в проекте американских корпораций, фонд пошел на этот шаг, чтобы обеспечить стабильное развитие открытых технологий на фоне роста давления на КНР [Kotasthane, Manchi, 2023].

Индия же сфокусировалась на более плавном снижении зависимости от западных технологий, а также построении «общества с цифровыми возможностями» [Формирование повестки..., 2024]. Открытые решения и стандарты стали основой этой стратегии: например, позволили стране планомерно развивать так называемый *India stack* – комплекс технологий для национальной цифровой экосистемы [Jiang, Belli, 2025], а также *Open Network for Digital Commerce* – набор спецификаций для организации цифрового взаимодействия участников рынка электронной коммерции.

Бразилия также продолжила укреплять технологический суверенитет и заниматься цифровой трансформацией не только государственного, но и всего общественного сектора. Открытые решения как значимый элемент данной стратегии получили поддержку⁴ на высшем уровне. Кроме того, в стране появилось больше прикладных инициатив, например публичные

⁴ Devenyi V., Di Giacomo D., Lopes Gonçalves D. Open Source Software Country Intelligence Report: Brazil // Wavestone European Services. – 2021. – URL: https://interoperable-europe.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/OSS_Country_Intelligence_Report_BR_1.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

списки решений с открытым исходным кодом. Один из таких проектов ведет Министерство управления и инноваций в сфере государственных услуг Бразилии. Схожие инициативы в области открытых цифровых технологий наблюдаются⁵ в ЮАР: стратегический план по цифровой трансформации, опубликованный в 2019 г., зафиксировал поддержку открытых проектов на государственном уровне. В нем также был отмечен фокус правительства ЮАР на расширении кооперации в технологической сфере для развития инновационных проектов.

Для России вопросы технологического суверенитета и инновационного развития на базе цифровых технологий не менее значимы. Риски в данной области были наглядно продемонстрированы односторонним и одномоментным уходом с российского рынка западных технологических брендов [Славин, 2024; Столетов, 2022]. Однако отечественные технологические компании помогли сгладить отрицательный эффект от демарша западных вендоров и перевести цифровую инфраструктуру государства и бизнеса на прозрачные и поддерживаемые решения. Это стало возможным за счет адаптации отечественными технологическими компаниями открытых и свободно распространяемых цифровых разработок. На их базе были развернуты и продолжают совершенствоваться продукты в сфере облачной и сетевой инфраструктуры, среды разра-

ботки программного обеспечения⁶ и не только. Вместе с этим увеличивается⁷ количество организаций, открыто развивающих собственные, а не только общемировые цифровые проекты: например, такой подход начинают⁸ использовать финансовые структуры и университеты. Они также применяют открытую модель для формирования «правил игры» в целевой для себя области и установления доверительных, долгосрочных взаимоотношений с аудиторией.

В целом же заметный рост числа организаций, открыто развивающих свои цифровые решения, позволяет и далее снижать стратегические риски и стимулировать инновационное развитие России. Такие организации вносят вклад и в международную кооперацию, причем это происходит не столько на базе совместного владения технологиями [Технологическое сотрудничество..., 2023], сколько в рамках их совместного *совершенствования*. Подход уже позволяет России, а также другим странам БРИКС решать некоторые стратегические задачи и повышать привлекательность всего объединения для других стран. Новым и потенциальным партнерам БРИКС он также интересен: одним из стимулов к сотрудничеству для них является возможность кооперации и доступ к новым технологиям при сохранении своего вектора развития, а открытый подход к совершенствованию цифровых продуктов позволяет реализовать этот принцип.

5 Custers N, Devenyi V, Di Giacomo D. Open Source Software Country Intelligence Report: South Africa // Wavestone European Services. – 2021. – URL: https://interoperable-europe.ec.europa.eu/sites/default/files/inline-files/OSS_Country_Intelligence_Report_South_Africa.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

6 Глащенко А. Открытая IDE для российских разработчиков // Habr. – 2024. – 16 декабря. – URL: <https://habr.com/ru/companies/haulmont/articles/866388/> (дата обращения: 05.06.2025).

7 Этот год в open source/Кабанов Д.А. [и др.] // Habr. – 2024. – 23 декабря. – URL: <https://habr.com/ru/articles/867376/> (дата обращения: 05.06.2025).

8 Использование ML / Data open source в России / Никитин Н. [и др.] // Веб-сайт Университета ИТМО. – 2024. – URL: <https://opensource.itmo.ru/> (дата обращения: 05.06.2025).

Организационная платформа для кооперации

Повышать эффективность открытого подхода в БРИКС необходимо с опорой на технологические компании и научно-исследовательские организации. На Западе, а в отдельных случаях и в БРИКС, такие структуры на протяжении многих лет извлекают из открытой стратегии конкурентные преимущества [Appleyard, Chesbrough, 2017; Perr, Appleyard, Sullivan, 2010]. Открытый подход позволяет им привлекать инвесторов, партнеров, клиентов и квалифицированных специалистов [Wright, Nagle, Greenstein, 2024], устанавливать с ними доверительные отношения за счет свободного распространения «исходников» цифровых решений, а также кооперации по развитию открытых проектов. Более того, в ходе совместной работы появляются действительно востребованные продукты и актуальные технологические стандарты, в особенности в новых, перспективных нишах.

Однако для того, чтобы пользоваться данными выгодами и возможностями, в том числе возможностями кооперации, организациям необходимо не только открывать «исходники» и сам процесс разработки цифровых решений, но и ориентироваться на отношенческий подход при взаимодействии с целевой аудиторией [Третьяк, 2013], адаптировать свою бизнес-модель и формировать специальные организационные структуры [Appleyard, Chesbrough, 2017].

Данные вопросы имеют высокую важность в силу того, что открытое развитие технологий подразумевает работу с более обширной аудиторией по сравнению с традиционным спектром заказчиков и сторон, заинтересованных в деятельности организации. Новую, разнородную аудиторию необходимо обучать тому, что из себя представляет открытая технология, как она устроена, где может применяться и каким образом ее можно совместно развивать. На практике это означает выпуск специализированной литературы и технических руководств, проведение семинаров, а также интенсификацию усилий по технологическому контент-маркетингу и формированию онлайн-сообществ. Ориентиром с точки зрения реализации таких отношенческих практик уже служат организации – лидеры в области открытых цифровых технологий, например российские Яндекс⁹, Postgres Professional¹⁰, а также Arenadata и Picodata¹¹.

Вместе с тем для получения стратегических выгод от открытой разработки организациям необходимо аккумулировать опыт создания гибридных бизнес-моделей [Perr, Appleyard, Sullivan, 2010]. Под такими моделями следует понимать комплементарные форматы коммерциализации: от продажи адаптированных версий открытых решений (параллельно с передачей части наработок сообществу) до запуска сопутствующих услуг технической поддержки. Формирование таких бизнес-моделей требует времени и технологических

⁹ Кабанов Д.А., Бережной С. Как развивается open source в Яндексе – рассказывает Сергей Бережной, директор по взаимодействию с разработчиками // Habr. – 2025. – 10 апреля. – URL: <https://habr.com/ru/articles/899376/>(дата обращения: 07.06.2025).

¹⁰ Кабанов Д.А., Бартунов О.С. «Open source в России» – гримасы рынка, этика и менеджмент: разговор с Олегом Бартуновым, CEO Postgres Professional // Habr. – 2024. – 15 октября. – URL: <https://habr.com/ru/articles/850580/>(дата обращения: 07.06.2025).

¹¹ Кабанов Д.А., Осипов К. «Перебросить код через стену из юристов – еще не значит сделать его открытым», – Константин Осипов, основатель Picodata // Habr. – 2024. – 5 февраля. – URL: <https://habr.com/ru/articles/879342/>(дата обращения: 07.06.2025).

компетенций. Кроме того, для реализации гибридных моделей ключевую роль играет способность организации координировать открытую разработку с помощью лицензий, позволяющих не только распространять «исходники» и кооперироваться с технологическим сообществом для их совершенствования, но и коммерциализировать результаты этого процесса [Morgan, Finnegan, 2014].

Организациям также необходимо развивать поддерживающие структуры для открытой разработки цифровых решений и технологий. Такие структуры могут состоять из отдельных специалистов (евангелистов открытого подхода), а могут включать и целые подразделения (офисы *open source*-программ). В спектр их задач обычно входят координация портфеля открытых проектов организации и сопутствующих активностей от контент-маркетинга до выработки бизнес-моделей, а также правил взаимодействия и кооперации в сообществе разработчиков (так называемого *code of conduct*).

Для того, чтобы извлекать из открытого развития цифровых технологий конкурентные преимущества, организациям необходимо комплексным образом учитывать данные аспекты в своей стратегии – от выстраивания отношенияческого подхода, направленного на широкую аудиторию, и гибридных бизнес-моделей до управления кооперацией на базе открытого подхода и формирования поддерживающих его организационных структур. Кроме того, организациям, открыто совершенствующим свои решения, следует понимать страновой и международный контекст таких проектов – роль, которую их цифровые продукты могут играть с позиции международного сотрудничества, и логику экспортных центров и регуляторов

при разработке открытой стратегии. Изучение этих вопросов крайне важно для эффективного применения открытой модели в рамках отдельных стран и БРИКС в целом.

Регуляторные тенденции в контексте открытой модели

Немаловажно охарактеризовать и то, какие возможности для реализации открытой модели предоставляет внутристрановой контекст БРИКС, в частности с позиции локального регулирования цифровых технологий. В этой сфере Россия и КНР одними из первых стран – участниц объединения начали развивать соответствующие нормы, исходя из восприятия цифровых технологий как одного из ключевых geopolитических факторов [Шелепов, 2022]. При этом подобное отношение формируется и в других странах БРИКС.

Во-первых, в последнее десятилетие одной из наиболее заметных регуляторных тенденций БРИКС в контексте цифровых технологий остается совершенствование локальных норм по обработке и обеспечению безопасности данных. В этом отношении законодательство Индии и Бразилии не менее динамично по сравнению, например, с российским и китайским и также учитывает не только интересы граждан, но и создает условия для развития локальных «чемпионов данных» – организаций, конкурирующих с транснациональными корпорациями в экономике данных [Славин, 2024; Шелепов, 2022]. Однако регулирование потоков данных развивается неравномерно: например, в ЮАР подобные нормы только формируются в силу фрагментированности институциональной среды [Шелепов, 2022]. Отставание некоторых государств в этой сфере нарастает и в силу того, что лидеры «цифрового» регули-

рования БРИКС держат высокий темп совершенствования соответствующих норм, например в контексте трансграничной передачи данных.

Тем не менее ни сложившаяся «неравномерность» регулирования, ни нововведения передовых стран БРИКС не ограничивают применение открытой модели развития цифровых технологий. В особенности учитывая, что в случае с открытым подходом речь о передаче данных не идет – осуществляется лишь совместная работа над исходным кодом решений. Такая модель только способствует повышению безопасности и прозрачности цифровых технологий. За счет совместных усилий участники взаимодействия могут не только быстрее исправлять уязвимости в открытом «ядре» технологии, но и вносить локальные модификации для соответствия требованиям регуляторов, в том числе с точки зрения дополнительных возможностей по защите данных и обеспечения безопасности критической инфраструктуры.

Во-вторых, открытый подход сегодня развивается в условиях повышенного внимания к цифровым стандартам как к еще одному геостратегическому компоненту, важному для поддержания конкурентоспособности и технологического суверенитета. В этой области регуляторы не всегда успевают за изменениями цифрового ландшафта, поэтому ведущую роль здесь играют компании, выступающие носителями технологий и самостоятельно продающие соответствующие цифровые стандарты, в том числе в национальных интересах [Технологическое сотрудничество..., 2023]. Например, КНР делает акцент не только на разработке

собственных стандартов (в таких сферах, как полупроводники, архитектуры микропроцессоров и системы искусственного интеллекта), но и на их продвижении на рынках стран-партнеров, например через участие в технологических альянсах [Ярымова, 2025]. В этом контексте открытая модель выступает гармоничным дополнением, катализатором уже наметившихся процессов, позволяет активнее продвигать целевые для той или иной организации, страны или объединения цифровые стандарты.

В-третьих, важным компонентом для развития открытой модели выступает совершенствование локального законодательства по защите интеллектуальной собственности в странах БРИКС. В силу высокого уровня его развития в объединении формируются возможности для более справедливого применения существующих «западных» лицензий на открытые разработки и появления национальных лицензий, например в контексте расширения роли государства от регулятора до владельца объектов интеллектуальной собственности [Технологическое сотрудничество..., 2023]. К таким объектам могут относиться, в частности, цифровые технологии, разработанные за счет государства. В этом отношении в России был проведен эксперимент¹² по распространению программных решений, исключительное право на которые принадлежит государству, по открытой лицензии, являющейся аналогом востребованных зарубежных лицензий.

Применение подобных форматов требует высокого уровня развития норм интеллектуального права в стране и, безусловно, способствует распро-

12 Капронов О. В России стартует проект по предоставлению программного обеспечения по открытой лицензии // Интернет-портал «Российской газеты». – 2022. – 1 ноября. – URL: <https://rg.ru/2022/11/01/v-rossii-sozdaetsia-sreda-dlia-razvitiia-besplatnogo-softa.html> (дата обращения: 28.06.2025).

странению открытой модели с учетом потребностей локального цифрового рынка. Кроме того, подобного рода эксперименты и «регуляторные песочницы» крайне востребованы в перспективных областях, таких как системы ИИ и квантовые вычисления, где еще продолжается поиск оптимальных подходов к регулированию и также начинают развиваться открытые подходы. При этом «мягкие» форматы продолжают исторический вектор развития регуляторных подходов в отношении открытой модели – они построены на обмене опытом, развитии компетенций и разработке гибких (с точки зрения обязательности применения) правовых инструментов.

Подобные активности, направленные на совершенствование регулирования и норм, возможно разывать на базе соответствующих центров компетенций [The geography of open source..., 2022]. Такие центры и альянсы были и остаются институциональной основой открытой модели в БРИКС. Именно они обеспечивают локальную адаптацию открытого подхода к развитию цифровых технологий и за счет этого способствуют развитию инновационной активности на местном уровне. В свою очередь, местная поддержка может выражаться в организации конференций, экспертных встреч и семинаров по теме открытого развития технологий, а также информировании «цифровых» организаций о возможностях по созданию конкурентных преимуществ, выходу на новые рынки и расширению целевой аудитории за счет внедрения открытых стратегий [The geography of open source..., 2022]. Такую консультационную поддержку

важно оказывать не только компаниям, но и государственному сектору, в том числе экспортным центрам, которые могли бы способствовать продвижению открытой модели и повышать собственную эффективность за счет ее использования, предлагать регуляторные инициативы в данной области.

Еще одним важным направлением деятельности центров компетенций может быть выработка политики по поиску уже существующих открытых решений с целью их популяризации. Такие листинги или реестры уже существуют как на уровне университетов, так и компаний, а за пределами БРИКС реализуются на уровне объединений стран¹³.

Новые направления для открытого подхода

Сегодня перед странами БРИКС и представляющими их организациями встает задача по адаптации открытого подхода к новым, перспективным технологическим направлениям. Если до сих пор открытый формат развития применяли в основном в сфере программного обеспечения и микроэлектроники, то в настоящий момент появляется интерес к его распространению на другие сферы, например решения для квантовых и фотонных вычислений. Эта задача актуальна для БРИКС, поскольку достижения в данных областях могут дать существенный импульс локальным рынкам стран – участниц объединения укрепить их технологический суверенитет, а также сыграть важную роль в инновационных процессах на уровне всего БРИКС за счетро-

13 Foteva V. The EU Open Source Solutions Catalogue is now live // Interoperable Europe Portal. – 2025. – URL: <https://interoperable-europe.ec.europa.eu/interoperable-europe/news/eu-open-source-solutions-catalogue-now-live> (дата обращения: 29.06.2025).

ста кооперации [Технологическое сотрудничество..., 2023]. Однако рынок открытого *аппаратного* обеспечения и его перспективная составляющая в виде квантовых и фотонных вычислений находятся на ранней стадии развития, которая сравнима лишь с начальными этапами распространения открытого программного обеспечения [Kotasthane, Manchi, 2023]. В первую очередь это связано с объективными особенностями уникальных аппаратных систем, организаторы-разработчики которых не спешат открывать доступ к их устройству, поскольку не уверены в том, что смогут поддерживать стабильно высокий темп их развития, а также не видят необходимого потенциала для этого со стороны технологического сообщества.

Однако отсутствие проторенных путей для открытого развития инновационных аппаратных решений может оказаться преимуществом для стран БРИКС. В этой области им не приходится развиваться в условиях тотального доминирования Запада, как было в случае с программными продуктами. У многих стран БРИКС есть перспективные наработки в области квантовых и фотонных вычислений. За счет открытого подхода можно обеспечить более динамичное развитие и коммерциализацию некоторых из них, менее критичных с точки зрения информационной безопасности. Кроме того, на базе открытого подхода можно сформировать соответствующие стандарты и «правила игры» в наиболее перспективных нишах в сфере аппаратного обеспечения как на дружественных рынках, так и за их пределами. В целом же открытая разработка аппаратного обеспечения

может изменить всю индустрию вычислений, стимулировать создание новых организаций и рыночных ниш [Open hardware..., 2024].

Другим важным направлением для дальнейшей работы и исследований является применение открытого подхода в структурах, относительно недавно начавших заниматься развитием собственных решений в области цифровых технологий. Среди таких структур сегодня встречаются крупные университеты и центры (в России это, например, НИУ ВШЭ, Центр научного программирования МФТИ), где развиваются¹⁴ открытые разработки в области моделирования приборов, картографии, математических абстракций и не только. К открытому развитию цифровых решений, в частности больших языковых моделей и систем искусственного интеллекта, переходят и крупные организации со специализацией в области финансовых технологий, заинтересованные в распространении и динамичном совершенствовании своих разработок. Опыт и лучшие практики управления открытыми проектами таких организаций уникальны и требуют изучения, в том числе для последующего применения в контексте БРИКС, а также для выработки мер мягкого стимулирования и поддержки подобной активности. Наконец, особое внимание следует уделить межстранным инициативам и возможностям стимулирования кооперации на уровне всего объединения БРИКС. Сегодня подавляющее большинство таких инициатив доступно для реализации в онлайн-среде: от региональных и межстранных центров компетенций до реестров и хранилищ открытых цифровых проектов стран БРИКС.

14 Список открытых решений Центра научного программирования МФТИ // OST-sci. – 2024. – URL: <https://ost-sci.ru/orgs/sciprogcentre/technologies> (дата обращения: 07.06.2025).

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены ключевые аспекты развития открытых цифровых технологий в БРИКС, начиная от институционализации открытого подхода и работы с ними исключительно как с внешним фактором до трансформации их роли и появления новых стратегий и возможностей у стран – участниц объединения. Особое внимание было уделено влиянию организаций, развивающих цифровые технологии по открытой модели, на описанные внутри- и межстрановые процессы. В комплексе данные аспекты рассмотрены впервые в отечественной и зарубежной научной литературе, которая до сих пор лишь фрагментарно охватывала проблематику открытых цифровых технологий как в контексте БРИКС, так и вне такого контекста.

Как показывает проведенный анализ, с момента своего появления открытый подход в сфере цифровых технологий главным образом развивается за счет организаций. В настоящее время они фактически формируют новую цифровую и технологическую основу для кооперации на уровне отдельных стран и БРИКС в целом. Поэтому для эффективного применения открытого подхода необходимо развивать научную и методологическую базу в области стратегического управления организациями, в особенности теми, что действуют и развиваются в новых, перспективных областях (таких как инновационное аппаратное обеспечение в области вычислений, научное программное обеспечение, системы искусственного интеллекта и других). Данные технологические структуры должны понимать возможности применения открытого подхода в развитии соответствующих решений, а также полагаться на существующий опыт в этой области.

Кроме того, для эффективного применения открытых стратегий важную роль играет степень развития экономики знаний, факторы производительности труда и человеческого капитала. Без плодородной среды, насыщенной квалифицированными техническими специалистами и управленцами, влияние открытого подхода на рост предпринимательской и инновационной активности [Wright, Nagle, Greenstein, 2024], а также плодотворность кооперации на базе открытых цифровых проектов будет низким. Всё это особенно важно и в контексте стремления стран БРИКС к увеличению своего веса в рамках общемировых открытых проектов: без квалифицированных инженеров и разработчиков добиться сколь бы то ни было значимых результатов в этой сфере невозможно.

Стоит отметить и необходимость организации стимулов для кооперации стран БРИКС в области цифровых технологий. К подобным стимулам можно отнести, в частности, выработку «мягких» политик, которые регулировали бы применение открытого подхода при поставке цифровых решений государственным структурам. Такие политики, к примеру, могли бы содержать требование реализовывать соответствующие цифровые решения на базе существующих открытых технологий или переводить проприетарные решения, поставляемые госструктурам, в открытый формат с определенным временным лагом.

Усиление кооперации на базе открытых решений может осуществляться и за счет онлайн-площадок вроде инициативы *BRICS Platform for Digital Public Goods* [Jiang, Belli, 2025]. В частности, такая площадка могла бы в дальнейшем взять на себя роль хранилища открытых решений, созданных в странах БРИКС. Организованный доступ к ним позволил бы стимулировать инновационные

и технологические инициативы в государствах БРИКС с менее развитыми (по сравнению с ведущими участниками объединения) экономиками.

С точки зрения максимизации эффекта от использования открытого подхода в сфере цифровых технологий странам БРИКС важно проявлять инициативу в рамках всех указанных направлений: разрозненные и несистемные действия в этой области внесут лишь ограниченный вклад в развитие объединения и отдельных стран-участниц. Напротив, комплексная работа по формированию предпосылок к извлечению стратегических преимуществ из открытого подхода способна не только обеспечить технологический суверенитет и рост инноваций в странах БРИКС, но и в перспективе позволит радикально изменить сложившиеся практики доминирования западных стран в этой области.

Список литературы

Володенков С.В., Кашин Е.А., Крайнов С.К. Роль трансфера технологий в рамках геополитической стратегии России в многополярном мире // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 4. – С. 49–63. – DOI: 10.24412/2071-6141-2024-4-49-63.

Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В. Контуры нового мирового порядка и БРИКС+ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 61–81. – DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04.

Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Направления изменений международного технологического обмена в современных условиях // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 132–144. – DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-132-144.

Славин Б.Б. Независимость вместо замещения // Россия в глобальной поли-

тике. – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 214–228. – DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-214-228.

Столетов О.В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 221–237. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.

Технологическое сотрудничество и равноправие как развитие концепции технологического суверенитета / Полосин А.В., Байдаров Д.Ю., Абакумов Е.М., Файков Д.Ю. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 94–112. – DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06.

Третьяк О.А. Отношеческая парадигма современного маркетинга // Российский журнал менеджмента. – 2013. – Т. 11, № 1. – С. 41–62. – URL: <https://rjm.spbu.ru/article/view/250> (дата обращения: 01.06.2025).

Формирование повестки дня в БРИКС: глобальные проблемы и национальные интересы / Зеленова Д.А., Андреева Т.А., Грищенъкин М.С., Уфимцев А.А. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 103–122. – DOI: 10.31249/kgt/2024.05.06.

Чеклина Т.Н. Направления развития экономического сотрудничества России со странами БРИКС в высокотехнологичной сфере // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 12. – С. 82–106. – DOI: 10.24412/2072-8042-2024-12-82-106.

Шелепов А.В. Подходы стран БРИКС к регулированию данных // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 212–234. – DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-09.

Ярымова О.В. Борьба за цифровой суверенитет: США, Китай и Россия в новой кибергонке // Закон и власть. – 2025. – № 4. – С. 41–46.

Appleyard M.M., Chesbrough H.W. The dynamics of open strategy: from adoption to reversion // Long Range Planning. – 2017. – Vol. 50, N 3. – P. 310–321. – DOI: 10.1016/j.lrp.2016.07.004.

Belli L. CyberBRICS: A Multidimensional Approach to Cybersecurity for the BRICS // CyberBRICS: Cybersecurity Regulations in the BRICS Countries / Ed. by L. Belli. – Cham : Springer, 2021. – P. 1–33. – DOI: 10.1007/978-3-030-56405-6_1.

Belli L., Magalhaes L. Toward a BRICS stack? Leveraging digital transformation to construct digital sovereignty in the BRICS countries // Computer Law & Security Review. – 2024. – Vol. 55 – Article 106064. – DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106064.

Ganten P., Seyffarth M., Kuhlmann N. Successful digital transformation in economy and industry requires open source // New Digital Work II: Digital Sovereignty of Companies and Organizations / Ed. by U. Schmuntzsch, A. Shajek, E.A. Hartmann. – Cham : Springer Nature Switzerland, 2025. – P. 17–31. – DOI: 10.1007/978-3-031-69994-8_2.

Jiang M., Belli L. Contesting digital sovereignty: Untangling a complex and multifaceted concept // Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance / Ed. by M. Jiang, L. Belli. – Cambridge : Cambridge University Press, 2025. – P. 1–38. – DOI: 10.1017/9781009531085.002.

Kotasthane P., Manchi A. When the Chips Are Down: A Deep Dive into a

Global Crisis. – [S. l.] : Bloomsbury India Publishing, 2023. – 208 p.

Morgan L., Finnegan P. Beyond free software: An exploration of the business value of strategic open source // The Journal of Strategic Information Systems. – 2014. – Vol. 23, N 3. – P. 226–238. – DOI: 10.1016/j.jsis.2014.07.001.

Open hardware solutions in quantum technology / Shammah N. [et al.] // APL Quantum. – 2024. – Vol. 1, N 1. – Article 011501. – DOI: 10.1063/5.0180987.

Pan G., Bonk C.J. The emergence of open-source software in China // The International Review of Research in Open and Distributed Learning. – 2007. – Vol. 8, N 1. – P. 1–18. – DOI: 10.19173/irrod.v8i1.331.

Perr J., Appleyard M.M., Sullivan P. Open for business: emerging business models in open source software // International Journal of Technology Management. – 2010. – Vol. 52, N 3/4. – P. 432–456. – DOI: 10.1504/ijtm.2010.035984.

Salus P.H. Quarter Century of UNIX. – Boston, MA : Addison-Wesley, 1994. – 272 p.

The geography of open source software: evidence from GitHub / Wachs J., Nittekkai M., Schueller W., Polleres A. // Technological Forecasting and Social Change. – 2022. – Vol. 176. – Article 121478. – DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121478.

Wright N.L., Nagle F., Greenstein S. Open source software and global entrepreneurship // Research Policy. – 2023. – Vol. 52, N 9. – Article 104846. – DOI: 10.1016/j.respol.2023.104846.

Wright N.L., Nagle F., Greenstein S. Contributing to Growth? The Role of Open Source Software for Global Start-ups // Harvard Business School Strategy Unit Working Paper. – 2024. – N 24-040. – DOI: 10.2139/ssrn.4699182.

Digital Transformations

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.10

Open Digital Technologies as a New Area of Cooperation Among BRICS Countries

Dmitry A. KABANOV

PhD Student at the Graduate School of Business

HSE University

Myasnitskaya Street, 20, Moscow, Russian Federation, 101000

E-mail: dkabanov@hse.ru

ORCID: 0000-0002-0279-3847

CITATION: Kabanov D.A. (2025). Open Digital Technologies as a New Area of Cooperation Among BRICS Countries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 166–185 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.10

Received: 07.06.2025.

Revised: 29.06.2025.

ABSTRACT. Open source technologies are increasingly gaining traction in BRICS. The digital infrastructure within these nations – encompassing government services, social networks, and artificial intelligence systems – is predominantly built upon open source solutions. However, BRICS countries are not only interested in the use of open source but are also seeking to foster the development of their own digital products in an open environment. Following this strategy makes it possible to facilitate the accumulation of resources and expertise, enable effective marketing of digital products outside their country of origin, and establish long-term relationships with consumers as well as other stakeholders. Yet, researchers have predominantly focused on the experiences of Western nations that have institutionalized the open approach to digital technology development and have subsequently led the field. In this context, an important question arises: what are the experiences and perspectives regarding digital technolo-

gy open sourcing within BRICS? Investigating these matters will enhance our understanding of how BRICS nations strategically benefit from the open approach, particularly with respect to their technological sovereignty, the acceleration of innovation, and their competition for technological leadership. The purpose of this study is to analyze digital technology open sourcing within BRICS. This encompasses understanding of open source as an external factor, the transformation of its perception, and promising opportunities for cooperation in the realm of open source, particularly based on the activities of organizations that are open sourcing their digital products. These aspects have not been collectively examined in a single study. Furthermore, the contextual insights provided in this study will be beneficial for managers and corporate strategists.

KEYWORDS: BRICS, digital technology, technological sovereignty, open source technologies, strategic management.

References

- Appleyard M.M., Chesbrough H.W. (2017). The dynamics of open strategy: from adoption to reversion. *Long Range Planning*. Vol. 50, no. 3, pp. 310–321. DOI: 10.1016/j.lrp.2016.07.004.
- Belli L. (2021). CyberBRICS: A Multidimensional Approach to Cybersecurity for the BRICS. In: Belli L. (ed). *CyberBRICS: Cybersecurity Regulations in the BRICS Countries*. Cham: Springer, pp. 1–33. DOI: 10.1007/978-3-030-56405-6_1.
- Belli L., Magalhaes L. (2024). Toward a BRICS stack? Leveraging digital transformation to construct digital sovereignty in the BRICS countries. *Computer Law & Security Review*. Vol. 55, article 106064. DOI: 10.1016/j.clsr.2024.106064.
- Chekina T.N. (2024). Foreign Economic Relations between Russia and Arabic Countries: New Challenges. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 12, pp. 82–106 (in Russian). DOI: 10.24412/2072-8042-2024-12-82-106.
- Formirovanie povestki... (2024). Zelenova D.A. et al. Shaping the BRICS Agenda: Navigating Global Issues and National Interests. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 17, no. 5, pp. 103–122 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.05.06.
- Ganten P., Seyffarth M., Kuhlmann N. (2025). Successful digital transformation in economy and industry requires open source. In: Schmuntzsch U., Shajek A., Hartmann E.A. (eds.). *New Digital Work II: Digital Sovereignty of Companies and Organizations*. Cham: Springer Nature Switzerland, pp. 17–31.
- Grinin L.E., Grinin A.L., Korotaev A.V. (2024). Shaping a New World Order and BRICS+. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 17, no. 5, pp. 61–81 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2024.05.04.
- Jiang M., Belli L. (2025). Contesting digital sovereignty: Untangling a complex and multifaceted concept. In: Jiang M., Belli L. (ed). *Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance*. Cambridge University Press, pp. 1–38.
- Kotasthane P., Manchi A. (2023). *When the Chips Are Down: A Deep Dive into a Global Crisis*. S.l.: Bloomsbury India Publishing, 208 pp.
- Morgan L., Finnegan P. (2014). Beyond free software: An exploration of the business value of strategic open source. *The Journal of Strategic Information Systems*. Vol. 23, no. 3, pp. 226–238. DOI: 10.1016/j.jsis.2014.07.001.
- Open hardware... (2024). Shammah N. et al. Open hardware solutions in quantum technology. *APL Quantum*. Vol. 1, no. 1, article 011501. DOI: 10.1063/5.0180987.
- Pan G., Bonk C.J. (2007). The emergence of open-source software in China. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*. Vol. 8, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.19173/irrodl.v8i1.331.
- Perr J., Appleyard M.M., Sullivan P. (2010). Open for business: emerging business models in open source software. *International Journal of Technology Management*. Vol. 52, no. 3/4, pp. 432–456. DOI: 10.1504/ijtm.2010.035984.
- Revenko L.S., Revenko N.S. (2024). Lines of Changes in International Technological Exchange in the Current Environment. *Economics, Taxes & Law*. Vol. 17, no. 1, pp. 132–144 (in Russian). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-1-132-144.
- Salus P.H. (1994). *A Quarter Century of UNIX*. Boston, MA: Addison-Wesley, 272 pp.
- Shelepov A. (2022). Approaches of BRICS countries to data regulation. *International Organisations Research Journal*. Vol. 17, no. 3, pp. 212–234 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-09.
- Slavin B.B. (2024). Independence instead of substitution. *Russia in Global Affairs*. Vol. 22, no. 1, pp. 214–228 (in

Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-214-228.

Stoletov O.V. (2022). Strategies for digital development of key states of the Global South in the context of U.S.-Chinese technological rivalry. *Vestnik RUDN: International Relations*. Vol. 22, no. 2, pp. 221–237 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.

Tehnologicheskoe sotrudnichestvo... (2023). Polosin A.V. et al. Technological Cooperation and Equality as the Development of the Concept of Technological Sovereignty. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 16, no. 5, pp. 94–112 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06.

The geography of open source... (2022). Wachs J. et al. The geography of open source software: evidence from GitHub. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 176, article 121478. DOI: 10.1016/j.techfore.2022.121478.

Tretyak O.A. (2013). The Relationship Paradigm in Contemporary Marketing.

Russian Management Journal. Vol. 11, no. 1, pp. 41–62 (in Russian). Available at: <https://rjm.spbu.ru/article/view/250>, accessed 01.06.2025.

Volodenkov S.V., Kashin E.A., Kraynov S.K. (2024). The role of technology transfer within the framework of Russia's geopolitical strategy in a multipolar world. *Bulletin of Tula State University. Humanitarian sciences*. No. 4, pp. 49–63 (in Russian). DOI: 10.24412/2071-6141-2024-4-49-63.

Wright N.L., Nagle F., Greenstein S. (2023). Open source software and global entrepreneurship. *Research Policy*. Vol. 52, no. 9, article 104846. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104846.

Wright N.L., Nagle F., Greenstein S. (2024). Contributing to Growth? The Role of Open Source Software for Global Startups. *Harvard Business School Strategy Unit Working Paper*. No. 24-040.

Yarymova O.V. Fight for digital sovereignty: the United States, China, and Russia in the new cyber race. *Law and Power*. No. 4, pp. 41–46 (in Russian).

Вокруг книг

УДК 327.54

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.11

Почему Запад не сумел предотвратить вторую холодную войну

Андрей Викторович БЕЛИНСКИЙ

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2825-403X

ЦИТИРОВАНИЕ: Белинский А.В. Почему Запад не сумел предотвратить вторую холодную войну // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 3. С. 186–195.

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.11

Статья поступила в редакцию 13.05.2025.

Исправленный текст представлен 06.07.2025.

АННОТАЦИЯ. В статье представлена рецензия на монографию британского политолога Р. Саквы «Утерянный мир. Как Запад не сумел предотвратить вторую холодную войну». В книге поднимается вопрос о причинах второй холодной войны в отношениях России и Запада. Как отмечает Саква, предпосылки для этого противостояния закладывались еще в конце 1980-х – 1990-х годов, когда завершилась первая холодная война и закладывались основы новой системы международных отношений. По мнению исследователя, после распада социалистического лагеря развитие мировой политики могло пойти по двум путям. Первый предполагал создание системы международной безопасности на основе положений Устава ООН, что, в свою очередь, предполагало учет интересов не только Запада, но

и других государств. В основу второй модели был положен принцип господства Запада, в первую очередь США. Именно по этому пути пошло развитие международных отношений в 1990-х – начале 2000-х годов, что в конечном счете создавало предпосылки для будущего конфликта между Россией и Западом. Большое внимание Саква уделяет украинскому вопросу, который стал основной причиной нынешнего кризиса. В книге анализируется стратегическое положение Украины, переговоры, интересы сторон и т. д. В конце исследования автор делится своими прогнозами относительно будущего международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международные отношения, кризис, Россия, Запад, вторая холодная война.

Имя британского политолога и специалиста в области международных отношений Р. Саквы (род. в 1953 г.) достаточно хорошо известно и отечественному читателю, и профессио- нальным экспертам. Профессор политологии Кентского университета Великобритании по праву считается одним из известных специалистов по России за рубежом, поскольку занимается исследованием нашей страны еще с 1980-х годов, а его работы неизменно вызывают оживленную дискуссию в научных кругах. В фокусе его внимания находятся самые разные аспекты истории и политики России, начиная от исследования природы коммунизма (*The Rise and Fall of the Soviet Union*) и заканчивая украинским вопросом во взаимоотношениях Москвы и Запада (*Frontline Ukraine: crisis in the borderlands*). При этом, в отличие от большинства своих западных коллег, Р. Саква, который много раз посещал Россию и имел возможность активно общаться с представителями различных общественных групп (научного сообщества, политической и бизнес-элиты), а также с рядовыми гражданами¹, придерживается неортодоксальных взглядов на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации.

Новая работа исследователя «Утерянный мир. Как Запад не сумел предотвратить вторую холодную войну», написанная в разгар нынешнего геополитического противостояния, представляет собой попытку дать ответ на непростой вопрос: кто и почему проторил дорогу к нынешнему кризису в отношениях России и коллективного Запада, который он называет второй холодной войной.

Сам термин «вторая холодная война», или «холодная война 2.0», отнюдь не является новым в политической науке. В Европе и США он начал использоваться сначала в публицистике, а потом и в научной литературе уже в конце 2000-х годов, когда после российско-грузинского конфликта 2008 г. началось постепенное ухудшение отношений между Российской Федерацией и Западом. Одним из первых его применил британский журналист издания *The Economist* Эдвард Лукас в названии своей книги². Впоследствии, уже после вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 г., и в особенности после начала специальной военной операции (СВО) в 2022 г., концепция новой холодной войны стала получать всё большее распространение в западных научных кругах и аналитических центрах. В частности, известный американский Центр стратегических и международных исследований (CSIS) при анализе нынешнего кризиса используют термин «холодная война».

Однако насколько правомерным является использование Р. Саквой, а вместе с ним другими западными исследователями данного термина применительно к нынешнему кризису системы международных отношений? Сравнительный анализ холодной войны (1946–1991) и нынешней ситуации демонстрирует как сходство, так и определенные различия между ними. Как и полвека назад, речь идет о противостоянии коллективного Запада и России, являющейся правопреемницей СССР. При этом, не вступая в прямую военную конфронтацию, обе стороны ведут борьбу на территории третьих стран (на Украине), как это уже было в Корее, Вьетнаме, Анголе.

1 Р. Саква являлся ведущим научным сотрудником Высшей школы экономики и профессором факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, а также членом международного дискуссионного клуба «Валдай».

2 Книга Э. Лукаса «Новая холодная война: как Кремль угрожает России и Западу» [Лукас, 2009] переведена и издана в России на следующий год после ее появления на английском.

Как и в случае с холодной войной 1946–1991 гг., целью участников нынешней конфронтации является улучшение своего стратегического положения, обеспечение безопасности границ, а также ослабление влияния враждебного военно-политического блока. Некоторые исследователи справедливо указывают на то обстоятельство, что в отличие от холодной войны, вызванной в том числе идеологическим противостоянием между либерализмом и коммунизмом, нынешний конфликт в большей степени обусловлен интересами великих держав. Не отрицая в целом эту точку зрения, следует в то же время отметить тот факт, что российское политическое руководство (как, впрочем, и руководство КНР, Ирана и других стран) нередко говорит о ценностных расхождениях с Западом. Но параллельно страны Европейского союза (ЕС) и США нередко апеллируют в последнее время к ценностям, оправдывая их защитой свою политику противодействия Москве и КНР.

Гораздо более существенным отличием холодной войны от геополитического кризиса 2022 г. стал тот факт, что нынешний мир далек от той bipolarности, которая во многом определяла развитие международных отношений во второй половине XX столетия. Нынешнюю ситуацию в мировой политике определяет конфликт между стремящимися сохранить свои былые позиции в экономике, военном деле, идеологии Соединёнными Штатами и окрепшими с начала 2000-х годов Россией, КНР, Индией, Турцией, Бразилией и т.д. При этом на фоне противостояния России и Запада другие ведущие игроки могут занимать двойственную позицию в отношении обеих сторон конфликта. В этом плане весьма показателен пример Турции, оказывающей военную поддержку Киеву и в то же время выступающей в качестве

посредника между сторонами конфликта [Шлыков, 2023, с. 142–159].

В этом плане нынешний кризис системы международных отношений отличается от ситуации 1950–1970-х годов, поскольку речь идет уже не о противостоянии двух блоков, а о сложной конфигурации, в которой соперничество, ситуативные союзы и обусловленный тактическими соображениями нейтралитет зачастую идут рука об руку. А если принимать во внимание позицию нынешнего президента США Д. Трампа, выступающего с критикой Киева и поддерживающего его Евросоюза, то ситуация становится совершенно отличной от той, которая была во второй половине XX столетия.

Кроме того, холодная война была в первую очередь борьбой между СССР и США за глобальное влияние, которое велось в совершенно разных уголках мира. И хотя Российская Федерация имеет интересы и на Ближнем Востоке, и на Африканском континенте, однако приоритетным направлением ее внешней политики было и остается ближнее зарубежье (Белоруссия, Украина, страны Центральной Азии, Южный Кавказ).

Именно поэтому термин «вторая холодная война», или «новая холодная война», необходимо использовать с известной осторожностью, подробно объясняя читателям различия между противостоянием СССР и США и нынешним кризисом международных отношений. В этом отношении можно вполне согласиться с такими исследователями, как С. Коэн, Р. Крайн и др., которые предпочитали говорить о холодной войне только в рамках отношений России и США.

Таким образом, мы имеем дело с двумя основными концепциями международных отношений после Второй мировой войны в научном сообществе. Первая выделяет три основных этапа развития: 1) холодная война между

СССР и США (1946–1991); 2) холодный мир (1991–2014), который не привел к формированию справедливой системы международных отношений; 3) холодная война – 2 (2022 – н. в.), для которой характерно новое противостояние между коллективным Западом и Россией. Именно ее придерживается Р. Саква и значительная часть научного сообщества и экспертов.

Второй подход базируется на том, что на смену классической холодной войне пришел период короткого улучшения отношений между Россией и Западом, который стал своеобразной точкой бифуркации в мировой политике. Однако в силу ряда объективных причин этот период привел не к формированию устойчивого порядка, а к усилению противоречий между государствами. Нынешний геополитический кризис по целому ряду параметров отличается от периода противостояния СССР и США и является переходным этапом от ушедшей в прошлое Ялтинско-Потсдамской системы к новому миропорядку.

Говоря о самом исследовании, в первую очередь нужно выделить методологию британского исследователя, которая отличается достаточной широтой. Р. Саква выступает ревизионистом в отношении утвердившейся на Западе точки зрения об исключительной ответственности России за нынешний кризис. В частности, британский исследователь критикует расширение НАТО на Восток, которое, по его мнению, спровоцировало ответную реакцию Москвы. Он предлагает картину событий, которая учитывает позицию каждой из сторон, также анализирует и внутриполитические факторы, которые имеют безусловное значение для формирования внешнеполитического курса.

При этом он стремится вписать нынешний этап международных отноше-

ний в общую панораму мировой политики после окончания Второй мировой. Такой подход позволяет более глубже понять причины нынешнего кризиса. «Мы должны рассматривать весь период с 1945 г. по сегодняшний день как единое целое. Эти годы можно разделить на три этапа: первая холодная война (1945–1989); период «холодного мира» (1989–2014), в течение которого не была решена ни одна из фундаментальных проблем общеевропейской безопасности; и период второй холодной войны с 2014 года», – отмечает исследователь [Саква, 2025, с. 2–3].

С этим утверждением нельзя не согласиться, поскольку исторические процессы могут длиться порой несколько десятилетий, прежде чем их последствия и результаты станут ощущимы во внутренней и внешней политике. Как известно, предпосылки для Первой мировой войны начали закладываться еще в 1870–1880-х годах, когда франко-германский антагонизм, борьба великих держав на Балканах и схватка за Африку готовили почву для будущего конфликта.

Исследователь ищет корни второй холодной войны не в событиях 2014 г., который ознаменовал начало перехода конфликта между Российской Федерацией и коллективным Западом в открытую стадию, и даже не в середине 2000-х годов, когда отношения между Россией и Западом уже были отмечены чередой кризисов, а в более раннем периоде. Предпосылки для второй холодной войны, с его точки зрения, закладывались уже в конце 1980-х – середине 1990-х годов, когда жители Западной и Восточной Европы приветствовали падение железного занавеса, а политики произносили торжественные речи о восцарении эпохи мира и «Европе от Лиссабона до Владивостока». Такой методологический подход позволяет более глубоко понять причины нынешнего кризиса.

Как отмечает Р. Саква, к моменту окончания холодной войны новая система международных отношений могла пойти по одному из путей: 1) миропорядок, базирующийся на принципах, которые легли в основу принятого в 1945 г. Устава ООН, а также Хельсинкских соглашений 1975 г.; 2) система, основные принципы которой определяются победителями (США, коллективным Западом). Первый путь создает предпосылки для формирования мироустройства, которое в той или иной степени учитывало бы интересы не только западных стран, но и других акторов (России, Африки, Латинской Америки). Второй сценарий развития предполагал создание системы международных отношений на условиях победителей в холодной войне, в первую очередь Соединенных Штатов, которые после распада социалистического лагеря на короткое время оказались единственной сверхдержавой в мире.

И последний советский лидер М.С. Горбачёв, и российские президенты, а вслед за ними лидеры развивающихся стран (Бразилии, Турции, Индии и др.) в определенные периоды времени рассчитывали на формирование такой системы безопасности, которая включала бы интересы не только Запада, но и других игроков на международной арене. «Советские реформаторы верили, что с окончанием холодной войны эта система сможет в полной мере вступить в свои права, позволяя процветать многостороннему сотрудничеству, одновременно ослабляя традиционное геополитическое соперничество и борьбу великих держав». Реализация этого проекта

действительно позволила бы создать в перспективе более справедливый миропорядок, основанный как на учете интересов различных государств, так и на выработке коллективных решений. При этом изначально было очевидно, что попытка объединить оба этих подхода или сформировать на их основе компромисс была обречена на провал. «Эти два подхода, две модели вступили в косвенную, но явную борьбу, и обе стороны осознавали, насколько высоки ставки» [Саква, 2025, с. 37], – справедливо отмечает Р. Саква.

Однако в конечном счете, как известно, после 1991 г. Запад выбрал путь построения однополярного мира, основанного на безраздельной гегемонии Соединённых Штатов. Р. Саква достаточно подробно анализирует позицию американской политической элиты в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Во многом это было обусловлено тем, что для внешней политики США в целом характерен подход с позиции силы, за исключением тех случаев, когда им приходится иметь дело с равным по силе оппонентом на международной арене (СССР, современным Китаем). Впрочем, принцип «победитель получает всё» является чуть ли не основополагающим для международных отношений, начиная от войн ассирийского царства и заканчивая Версальским мирным договором³. Распад социалистического лагеря, относительная слабость Китая и зависимость Европы от Вашингтона создавали для последнего соблазн воспользоваться сложившейся в конце 1980-х – начале 1990-х годов ситуацией на международной арене.

Помимо этого, администрация президента Дж. Буша (а впоследствии

³ Впрочем, при определенных обстоятельствах державы-победительницы могли отходить от этого принципа, проявляя снисхождение к побежденным, как это было после Второй мировой войны, когда США и СССР оказали помощь Германии и ее союзникам. Безусловно, эта помощь была продиктована не столько гуманистическими побуждениями, сколько конкретными интересами.

Б. Клинтона и Дж. Буша-мл.) не только стремилась закрепить победу в холодной войне посредством расширения своего влияния в мире, но и не допустить сближение Европы и России.

Кроме того, в европейских и американских политических кругах на тот момент возобладала точка зрения, что Западу у России нечему учиться. Распространенная на тот момент в США и Европе убежденность в превосходстве либеральной демократии, ярким проявлением которого стала статья-манифест Ф. Фукуямы «Конец истории?», также не способствовала выстраиванию диалога между Вашингтоном и Москвой. Как отмечает Р. Саква, впоследствии это станет миной замедленного действия в отношениях обеих стран.

Вместе с тем в своей книге Р. Саква уделяет мало внимания такой программе, как «Партнерство во имя мира», начатой в 1994 г. по инициативе США. В какой мере она могла выступить альтернативой членству в НАТО России и других восточноевропейских стран? Насколько она была эффективна? К сожалению, эти вопросы не получили достаточноного, на наш взгляд, освещения в работе.

Как бы то ни было, вышеупомянутые обстоятельства в конечном счете убедили США и их союзников, что новый мировой порядок должен базироваться на гегемонии одной сверхдержавы, которая в одностороннем порядке устанавливает правила игры. Политика с позиции силы проявилась уже в вопросе расширения НАТО. Хотя при объединении Германии США обещали СССР не принимать в альянс восточноевропейские страны, они фактически нарушили это обещание. На страницах книги Р. Саква приводит слова тогдашнего американского государственного секретаря Джеймса Бейкера, произнесенные им во время

переговоров с советской делегацией: «Предполагая, что объединение состоится, что для вас предпочтительнее: объединенная Германия вне НАТО, полностью самостоятельная, без американских войск, или объединенная Германия, сохраняющая связи с НАТО, но при гарантии того, что юрисдикция или войска НАТО не будут распространяться на восток от нынешней линии?» [Саква, 2025, с. 48]. Однако слова американского государственного деятеля не были подкреплены никаким договором или другими юридическими актами. При этом обе стороны совершенно по-разному трактовали слова Дж. Бейкера. Если для американцев они не имели какой-либо юридической силы, то советская сторона всерьез рассматривала возможность распуска обеих военно-политических блоков в рамках политики «разрядки» и мирного сосуществования. Американский историк М.Э. Саротт в своей книге «Ни на один дюйм: Америка, Россия и тупики после холодной войны» приводит такой диалог между министром иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и государственным секретарем Дж. Бейкером: «Давайте распустим и НАТО, и Варшавский договор. Давайте освободим ваших и наших союзников. Пока существует НАТО, существует и Варшавский договор». Дж. Бейкер не поощрял его продолжать в том же духе, и из этого замечания ничего не вышло, но оно стало предупреждением о том, что возникают серьезные вопросы о будущем НАТО» [Sarotte, 2021, р. 58].

«Заверения США были частью уловки, направленной на то, чтобы заставить Горбачёва одобрить объединение, следовательно, последующее расширение не могло нарушить “дух” соглашений, поскольку всё мероприятие проводилось в духе двуличия» [Саква, 2025, с. 61], – подытоживает Р. Саква. Фактически тогда, в конце 1980-х – начале

1990-х годов, когда многие люди в разных уголках мира надеялись на формирование более справедливой системы международных отношений, были посеяны семена будущей вражды между Западом и Россией.

При этом, проводя последовательную политику расширения Альянса, западные политики не стремились интегрировать Россию в евроатлантические структуры и предложить эффективный формат сотрудничества. Как отмечает Р. Саква, российские предложения по созданию единой системы европейской безопасности отвергались, поскольку могли поставить под сомнение власть Брюсселя, которому пришлось бы учитывать и российские интересы. В этом отношении подозрения Москвы относительно антироссийской направленности этого процесса были вполне оправданы.

В 2000–2010-х годах ситуация поменялась в том отношении, что обретшая силу Россия стала более уверенно вести себя на международной арене, требуя учета своих интересов. В конечном счете желание администрации Дж. Буша-мл. определять мировую политику без оглядки на позицию других держав, включая подчас и союзников по НАТО, с одной стороны, и стремление Москвы защитить свои интересы – с другой, привели к кризису в российско-американских отношениях, несмотря на дружеские отношения между лидерами обеих стран и тесные контакты в начале 2000-х годов. При этом, несмотря на объявленную Б. Обамой перезагрузку российско-американских отношений, общий курс внешней политики США остался прежним. Отдельно в работе анализируется позиция Китая на международной арене, который с 2000-х годов стал всё громче заявлять о своих амбициях. По мнению Р. Саквы, политическое руководство Поднебесной с середины 2010-х годов стало ставить перед собой

задачу «занять более сильную лидирующую позицию, хотя ранее страна на такое не решалась» [Саква, 2025, с. 147].

Особое внимание Р. Саква на страницах своей книги уделяет украинскому вопросу, который и стал основной причиной нынешнего кризиса. Британский исследователь верно оценивает стратегическое значение Украины, приводя на страницах своей книги цитату З. Бзежинского. «Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия всё еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством и, скорее всего, была бы втянута в изнуряющие конфликты с поднимающей голову Средней Азией» [Бзежинский, 2014, с. 62].

Действительно, для российской элиты Украина была не просто соседней страной, но рассматривалась как безусловная сфера влияния, имеющая жизненное значение для России. В этом отношении потенциальное вступление Украины в НАТО или появление на ее территории западных военных создавало бы на западных границах Российской Федерации угрозы для ее национальных интересов. Также и в ЕС, и в США хорошо понимали стратегическое значение страны, являющейся своего рода мостом между Европой и Россией. По мере ухудшения отношений с Россией Запад усилил свою политику в Украине, которая была нацелена на установление в стране прозападного режима.

Р. Саква достаточно подробно анализирует развитие конфликта между Россией и Западом вокруг Украины, начиная с принятия в 2008 г. программы «Восточное партнерство», направленной на расширение влияния ЕС в регионе, и Бухарестского саммита НАТО, на котором был поднят вопрос о членстве Украины и Грузии в Альянсе. Действия ЕС и США в 2013–2014 гг., поддержавшими второй Майдан,

были восприняты Москвой как прямое посягательство на национальную безопасность. Не была обойдена вниманием и политика ЕС и ведущих европейских государств (ФРГ, Франции) после 2014 г. При этом показана противоречивость позиции лидеров ЕС, которые формально ратовали за нормализацию отношений с Россией, но при этом не оказали должного влияния на Киев с целью выполнения им Минских соглашений.

Большое внимание в исследовании уделено периоду с осени 2021 г. до февраля 2022 г., который по своему драматизму и насыщенности событиями не уступал июлю 1914 г. Среди прочих Р. Саква поднимает вопрос о том, можно ли было избежать конфликта, если бы Запад принял условия России. По мнению британского ученого, Вашингтон был готов обсуждать ряд вопросов, касающихся безопасности, но не был готов отвести войска НАТО на границы 1997 г. В то же время Россия была уже не готова удовлетвориться обещаниями Запада.

Отдельные разделы в работе посвящены положению Китая и Востока в целом, чье значение в системе международных отношений за последние два десятилетия значительно возросло. Говоря о внешней политике КНР, Р. Саква задается вполне резонным вопросом о том, будет ли Китай и дальше интегрироваться в нынешнюю систему или попытается изменить ее. «В своей риторике Пекин, – пишет Р. Саква, – стремится к тому, чтобы международная система стала менее иерархичной и более сбалансированной. Это означает бросить вызов либеральной гегемонии, и, таким образом, Китай (как и Россия) становится неоревизионистом, защищающим международную систему от посягательств определенного субподряда» [Саква, 2025, с. 147]. В частности, КНР после прихода к власти Си Цзиньпина начала делать ставку

на пересмотр мирового порядка в своих интересах. Однако при этом Пекин старается избегать прямой конфронтации с Соединенными Штатами, делая преимущественно ставку на дипломатию. Тем не менее конфликт Пекина и Вашингтона, в независимости от того, какая администрация находится у власти, приобретает осевое значение в системе международных отношений.

Наряду с Китаем все большую активность проявляют страны Востока и Юга (Турция, Индия, Бразилия, африканские страны), которые так же в той или иной степени выступают против гегемонизма США и Запада. Каждая из них стремится к реформированию нынешнего миропорядка, который, по их мнению, является несправедливым. Однако одновременно эти государства конкурируют между собой на международной арене, но не образуют единый военно-политический блок. Скорее, речь идет о ситуативных союзах для достижения тактических целей, которые могут легко смениться конфликтами между ними.

В заключении автор размышляет о будущем системы международных отношений. Отказываясь от точных прогнозов, которые в нынешних стремительно меняющихся реалиях вряд ли имеют смысл, он предполагает, что возврат к прошлому невозможен и требуются новые идеи, позволяющие осмыслить новые реалии. Одной из подобных альтернатив мог стать мировой порядок, основанный не на гегемонии одной державы, а на суверенном интернационализме.

Книга Р. Саквы представляет собой попытку детально проследить путь от охватившей Европу эйфории конца 1980-х годов до трагедии 2022 г., которая вновь поставила Старый свет на грань мирового конфликта. Работа «Утерянный мир. Как Запад не сумел предотвратить вторую холодную войну», без сомнения, будет интересна как про-

фессиональным исследователям, так и широкому кругу читателей, стремящихся разобраться в хитросплетениях мировой политики. Открытым остается вопрос о том, станет ли она предсторожением для европейских элит или аналогом знаменитой книги Б. Такман «Августовские пушки», постфактум анализировавшей трагедию 1914 г.

Список литературы

Ал.А. Громыко. Мир полицентризма: роль ценностей в конкуренции ведущих держав // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 7–21. – DOI: 10.17976/jpps/2024.06.02.

Бзежинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы : пер. с англ. – Москва : АСТ, 2014. – 702 [2] с.

Лукас Э. Новая Холодная война: Как Кремль угрожает России и Западу : пер. с англ. – Санкт-Петербург: Питер, 2009. – 317 с.

Саква Р. Утерянный мир. Как Запад не сумел предотвратить вторую холодную войну : пер. с англ. О.А. Зимарина. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2025. – 416 с.

Sarotte M.E. Not One Inch. America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate. – New Haven, CT : Yale University Press, 2021. – 568 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2025.03.11

Why the West Failed to Prevent the Second Cold War

Andrey V. BELINSKY

PhD (Political Sciences), Senior Researcher
Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: belinskii_andrei@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2825-403X

CITATION: Belinsky A.V. (2025). Why the West Failed to Prevent the Second Cold War. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 3, pp. 186–195 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2025.03.11

Received: 13.05.2025.

Revised: 06.07.2025.

ABSTRACT. The article presents a review of the monograph by British political scientist R. Sakwa ‘The Lost Peace. How the West failed to prevent the Second Cold

War’. The book raises the question of the causes of the Second Cold War in relations between Russia and the West. As Sakwa notes, the preconditions for this confronta-

tion were laid back in the late 1980s and 1990s, when the first Cold War ended and the foundations of a new system of international relations were being established. According to the researcher, after the collapse of the socialist camp, the development of world politics could have followed two paths. The first one implied the creation of an international security system based on the provisions of the UN Charter, which in turn required taking into account the interests not only of the West but also of other states. The second model was based on the principle of Western domination, primarily by the USA. This is why the development of international relations in the 1990s and early 2000s followed this path, creating the preconditions for future conflict. Sakwa pays considerable attention to the Ukrainian issue, which has become the main cause of the current crisis. The book analyzes Ukraine's strategic position, diplomatic manoeuvres, and the interests of the parties involved. At the end of the study, the author shares his predictions about the future of international relations.

KEYWORDS: *international relations, crisis, Russia, the West, Second Cold War.*

References

- Brzezinski Z. (2014). *The Great Chessboard: America's Domination and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: ACT, 704 pp. (transl. into Russian).
- Gromyko Al.A. (2024). The World of Polycentrism: the Role of Values in the Competition of Leading Powers. *Polis. Political Studies*. No. 6, pp. 7–21 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2024.06.02.
- Lukas E. (2009). *The New Cold War: Putin's Russia and the Threat to the West*. St. Petersburg: Peter, 317 pp. (transl. into Russian).
- Sakwa R. (2025). *The Lost World. How the West Failed to Prevent the Second Cold War*. Moscow: Ves' Mir, 416 pp. (transl. into Russian – by O.A. Zimarin).
- Sarotte M.E. (2021). *Not One Inch. America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. New Haven, CT: Yale University press, 568 pp.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 пл.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 18 № 3 – 2025**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 01.10.2025
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 15,8 Уч.-изд. л. 15,1
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № __

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6